

Концепт:

философия, религия, культура

Том 6, № 3 2022

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ НАУЧНО-РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ
<https://concept.mgimo.ru>

«Концепт: философия, религия, культура» — рецензируемый научный журнал, публикующий материалы междисциплинарных исследований культуры. Цель журнала — концептуализация проблематики межкультурного диалога и консолидация научного сообщества исследователей культуры с учётом специфики национальных научных школ. В фокусе внимания издания — фундаментальные и прикладные аспекты межкультурной коммуникации. В числе наших приоритетов — взаимное узнавание «условного Запада» и «условного Востока», развитие академических контактов, продвижение перспективных работ начинающих учёных.

Цели и задачи журнала:

1. Публиковать результаты оригинальных исследований, посвящённых культурному разнообразию и современным аспектам межкультурных отношений. Приветствуются исследования региональных проблем, имеющих фундаментальное и прикладное значение.
2. Формировать международную площадку для развития академического диалога по проблемам истории, теории и философии культуры. Журнал опирается на действующую в МГИМО секцию «Межкультурная коммуникация» Российской ассоциации международных исследований (РАМИ), которая регулярно собирает ведущих российских и зарубежных специалистов в области изучения культуры.
3. Развивать интеллектуальные контакты начинающих исследователей культуры, вести открытую научную дискуссию по проблемам интерпретации культур и поиска перспективных методов их изучения. Приветствуются междисциплинарные проекты, включая лингвокультурные исследования, анализ прикладных вопросов межкультурной коммуникации в различных доменах культуры (философия, религия, искусство, медиа).

Решению этих задач подчинена структура основных рубрик исследовательских статей: «Философия», «Культурология», «Религиоведение», «Межкультурная коммуникация», «Культура и искусство».

Предметные области журнала.

В журнале публикуются исследования по двум предметным областям изучения культуры согласно международному классификатору ASJC — Arts&Humanities and Social Sciences:

философия (Philosophy, Religious studies) и культурология (Cultural studies).

Согласно классификатору Высшей аттестационной комиссии России, журнал принимает к публикации статьи по двум направлениям — философия и культурология; которые распределены по следующим научным специальностям:

- 09.00.14 — Философия религии и религиоведение (философские науки)
- 09.00.13 — Философская антропология, философия культуры (философские науки)
- 24.00.01 — Теория и история культуры (культурология)
- 24.00.01 — Теория и история культуры (философские науки)

Географический охват.

Авторы, члены редакционной коллегии и рецензенты журнала представляют такие страны, как Россия, Великобритания, Италия, Китай, Сербия, США, Япония, Иран, Испания и др. Статьи принимаются на русском и английском языках.

Адрес редакции:

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76,
к. 4114 а.
Тел./ факс. +7 495 234-83-48
Веб-сайт: <https://concept.mgimo.ru>
E-mail: concept@mgimo.ru

Статьи направлять по адресу:

<https://concept.mgimo.ru/jour/author/submit/1>

© Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, к. 4105
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФЧ77-67951 от 06 декабря 2016 г.

Подписано в печать 26.09.2022
Тираж 500 экз. Объём 16,01 п.л.
Заказ 1003

Префикс DOI: 10.24833

Выходит 4 раза в год.

Цена свободная.

Дата выхода в свет первого номера: 20.03.2017

ISSN (Print): 2541-8831

ISSN (Online): 2619-0540

Транслитерированное название: Kontsept: filosofiya, religiya, kultura

Главный редактор: **Ю.П. Симонов (Вяземский)**

Шеф-редактор: **А.А. Королева**

Ответственный секретарь: **И.А. Чупрова**

Редакторы: **С.Ю. Дианина, Н.А. Остроглазова,**

В.И. Коннов, Н.Ю. Ярыгина

Дизайн и вёрстка: **Д.Е. Волков**

Администратор сайта: **А.В. Заборников**

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76

Журнал основан в 2017 году. В 2020 году был осуществлён переход на нумерацию по томам.

MGIMO University

Room 4105, 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation

Published since 2017

Issued 4 times a year

ISSN (Print) 2541-8831

ISSN (Online) 2619-0540

DOI: 10.42833

<https://concept.mgimo.ru>

The Journal *Concept: Philosophy, Religion, Culture* is a peer-reviewed scientific journal for cultural studies of key aspects of philosophy, religion, arts, and cultural linguistics, focusing on communication problems. The Journal aims to become a venue for international academic dialogue on theoretical and empirical aspects of research in the field of culture, cross- and intercultural processes. We bring together inquiries from a variety of disciplinary backgrounds encompassing both social sciences and humanities. Founded by a team of scholars from a broad range of disciplines, the journal publishes articles related to innovative agendas and approaches likely to mold the future of cultural research. We seek to highlight non-Western cultural studies to balance the West-centred perspectives.

We pursue the following goals:

1. To publish findings of original research on cultural diversity and modern aspects of intercultural relations. Studies of regional issues of both domestic and worldwide cultural importance are welcome.
2. To set up an international multi-language network for an academic dialogue on cultural history and theory and the philosophy of culture. The journal is endorsed by the Russian International Studies Association (RISA) section of Intercultural Communications that regularly brings together leading Russian and international scholars and young international researchers working in the field.
3. To promote intellectual contacts among scholars of culture with diverse political, cultural, and ideological backgrounds; to uphold free scholarly debate on issues critical to understanding/interpreting cultures; to encourage promising new methods of research in the field. Interdisciplinary projects, related to the linguistic, art, and applied aspects of intercultural communication, are welcome.

To meet these aims, research papers of the journal are organized into sections: Philosophy, Cultural Studies, Religious Studies, Intercultural Communication, Culture and Art.

Subject Area and Subject Categories

The journal publishes articles in two subject areas of the *ASJC* international classification *Arts and Humanities (Philosophy, Religious Studies)* and *Social Sciences (Cultural Studies)*.

Geographical Scope

The authors, editorial board members and reviewers represent such countries as Russia, the UK, Italy, China, Serbia, the USA, Japan, Iran, Spain and other states. The journal accepts papers written in Russian and English.

Contents

Editor-in-chief monologue: Presenting the Issue	6
--	---

RESEARCH ARTICLES

PHILOSOPHY

Yanan Ch., Fomina M. N. Zheng Xiaoyun's Theory of Cultural Identity	7
--	---

Litvak N. V. Fuctional Illiteracy as an Axiological Problem	22
--	----

RELIGIOUS STUDIES

Suleimenov A. R. Temporary Scheme of Modern Jihadism	36
---	----

CULTUROLOGY

THEME OF THE ISSUE: DIPLOMACY FOR CULTURE

Kochieva A. A. UNESCO Activities for the Protection of Cultural Heritage in the Territory of Partially Recognized and Unrecognized States	50
--	----

Sheremet N. A. Human Rights Mechanisms in Latin America from the Perspective of Intersection of Regional and Universal Human Rights Concepts	68
---	----

Fedorova E. S. The Diplomat, Strategist, Intelligence Officer, Historian — in the Service of Russia. Prince Alexey Borisovich Lobanov-Rostovsky	83
--	----

INTERCULTURAL COMMUNICATION

Romanin E. V. The Xenology of the Powder Keg of Europe: the Reflection of the Peculiarities of Own — Alien Dichotomy in the Balkan Model of the World in the Xenopejorative Vocabulary of the Languages of the Balkan Sprachbund — Articulation of Issue	107
---	-----

Koroleva A. A., Nikiforova A. N., Novikova L. D. Perception of Innovations by Primary Education Teachers: Case Study of Bilingual Classes in Moscow and Moscow Region	126
--	-----

CULTURE & ART

Ryabchenko-Shats V. D. Beardsley Movement in the Russian Silver Age Culture	141
--	-----

Radaeva E. A. Traditions of German Expressionism in the Cinematography of the Second Half of the 20th – Early 21st Centuries.....	156
--	-----

BOOK REVIEWS

Sleptsova V. V. Jewish Religious and Philosophic Thought through the Lens of Analytical Philosophy	171
---	-----

Deretić I. The Review of <i>Between Myth And Science. A Treatise on Plato's Cosmology</i>	179
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

Ulanova A. E. International Scientific and Practical Conference <i>Digital International Relations 2022</i>	182
--	-----

Содержание

Симонов Ю.П.

МОНОЛОГ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: Представляю номер 6

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

ФИЛОСОФИЯ

Чэнь Я., Фомина М.Н. Теория культурной идентичности Чжэн Сяюня 7

Литвак Н.В. Функциональная неграмотность как аксиологическая проблема 22

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Сулейменов А.Р. Темпоральная схема современного джихадизма 36

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ТЕМА НОМЕРА: ДИПЛОМАТИЯ НА СЛУЖБЕ КУЛЬТУРЫ

Кочиева А.А. Деятельность ЮНЕСКО по охране культурного наследия на территории частично признанных и непризнанных государств 50

Шеремет Н.А. Механизмы защиты прав человека в Латинской Америке с точки зрения соотношения региональной и универсальной правозащитных концепций 68

Федорова Е.С. Дипломат, стратег, разведчик, историк — на службе России. Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский 83

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Романин Е.В. Ксенология порохового погреба Европы: отражение особенностей дихотомии «свой — другой» в балканской модели мира в ксенопейоративной лексике языков Балканского языкового союза — к постановке проблемы 107

Королева А.А., Никифорова А.Н., Новикова Л.Д. Восприятие инноваций педагогами начального образования: кейс-стади билингвальные классы в Москве и области 126

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

Рябенко-Шац В.Д. Бёрдслеизм в культуре Серебряного века 141

Радаева Э.А. Традиции немецкого экспрессионизма в киноискусстве второй половины XX – начала XXI вв. 156

РЕЦЕНЗИИ

Слепцова В.В. Еврейская религиозно-философская мысль сквозь призму аналитической философии 171

Деретич И. Рецензия «Между мифом и наукой. Сокровища космологии Платона» 179

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Уланова А.Е. Международная научно-практическая конференция «Цифровые международные отношения 2022» 182

Concept: philosophy, religion, culture

© MGIMO University

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor). Certificate of registration of mass media PI No. FS77-67951 dated December 6, 2016. Date of publication of the first issue: 03.20.2017. In 2020 a transition was made to numbering by volume.

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications that publish the main scientific results of dissertations for the degree of candidate and doctor of sciences in three, according to the classifier of the Higher Attestation Commission of Russia, areas of scientific specialties: 09.00.13. Philosophical anthropology, philosophy of culture; 09.00.14. Philosophy of religion, religious studies; 24.00.01. Theory and history of culture. Content is licensed under Creative Commons Attribution 4.0

Printed in the Department of operational printing and multiplying equipment MGIMO MFA of Russia. 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454. Edition of 500 copies. Volume 16,01 p.l. Order 1003 Mailing Address: Room 4105, 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, the Russian Federation/ Phone/fax: +7 495 234-83-48. E-mail: concept@mgimo.ru Cost: free price.

INTERNATIONAL ADVISORY COUNCIL

Anatoly V. Torkunov – Doctor of Political Sciences, Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Rector of MGIMO University (Russia)
Boris Bratina – Doctor of Philosophy, Professor, University of Priština (Kosovska Mitrovica, Serbia)
Abdusalam A. Guseynov – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy, Russian Academy of Science (Russia)
Philip T. Grier – PhD (Philosophy), Professor, Dickinson College (Pennsylvania, USA)
Stefano M. Capilupi – PhD (Philosophy), PhD (Philology), Professor, University of Rome «La Sapienza», St. Petersburg Polytechnic University, Russian Christian academy for the humanities (Italy)
Vladimir R. Legoyda – PhD (Political Sciences), Docent, MGIMO University. Chairman of the Holy Synod Department for Church, Society and the Mass Media Relations of the Russian Orthodox Church (Russia)
Slavenko Terzić – Doctor of History, Professor, Corresponding Member of the Serbian Academy of Sciences and Arts, Belgrade Institute of History (Serbia)
Sergey V. Chugrov – Doctor of Sociology, Professor, MGIMO University, Editor-in-chief of the scientific journal «Polis. Political Studies» (Russia)
Aleksey V. Shestopal – Doctor of Philosophy, Professor, MGIMO University (Russia)
Vladimir S. Glagolev – Doctor of Philosophy, Professor, MGIMO University (Russia)
Tatiana M. Gurevich – Doctor of Cultural Studies, Docent, MGIMO University (Russia)
Yaroslav L. Skvortsov – PhD (Sociology), MGIMO University (Russia)
Nina D. Afanasyeva – PhD (Pedagogical Sciences), Docent, MGIMO University (Russia)

EDITORIAL BOARD

Evgeny I. Arinin – Doctor of Philosophy, Professor, Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich (Russia)
Lioudmila G. Vedenina – Doctor of Philology, Professor, MGIMO University (Russia)
Thomas J. Garza – Doctor of Philosophy, Professor, University of Texas (USA)
Irina Deretić – Doctor of Philosophy, Professor, University of Belgrade (Serbia)
Konstantin M. Dolgov – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy RAS (Russia)
Sergey B. Zelenev – PhD (Economics), Professor, Special Representative of International Council on Social Welfare (ICSW) to the United Nations in New York (USA)
Alexander V. Kamenets – Doctor of Cultural Studies, Professor, Russian State Sociological University (Russia)
Irina G. Kargina – Doctor of Sociology, Professor, MGIMO University (Russia)
Janet Clare – PhD (Philology), Professor, University of Hull (UK)
Lidia I. Kirsanova – Doctor of Philosophy, Professor, Far Eastern Federal University (Russia)
Alina A. Koroleva – PhD (Cultural Studies), MGIMO University (Russia)
Sergey D. Lebedev – PhD (Sociology), Docent, Belgorod State University (Russia)
Marcos Pablo Moloeznik – PhD (Law), Professor, University of Guadalajara (Mexico)
Nelly V. Motroshilova – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy of RAS (Russia)
Elena A. Ostrovskaya – Doctor of Sociology, Professor, Saint Petersburg University (Russia)
Adrian Pabst – PhD (Political thought and philosophy of religion), Professor, University of Kent (UK)
Aleksey A. Romanchuk – Researcher at the Institute of Cultural Heritage (Republic of Moldova)
Yury P. Simonov (Viazemsky) – PhD (History), Professor, MGIMO University (Russia)
Margarita V. Silantyeva – Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Philosophy, Professor, MGIMO University (Russia)
Sanami Takahashi – PhD (Philosophy), Associate Professor at the Faculty of Human-Environment Studies, Kyushu University (Japan)

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief:	YU. P. SIMONOV (VIAZEMSKY)
Editor-in-Charge:	A. A. KOROLEVA
Deputy Editor-in-Chief:	N. D. AFANASYEVA, M. V. SILANTYEVA
Executive secretary:	Irina. A. Chuprova – PhD (Philosophy), MGIMO University (Russia)
Editors:	Svetlana Yu. Dianina – PhD (Philosophy), MGIMO University (Russia) Natalia A. Ostroglazova – MGIMO University (Russia) Vladimir I. Konnov – PhD (Sociology), MGIMO University (Russia) Nadezhda Y. Yarygina – MGIMO University (Russia) Dmitriy E. Volkov – MGIMO University (Russia)
Designer, Coder:	Andrey V. Zabornikov – MGIMO University (Russia)
Site Administrator:	

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Анатолий Васильевич Торкунов – д.полит.н., профессор, академик РАН, ректор МГИМО МИД России (Россия)
Борис Братина – д. философии, Приштинский университет (Косовская Митровица, Сербия)
Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов – д.филос.н., профессор, академик РАН, Институт философии РАН (Россия)
Филип Т. Грер – PhD (философия), Дикинсон колледж (Пенсильвания, США)
Стефано М. Капилупи – к.филос. н., PhD (Филология), Римский государственный университет «Ла Сапьенца», Политехнический университет имени Петра Великого, РХГА (Италия)
Владимир Романович Легойда – к.полит.н., доцент, МГИМО МИД РОССИИ, Синодальный отдел РПЦ по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ (Россия)
Славенко Терзич – д.и.н., профессор, член-корреспондент Академии наук Сербии, Исторический институт Белграда (Сербия)
Сергей Владиславович Чугров – д.социол.н., профессор, МГИМО МИД России, редактор научного журнала «Полис. Политические исследования» (Россия)
Алексей Викторович Шестопал – д.филос.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия)
Владимир Сергеевич Глаголев – д.филос.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия)
Татьяна Михайловна Гуревич – д. культурологии, к. филол. н., доцент, МГИМО МИД России (Россия)
Ярослав Львович Сворцов – к.социол.н., МГИМО МИД России (Россия)
Нина Дмитриевна Афанасьева – к.пед.н., МГИМО МИД России (Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Евгений Игоревич Аринин – д.филос.н., профессор, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (Россия)
Людмила Георгиевна Веденина – д.филол.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия)
Томас Х. Гарза – д. философии, профессор, Университет штата Техас (США)
Ирина Деретич – д. философии, профессор, Белградский университет (Сербия)
Константин Михайлович Долгов – д.филос.н., профессор, Институт философии РАН (Россия)
Сергей Борисович Зеленев – к.э.н., профессор, Совет по общественному благосостоянию (Нью-Йорк, США)
Александр Владленович Каменец – д.культурологии, профессор, РГСУ (Россия)
Ирина Георгиевна Каргина – д.социол.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия)
Джанэт Клэр – PhD (филология), профессор, Университет г. Гулл (Великобритания)
Лидия Игнатьевна Кирсанова – д.филос.н., профессор, ДВФУ (Россия)
Алина Алексеевна Королева – к.культурологии, МГИМО МИД России (Россия)
Сергей Дмитриевич Лебедев – к.социол.н., доцент, НИУ БелГУ (Россия)
Маркус Пабло Молоежчик – PhD (право), профессор, Университет Гвадалахары (Мексика)
Неля Васильевна Мотрошилова – д.филос.н., профессор, Институт философии РАН (Россия)
Елена Александровна Островская – д.социол.н., профессор, СПбГУ (Россия)
Адриан Пабст – PhD (политические науки и философия религии), профессор, Кентский университет (Великобритания)
Андрей Алексеевич Романчук – н.с. Института культурного наследия (Республика Молдова)
Юрий Павлович Симонов (Вяземский) – к.ист.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия)
Маргарита Вениаминовна Силантьева – д.филос.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия)
Санам Такахаши – PhD (философия), Университет Кюсю (Япония)

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор:	Ю.П. СИМОНОВ (ВЯЗЕМСКИЙ)
Шеф-редактор:	А.А. КОРОЛЕВА
Зам. главного редактора:	Н.Д. АФАНАСЬЕВА, М.В. СИЛАНТЬЕВА
Ответственный секретарь:	Ирина Александровна Чупрова – к.филос.н., МГИМО МИД России (Россия)
Редакторы:	Светлана Юрьевна Дианина – к.филос.н., МГИМО МИД России (Россия) Наталья Александровна Остроглазова – МГИМО МИД России (Россия) Владимир Иванович Коннов – к.социол.н., МГИМО МИД России (Россия) Надежда Юрьевна Ярыгина – МГИМО МИД России (Россия)
Дизайн и верстка:	Волков Дмитрий Евгеньевич – МГИМО МИД России (Россия)
Администратор сайта:	Заборников Андрей Витальевич – МГИМО МИД России (Россия)

МОНОЛОГ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: ПРЕДСТАВЛЯЮ НОМЕР

Что может — и чего *не* может культура? Особенно если понимать её не только как содержание собственно человеческого образа жизни, но и как стратегию поведения? Можно согласиться: понятая таким образом культура если и «сила», то сила в очень особом смысле. Её «мягкость» может относиться как к завуалированной форме идеологической обработки, так и к силе цветка, пробивающегося сквозь бетонное покрытие: бетонная плита при этом крошится и превращается в песок, а «слабое» растение пробивается к солнцу. Старая метафора вновь и вновь оказывается востребованной; разного рода «отмены» не отменимы, как бетонные плиты; но они — преодолимы. Тема сегодняшнего номера — «Дипломатия на службе культуры» — позволяет проследить оба названных направления разговора о культуре в различных профессиональных дискурсах, от правовых (**Наталья Шеремет**, «Механизмы защиты прав человека в Латинской Америке с точки зрения соотношения региональной и универсальной правозащитных концепций») и договорных (**Алана Кочиева**, «Деятельность ЮНЕСКО по охране культурного наследия на территории частично признанных и непризнанных государств») до исторических и политических (**Екатерина Федорова**, «Дипломат, стратег, разведчик, историк — на службе России. Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский»). В номере как всегда присутствуют исследования, посвящённые теме идентичности (**Чэнь Янань** и **Мари-**

на Фомина, «Теория культурной идентичности Чжэн Сяоюня») и различным способам её формирования (**Николай Литвак**, «Функциональная неграмотность как аксиологическая; **Андрей Сулейменов**, «Темпоральная схема современного джихадизма»; **Алина Королева**, **Анастасия Никифорова** и **Лия Новикова**, «Восприятие инноваций педагогами начального образования: кейс-стади билингвальные классы в Москве и области»), а также статьи, касающиеся культурологических аспектов изучения искусства (**Валерия Рябченко-Шац**, «Бёрдслейзм в культуре Серебряного века»; **Элла Радаева**, «Традиции немецкого экспрессионизма в киноискусстве второй половины XX – начала XXI вв.»). Нельзя не выделить интереснейшее исследование в области лингвокультурологии — статью **Евгения Романина** «Ксенология порохового погребка Европы: отражение особенностей дихотомии «свой — другой» в балканской модели мира в ксенопейоративной лексике языков Балканского языкового союза — к постановке проблемы»). И наконец, рецензии этого номера (**Валерия Слепцова**, «Еврейская религиозно-философская мысль сквозь призму аналитической философии»; **Ирина Деретич**, «Рецензия «Между мифом и наукой. Сокровища космологии Платона») позволяют читателю познакомиться с событиями интеллектуальных лабиринтов взаимодействия культур, ручейками взаимопонимания струящихся в толще тектонических процессов истории.

Юрий Симонов (Вяземский)

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЖЭН СЯОЮНЯ

Янань Чэнь¹, Марина Николаевна Фомина²

^{1,2} Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

¹ 2415237992@qq.com

<https://orcid.org/0000-0002-2807-4170>

² marf_05@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5744-9402>

Аннотация. Анализ теории культурной идентичности широко известного в Китае философа Чжэн Сяоюня позволяет не только ввести новое имя в научный оборот российских исследований культуры, но и рассмотреть в новом ключе ряд проблем, связанных с темой идентичности в современной социо-гуманитарной мысли. Фундаментальное исследование Чжэн Сяоюня «Теория культурной идентичности», которое оказалось сегодня очень востребованным в китайских академических кругах, ещё не получило

широкой известности за пределами Китая. Между тем концепция Чжэн Сяоюня о соотношении культурной и национальной идентичности, обусловленности идентичности культурным развитием общества и личности, становлении глобальной культурной идентичности вполне заслуживает внимания и может послужить подспорьем для продолжения научного диалога по этим вопросам. Сравнение идей Чжэн Сяоюня с аналогичными исследованиями в России и за рубежом показывает: если западные авторы ориентированы на анализ психологического уровня идентичности, российские авторы — на культурную идентичность, то китайские — на сохранение культурной идентичности в изменяющемся мире. Как показало компаративное исследование, определение оснований, механизмов и типов культурной идентичности в его ключевом труде корреспондирует с основными подходами, представленными в других академических традициях. При этом Чжэн Сяоюнь предлагает собственную версию структурального подхода к анализу динамики формирования идентичности, раскрывая базовые условия сочетания структурных и конструктивистских ракурсов на основе принципов историчности и объективности.

Ключевые слова: Китай, Чжэн Сяоюнь, культура, теория культурной идентичности, функции культурной идентичности, глобализация, глобальная культурная идентичность

Для цитирования: Чэнь Я., Фомина М.Н. Теория культурной идентичности Чжэн Сяо-юня // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 3. — С. 7–21. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-7-21>

Research article

ZHENG XIAOYUN'S THEORY OF CULTURAL IDENTITY

Yanan Chen¹, Marina N. Fomina²

^{1,2} Transbaikal State University, Chita, Russia

¹ 2415237992@qq.com

<https://orcid.org/0000-0002-2807-4170>

² marf_05@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5744-9402>

Abstract. This article is an analysis of the theory of cultural identity by Zheng Xiaoyun, a distinguished Chinese philosopher. His theory of cultural identity presented here gives a new perspective to the study of cultural identity. Zheng Xiaoyun's work *The Theory of Cultural Identity* has won recognition with Chinese academia and has been widely cited there, yet it is little known abroad, Russian academic thought included. Zheng Xiaoyun investigates the relations between cultural and national identities, stating that culture revolves around cultural identity. He comes to the conclusion that cultural and national identities are determined by the cultural development of individuals and society in general (*horizontal* determination) as well as by the global identity coming into being (*vertical* determination). His novel ideas and insights add to the academic discussion of the problems of identity. The comparison of Zheng Xiaoyun's ideas and the theories of Russian and foreign researchers shows notable distinctions: western authors tend to look into psychological aspects of identity, Russian research focuses on its cultural dimension, whereas in China maintaining one's cultural identity in a changing world is the key problem of identity research. In his works Zheng Xiaoyun studies the function of cultural identity in an alias language environment and explores how strong national identity and values determine the life of a group. Key topics in Chinese identity research today, such as regional identity and Asian identity, call for an in-depth analysis of national and cultural identity and tap from the works of Zheng Xiaoyun. The comparative analysis has proved that his ideas on determining the foundations, mechanisms and types of cultural identity corresponds with other academic traditions. However, Zheng Xiaoyun's study outlined in this article brings about novel structural approaches to the analysis of the dynamics of identity creation. Following on from the principles of historicity and objectivity, the philosopher develops the basic prerequisites for combining structural and cognitive approaches in studies of modern national and global identities.

Keywords: China, Zheng Xiaoyun, culture, theory of cultural identity, functions of cultural identity, globalization, global cultural identity

For citation: Chen, Y., Fomina, M. N. (2022) 'Zheng Xiaoyun's Theory of Cultural Identity', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(3), pp. 7–21. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-7-21>

В условиях глобализационного прорыва современного Китая установка на сочетание «традиции» и «обновления» всё чаще выводит на повестку дня вопрос о культурной идентичности. Главной теоретической и методологической основой исследований по данной проблематике в КНР сегодня является книга китайского антрополога Чжэн Сяюня¹ «Теория культурной идентичности», опубликованная в начале 1990-х гг. XX в.², переизданная в Китае в 2018 г. и, как это ни парадоксально, практически неизвестная российскому читателю.

Между тем, теория Чжэн Сяюня представляет собой глубокое исследование основных принципов культурной идентичности и связанных с её осмыслением теорий. Изучение новых аспектов идентичности, возникающих в контексте глобализации, дополняется здесь обсуждением проблем современной культурной идентичности китайской нации, а также разработкой конструктивистских моделей идентичности. Таким образом академическая ценность и практическое значение труда Чжэн Сяюня не может быть сведены к трансплантации на китайскую почву понятийного аппарата исследований идентичности, хотя для обоснования своих взглядов он обращается к работам многих, в том числе зарубежных, учёных: антропологов, культурологов, философов, историков³. Его труд вносит

самостоятельный вклад в процесс формирования теории культурной идентичности (в том числе за счёт рефлексии над этим самым понятийным аппаратом), причём не только в китайской науке; он имеет большое значение для мировой науки в целом. Детали и основания этого уникального факта мы постарались описать и проанализировать в ходе данного исследования.

Предпринятый нами анализ западных и российских источников, освещающих теоретическую и концептуальную базу исследований в области культурной идентичности, показывает, что здесь нет не только специальных исследований, посвящённых взглядам Чжэн Сяюня — само это имя классика китайской культурной антропологии, как уже отмечалось, научной общественности пока не известно. Соответственно, ближайшей целью данного исследования является введение в научный оборот российской философии культуры и других дисциплин, изучающих культуру, основных идей теории культурной идентичности Чжэн Сяюня. В число задач данного исследования входит сопоставление идей Чжэн Сяюня с западными и российскими аналогами, а также анализ его позиций по следующим вопросам: генезис культурной идентичности; определение механизмов влияния культурной идентичности на поведение личности и развитие культуры; раскрытие специфи-

¹ Чжэн Сяюнь (1961 г.р.), научный сотрудник, директор отдела Организации научных исследований Юньнаньской академии социальных наук, помощник президента Юньнаньской академии социальных наук, директор Международного центра экокультурных исследований, исследователь второго уровня, антрополог, гидролог. Академик Французской академии наук о воде, официальный консультант Американского института водной культуры; приглашенный профессор и исследователь Токийского университета (Япония), почётный профессор Вьетнамской национальной академии культуры и искусств. Автор более 130 научных статей, из которых более 30 были опубликованы за рубежом. Среди публикаций, это: «Культурная идентичность и культурные изменения» [贺圣达, 1992], «Глобализация национальной культуры — антология академических исследований Чжэн Сяюня» [贺圣达, 2005], «Культурное разнообразие этнических групп дай и тай в Юньнани и Юго-Восточной Азии на фоне глобализации» [贺圣达, 2006] и др. (Информация представлена с сайта: 郑晓云 = Чжэн Сяюнь <http://www.sky.yn.gov.cn/zgxz/zqjj/864233936169399793>)

² В 1992 году монография Чжэн Сяюня была опубликована под названием «Культурная идентичность и культурные изменения» (《文化认同与文化变迁》) [贺圣达, 1992]. В 2018 г. она переиздается как «Теория культурной идентичности» [贺圣达, 2018].

³ Среди 45 источников, на которые ссылается Чжэн Сяюнь, имеются следующие работы: 基辛(P. Keeing): 《当代文化人类学》上下册, 台湾巨流出版公司1980年中译版。= Киинг (П. Киинг): «Современная культурная антропология»; [美]威廉·费尔丁·奥格本: 《社会变迁——关于文化和先天的本质》, 浙江人民出版社1989年版。= Уильям Филдинг Огберн: «Социальные изменения — о культуре и врожденной природе»; 杨堃: 《民族学概论》, 中国社会科学出版社1984年版。= Ян Кун: «Общий обзор этнографии»; 庞朴: 《文化的民族性与时代性》, 中国和平出版社1988年版。= Пан Пу: «Национальность и эпоха культуры»; 阮西湖: 《加拿大民族志》, 中国社会科学出版社1986年版。= Жуан Сиху: «Этнография Канады»; 费孝通等: 《中华民族多元一体格局》, 中央民族学院出版社1989年版。= Фэй Сяотун и др.: «Плюралистическая модель китайского народа и др.

ки китайской культурной идентичности. Для реализации поставленных задач были использованы методы, позволяющие сопоставить подходы западных, российских и китайских исследователей культурной идентичности: компаративный анализ и интерпретационный метод. Теория Чжэн Сяюня рассмотрена нами в контексте глобализации, что потребовало обращения к аналитическому аппарату философии; рассмотрение учения Чжэн Сяюня в качестве феномена социально-гуманитарной мысли Китая определило необходимость опоры на феноменологический метод. Теоретической базой исследования, наряду с трудами Чжэн Сяюня, послужили работы В.М. Межуева, Хэ Шэнда, П. Смита, К. Люкса и др. Ниже актуальные теоретические подходы к теории идентичности выделены в отдельную часть нашего исследования. Так как данное исследование теории культурной идентичности Чжэн Сяюня — первое в российской науке (и к тому же является примером научной коллаборации в рамках международного научного сотрудничества российских и китайских ученых), его практической значимостью можно считать не только стремление к выявлению специфики современных китайских исследований культурной идентичности, но и возможное расширение теоретической базы отечественных исследований в этой области.

Теоретические подходы к исследованию культурной идентичности в западной, российской и китайской научной мысли

В последние десятилетия теоретико-методологический анализ проблем идентичности становится одним из доминирующих направлений социо-гуманитарной мировой научной мысли. В них нуждаются и находят продолжение междисциплинарные исследования, ориентированные прежде всего на эмпирический анализ. Так, в 2011 г. в Нью-Йорке вышел (пока единственный в мире) «Справочник по теории и исследованиям идентичности», охватывающий все основные направления западной теории идентичности [Handbook of Identity Theory..., 2011]. Среди опубликованных в этом сборнике работ особый интерес

представляет статья Питера Б. Смита. Из тривиального положения о том, что идентификация зависит от позиционирования человека в конкретной культурной группе, Смит делает вывод о необходимости выводить шкалы самооценки, определяющей личную и социальную идентичность в зависимости от социальных контекстов [Smith, 2011]. Авторы другой статьи анализируют проблемы формирования личностной идентичности на разных этапах её становления, в том числе при взаимодействии с другими идентичностями [Processes of Personal Identity..., 2011].

Важное дополнение встречаем в работе Монсеррат Кастельо и группы авторов, выполненной в 2021 г. На основании анализа обширного эмпирического материала исследователи приходят к выводу: трактовка теории идентичности зависит не только от предмета исследования, но и от идентичности самого исследователя [What perspectives underlie..., 2021]. При этом западные исследования проблемы идентичности разрабатываются сегодня преимущественно в рамках психологических теорий. Интересным примером сочетания психологических подходов и философских обобщений можно считать труд американского философа Кристиана Козеру, который, обращаясь к компаративистскому анализу западной и буддийской философии, обосновывает формирование культурной идентичности в контексте сравнительной философии сознания [Козеру, 2017].

Представляет научный интерес и трактовка культурной идентичности в своде исследований представителей научной школы Оксфорда, где идентичность современного типа трактуется на основе установления принадлежности личности к конкретной культурной группе, находящейся в точке пересечения различных культур [Chen, Mendy, 2021]. Данной позиции созвучна статья чешского исследователя Е. Петруцийовой, анализирующей проявление культурной идентичности в условиях мультикультурного мира, порожденного глобализацией [Petrucijova, 2010].

В российских исследованиях ещё в 2010 г. современным проблемам изучения

идентичности был посвящён 4 том журнала ИФ РАН «Вопросы социальной теории», в котором были представлены онтологические и гносеологические аспекты осмысления идентичности; идентичность рассматривалась в социальном, культурологическом, антропологическом, политическом и философском ракурсах [Гуревич, 2010]. Осмыслению бытийного уровня этнокультурной идентичности в современных глобализационных процессах посвящено исследование И.А. Аполлонова и И.Д. Тарбы [Апполонов, Тарба, 2017].

Анализ источников показывает, что в современной российской науке акцент делается преимущественно на культурную составляющую идентичности. Так, Ю.С. Замараева и Н.П. Копцева на основе анализа отечественных и зарубежных исследований обосновывают понятие «сложная идентичность», определяя её как рефлексию современных социокультурных отношений. [Zamaraeva, Koptseva, 2020]. Н.Н. Федотова анализирует культурную идентичность в глобальном мультикультурном мире [Федотова, 2006]; И.К. Гончарова и Е.Ю. Липец — её становление в условиях глобализации [Гончарова, Липец, 2019]. Осмысление проблем региональной идентичности раскрывается в одной из последних работ Г.М. Казаковой [Kazakova, 2022]. В свою очередь, теоретические аспекты исследования культурной идентичности системно представлены трудами П.С. Гуревича [Гуревич, 2010]; вопросы соотношения цивилизационной и культурной идентичности рассматриваются В.М. Межуевым [Межуев, 2011] и И.В. Кондаковым с соавторами [Кондаков, Соколов, Хренов, 2011]. Исследование Л.В. Мельниковой раскрывает концептуальные подходы к проблеме конструирования культурной идентичности [Мельникова, 2010]. По выражению классика российской социальной философии В.М. Межуева, в национальной культуре необходимо присутствует «субстанциональная основа» [Межуев, 2011: 180]. Культурная идентичность с этой точки зрения — удобная модель, позволяющая проследить основу национально-культурной консолидации, а не только выделить её конструктивистские интерпретации.

Анализ публикационной активности российских авторов позволяет сказать, что научная и методологическая базы исследований культурной идентичности находятся в стадии активного становления.

Сходная ситуация наблюдается в китайской социо-гуманитарной мысли: исследования культурной идентичности последние десятилетия становятся здесь одним из доминирующих направлений. В зону внимания китайских учёных проблемы формирования культурной идентичности в эпоху глобализации попадают начиная с 1990-х гг.: согласно наукометрическим данными в Китае к настоящему времени опубликовано более 100 работ по данной тематике. В их числе: труды Чжан Сюйдуна, посвящённые анализу проблем культурной идентичности, возникающих в условиях глобализации [张旭东, 2021]; под руководством Лю Хайпин выполнено исследование проблем взаимообусловленности сознания и культурной идентичности [刘海平主编, 2008]; в свою очередь, Сюэ Янь анализирует изменения, которым подвергается сегодня китайская культурная идентичность [薛焱, 2016]. Особое место в научной дискуссии отводится вопросам соотношения национальной и этнической идентичности. Так, Сюй Цзешунь с соавторами предлагают свой ракурс видения теории национальной идентичности [徐杰舜, 刘冰清, 罗树杰, 2014]; Чэнь Чжимин изучает специфику идентичности китайцев за рубежом [陈志明, 2012]; Чэнь Маожун анализирует трактовку проблемы идентичности с позиций теории марксизма [陈茂荣, 2014]. Монументальный труд под редакцией Цюй Линьдун, включающий пять томов, посвящён исследованию взаимообусловленности исторической, культурной и политической идентичности Китая [瞿林东主编, 2013]. При всём многообразии представленных подходов, все упомянутые китайские авторы называют теоретическим фундаментом своих исследований теории культурной идентичности работы Чжэн Сяюня [郑晓云, 2018].

Изучение культурной идентичности в современном Китае постепенно сформировало методологию, сочетающую горизонтальные (в культурном пространстве) и

вертикальные (в историческом времени), макро (взаимообусловленность китайской и общечеловеческой культурной идентичности) и микро (теории этнической культурной идентичности) подходы. При этом, как отмечает Цюй Минань, произошёл переход от узкой специализации к междисциплинарному слиянию [瞿明安, 2018: 186], что позволяет «выявить общее и частное» в китайских исследованиях культурной идентичности; имеет не только «важное академическое и практическое значение», но и приводит к «всестороннему и объективному» анализу понимания текущей ситуации; способствует прогнозу будущих тенденций культурного развития, как в Китае, так и в мире.

Интересно, что исследования проблем культурной идентичности в Китае привлекло внимание российских авторов, о чём свидетельствуют около 150 публикаций, представленных на начало февраля 2022 г. на сайте elibrary.ru. В основном они посвящены анализу трансформационных процессов, вызванных глобализацией, этническими и культурными отношениями. Так например, Ю.А. Ишутина анализирует формирование этнической идентичности [Ишутина, 2006]; Я.С. Меркушина исследует современное состояние культурной идентичности [Меркушина, 2013]; проблемы религиозной и этнической идентичности уйгурского этноса СУАР КНР отражены в коллективной монографии Ананьиной Д.А., Фоминой М.Н., Захаровой Е.Ю., Кондаковой Н.С., изданной в 2019 г. в г. Чите [Религиозная и этническая идентичность..., 2019]. Т.Н. Кучинская, обращаясь вопросу специфики китайской социокультурной идентичности, выявляет особенности её формирования с позиций политики и экономики [Кучинская, 2011]. По её мнению, идеология КПК играет важную роль в процессе становления новой социальной идентичности китайского общества в эпоху глобализации. Этим она подтверждает тезис китайских исследователей о том, что культурная идентичность в Китае как в прошлом, так и в настоящее время остаётся «устойчивой и гармоничной» [Кучинская, 2011: 150]. Если проанализировать исследование Кучинской в контексте уче-

ния Чжэн Сяюня, обнаружится близость их позиций в вопросе обусловленности культурной идентичности «общей судьбой человечества». С этой точки зрения культурная идентичность предстаёт не только как способ определения рамок жизненного пространства, но и своеобразный базис консолидации общества и фактор сохранения государственности; а в конечном итоге — как условие обеспечения «устойчивого гармоничного развития».

Тот факт, что монография Чжэн Сяюня является теоретической базой для последующих китайских исследований, подтверждают и данные Китайской базы цитирования (986 цитирований). Аналогичный поиск по российским базам данных не дал положительных результатов, что позволяет обоснованно утверждать: работа китайского теоретика культурной идентичности не известна даже специалистам-востоковедам.

Учение Чжэн Сяюня о культурной идентичности

С тех пор как Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин выдвинул инициативу «Один пояс — один путь», культурные обмены между Китаем и сопредельными странами, в том числе с приграничными, стали важной частью продвижения этой культурной модели. В связи с этим, как отметил Хэ Шэнда, всестороннее понимание теории культурной идентичности, её углублённое изучение в контексте глобализации выступают теоретическим руководством для «дальнейшего развития культурных обменов в различных областях», что в свою очередь ориентировано на создание «сообщества судьбы человечества» [贺圣达, 2018: 180].

Структурным основанием этих судьбоносных сдвигов являются глобализационные процессы, влияющие на различные уровни социальной жизни и вызывающие заметные изменения национальных моделей. Такие изменения находят отражение в том числе в национальных, расовых и религиозных конфликтах; влияют на межличностные отношения и т.д. Изучение культурной идентичности, таким образом,

можно рассматривать как поиск научно обоснованной базы взаимопонимания, необходимой для реализации стратегии культурного обмена. Рост числа направлений изучения проблемы культурной идентичности в китайской общественной мысли (среди которых сегодня лидируют темы региональной идентичности⁴ и азиатской идентичности⁵) определил высокую востребованность теории культурной идентичности Чжэн Сяюнь в среде китайских исследователей. Так как эти проблемы в китайских исследованиях впервые были описаны им в 1992 г., то о монографии принято говорить как о новаторском исследовании, имея в виду, разумеется, китайскую почву.

В книге Чжэн Сяюня представлен анализ важных теоретических вопросов, обусловленных проблемой формирования культурной идентичности: культурная идентичность как ядро культуры (作为文化核心的文化认同); процесс её формирования, механизмы и типы; взаимообусловленность культурной идентичности культурными изменениями и национальной идентичностью; особенности становления культурной идентичности в эпоху глобализации. Чжэн Сяюнь выделяет горизонтальный и вертикальный векторы трактовки феномена культурной идентичности. Горизонтальный вектор исследования предполагает обоснование отношений специфической подчинённости между, во-первых, идентичностью и культурой (1 глава «Культурная идентичность как ядро культуры»); а во-вторых, между национальной и культурной идентичностью (3 глава «Культурная идентичность и национальная идентичность»). В свою очередь, вертикальный вектор показывает динамику культурной идентичности от

формирования (2 глава «Процесс формирования культурной идентичности»), через различные стадии становления (4 глава «Механизм и тип культурной идентичности») и изменения (5 глава «Культурная идентичность и культурные изменения»), она наконец находит своё основание в глобальной культурной идентичности (6 глава «Культурная идентичность в эпоху глобализации»).

По мысли Чжэн Сяюня, три уровня формирования культурной идентичности человека (трудовая практика, этническая принадлежность и национальная религия) согласованы с тремя аспектами его практико- и культурно-ориентированной деятельности (материальная культура, духовная культура, и сфера жизнедеятельности, определяемая материальной и духовной культурой). Между ними существуют также отношения взаимной обусловленности. Философ исходит из того, что культурная идентичность играет связующую роль в культурном бытии [郑晓云, 2018: 7], так как она определяет существование той или иной культуры. Обосновывая данное положение, Чжэн Сяюнь отмечает: мы не можем игнорировать внешние факторы культурного существования (культурный конфликт, интеграция, общение), в которых культурная идентичность может проявлять себя различным образом. Так, например, китайцы, проживающие за границей, сохраняя верность китайскому языку как важному символу китайского народа и его культуры, тем или иным образом осознают свою культурную национальную идентичность в иноязычной среде [郑晓云, 2018: 10]. Отсюда следует вывод: если культура обладает «сильной идентичностью», она может самостоятельно существовать и развиваться в инокультурном простран-

⁴ Теоретик китайского социального регионализма, региональной интеграции Пан Чжуньин в своих работах отмечает необходимость формирования региональной идентичности, восточноазиатской идентичности, в основе которых лежат конфуцианские ценности: 庞中英[Пан Чжуньин] 东亚需要“社会地区主义” [Восточной Азии нужен «социальный регионализм»] // Peopledaily.— 2003 — 28 jun. — URL: <http://www.peopledaily.com.cn/GB/guojio/1030/1987792.html> и др.

⁵ Проблема азиатской идентичности является областью дискуссий не только в китайских научных кругах (Чжоу-Хэпин. Стратегия могущественного культурного государства. [周和平, 2013]; 魏玲[Вэй Лин] 发展地区主义与东亚合作 [Развитие регионализма и восточноазиатского сотрудничества] // Ydylcn.com. — 2019 — 22 mar. — URL: <https://www.ydylcn.com/zjgd/335118.shtml> и др.), но и в западных: ей посвящены специальные исследования [Acharaya, 2009; Baba, 2016].

стве как один из элементов культурной интеграции; но если этот фактор отсутствует, то культура может быть легко потеряна в процессе слияния культур (一种文化其认同强烈，那么这种文化就能得到存在与发展，这一点在文化融合的进程中更能反映出来，在异质文化的冲击下不但能存在，而且能得到新的位置，获得新的发展。如果一种文化的认同感不强，那么这种文化的存在就是有限的，在文化融合中就很容易丧失。)[郑晓云, 2018: 13].

Определяя условия бытия культуры, Чжэн Сяюнь отмечает, что они возможны при реализации следующих функций культурной идентичности: формирование и закрепление в культурной группе ценностных ориентаций; а также обеспечение единства нации и культурной группы [郑晓云, 2018: 15]. Реализация этих функций в свою очередь обеспечивается структурой культурной идентичности, которая представлена как «объективная» и «смысловая». Объективная структура культурной идентичности определяет жизнедеятельность в культурной среде, а смысловая раскрывается через символы и знаки конкретной культуры. Причём если объективная структура может быть равнозначной для различных культурных групп и наций, то смысловая служит основанием их различия за счёт разницы смыслового наполнения знаков и символов (здесь в качестве примера Чжэн Сяюнь приводит культ жертвоприношения предкам, который в различных культурах имеет свои особенности). Итак, именно смысловой аспект обуславливает культурную идентичность: хотя различия между культурными системами возникают в результате сочетания объективных характеристик и значений культурного смысла (文化的客观构成特性与意义构成特性相结合，才使得文化体系之间出现差异) [郑晓云, 2018: 27], смысл оказывается ведущим основанием этого взаимообусловленного единства.

При этом, согласно Чжэн Сяюню, культурная идентичность не только лежит в основе культуры, но и обобщает все аспекты культурного бытия. «Базовое» отождествление себя с той или иной национальной или этнической культурной группой может распространяться дальше и определить

осознанную идентификацию с чужой культурой [郑晓云, 2018: 33].

Чжэн Сяюнь осмысливает процесс формирования культурной идентичности как динамичное явление, которое сопровождает развитие человеческого общества. Согласно общему закону социального развития, культурная идентичность рассматривается им на уровне пяти периодов: до формирования идентичности, формирование культурной идентичности, интеграция идентичностей, конвергенция культурной идентичности и период содружества культурных идентичностей [郑晓云, 2018: 49]. Тем самым национальная идентичность рассматривается как один из этапов становления единого начала — культурной идентичности. По мнению Чжэн Сяюня, процесс взаимодействия различных культур ведёт не только к их слиянию, к «взаимопоглощению» идентичностей, но и к формированию совершенно нового вида культуры, оформляющегося на фоне культурного взаимодействия. Это происходит благодаря постепенному расширению сферы культурного пространства одной культуры за пределы географических и этнических ограничений [郑晓云, 2018: 90]. Для обоснования сказанного Чжэн Сяюнь использует понятие «вектор этноса», который позволяет отличить культуру одного сообщества от другого. Таким образом, происходит становление национальной идентичности в результате «слияния» культурных идентичностей этносов.

Чжэн Сяюнь исходит из того, что становление культурной идентичности — это долгосрочный исторический процесс развития нации. Однако остаются вопросы о том, может ли культурная идентичность получить новое развитие после её формирования, как долго может сохраняться уже сформированная национальная идентичность и каким конкретно образом можно идентифицировать себя с различными культурами. Отсюда — обращение к исследованию внутреннего механизма становления культурной идентичности. По мысли китайского философа, этот механизм отличается от конкретных условий бытия разных наций и стран. Тем не менее, его законы можно понять через различные

феномены идентичности, появившиеся в истории. Чжэн Сяюнь исходит из того, что осмысление механизма становления культурной идентичности объясняет не только понимание её истории, но и формирование взглядов на её будущее. И как бы подытоживая эти размышления, он отмечает следующее: культурная идентичность обеспечивает необходимость существования и развития нации; необходимость стабильности страны и режима; необходимость для людей выживать и жить в мире [郑晓云, 2018: 140].

Согласно Чжэн Сяюню, культурную идентичность можно определить как динамическую систему [郑晓云, 2018: 157], построенную путём взаимодействия различных культурных измерений и составляющих элементов (文化认同是一个体系·是由不同文化层面及构成要素的认同而构建成的·除了文化在不断变迁外·人类的文化认同的构成内部也同样在不断地发生变化·). Тем самым понимание идентичности тесно связано с трактовкой культурных изменений [郑晓云, 2018: 145]. В свою очередь, культурные изменения Чжэн Сяюнь определяет как процесс перехода от существующей культурной формы к новой; причём их связь обусловлена «историческим происхождением» и «культурной родословной» [郑晓云, 2018: 146]. Философ подчёркивает: культурные изменения определяются процессом интеграции внутренних и внешних факторов. К внутренним факторам относятся различные механизмы культурных изменений, включая прогресс человеческого познания. Внешние факторы могут быть разделены на две категории: изменения во внешней среде и культурный обмен, порождающий распространение различных культур [郑晓云, 2018: 149]. Культурные изменения зависят также от социо-географического и культурного факторов, что согласуется со структурой культурной идентичности, речь о которой шла выше. Тем самым «субстанциальная основа» в теории идентичности Чжэн Сяюня

представляет собой развёрнутую модель структуралистского типа, основанную на признании объективности и структурированности социального бытия.

Однако в том же контексте, устанавливая связь культурной идентичности с изменениями, Чжэн Сяюнь вводит конструктивистское, по сути, понятие «новое построение культурной идентичности» (文化认同新构建), отмечая, что для развития современного общества стоящее за этим понятием явление имеет глубокое значение. Процесс «нового построения культурной идентичности» предполагает формирование «всеобъемлющего» на основе «частного», причём его основой «является существующая культурная идентичность, которая предстаёт одним из ключей к построению новой культурной идентичности» [郑晓云, 2018: 160]. При этом люди берут на себя инициативу по созданию новой культурной идентичности и контролируют направление культурного развития. По мнению Чжэн Сяюня, развивая собственный потенциал, человечество может обрести новую идентичность во имя общих интересов и развития, что позволит ему направить свою культуру к миру и процветанию. Так же и страна, нация могут построить новую культурную идентичность в соответствии со своими фактическими потребностями и необходимостью развития [郑晓云, 2018: 160].

Вопрос формирования общечеловеческой идентичности Чжэн Сяюнь рассматривает в контексте рассуждений о глобализации. В современной глобалистике принято считать, что с конца 1990-х гг.⁶ человечество вступило в эпоху ускоренного развития глобализации, которая является наиболее значительным этапом воздействия на культурную идентичность современного человека. Напомним: в контексте культурных реалий эпоха глобализации — это эпоха, когда та или иная культура может быстро распространяться и интегрироваться по всему миру посредством

⁶ Глобалистика = Global studies: Энциклопедия / Гл. ред. и сост.: И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. — Москва: Диалог: Радуга, 2003. — С. 181.

политической, торговой, финансовой, технологической и другой деятельности, формируя «глобальную семью» народов. В то же время, это эпоха, когда высвечиваются острые культурные конфликты, разрешение которых требует консенсуса. Чжэн Сяюнь отмечает: в эпоху глобализации у большинства стран и наций есть проблемы с позиционированием собственной культурной идентичности, возникающие в процессе столкновения с реальной проблемой сохранения традиционной национальной культуры. Особенности современного этапа глобализации, соединяющей противоположные тенденции как интеграции, так и конфликта культур, по мнению Чжэн Сяюня, провоцируют кризис культурной идентичности. Он пишет: во всех видах глобальных конфликтов есть культурные факторы [郑晓云, 2018: 186]. Более того, глобализация с одной стороны породила глобальную культурную идентичность; а с другой стороны, она же привела к «не-разберихе» и «играм» с теорией культурной идентичности. Процесс глобальной культурной интеграции, который трансформировав культуру различных народов и стран, по мнению Чжэн Сяюня, «интегрировал», по его образному выражению, культурный ландшафт как пространство многообразных культур этносов, что является фактором ослабления первоначальной культурной идентичности. Вместе с тем, на локальном уровне (этническом, клановом и т.п.) культурная идентичность демонстрирует тенденцию к укреплению. Чжэн Сяюнь констатирует: глобализация вызвала культурное пробуждение [郑晓云, 2018: 197].

Развивая идею глобальной культурной идентичности, Чжэн Сяюнь аргументирует необходимость её дальнейшей научной обработки двумя общетеоретическими соображениями. Во-первых, учёт культурного разнообразия и специфики культурной идентичности требуется с

обще-гуманистической точки зрения. Во-вторых, формирование глобальной идентичности, полагает Чжэн Сяюнь, это объективная реальность культурных контактов, которые неизбежно (с его точки зрения) приведут к глобальной культурной интеграции и построению глобальной культурной идентичности (人类共同文化认同). Таким образом он разделяет оптимистические позиции многих западных исследователей глобальной культуры.

Здесь необходимо сделать важное отступление, указав на особенности формирования научной теории в Китае. Если западные и российские исследователи для обоснования собственной научной позиции обычно ссылаются на предшествующие исследования, подвергая их научной критике, то китайские учёные, прежде всего, опираются на определяющую идею КПК — воплощение «китайской мечты» через формирование гармоничного общества и гармоничной культуры. В данном контексте рассуждения Чжэн Сяюня о глобальной культурной идентичности созвучны идее азиатской идентичности Пан Чжуньина⁷. Однако Пан Чжуньин разрабатывает свою теорию в контексте регионализма⁸, а Чжэн Сяюнь — в рамках глобализма. В частности, Чжэн Сяюнь утверждает, что построение глобальной культурной идентичности будет способствовать последовательному развитию человечества и устранению не только культурных барьеров между народами и нациями, но и культурной конфронтации. Следовательно, заключает он, построение широкой глобальной идентичности (更广泛的全球性认同) должно быть общей миссией, задачей, стоящей перед человечеством в эпоху глобализации [郑晓云, 2018: 209].

Подводя итог, необходимо выделить определённое сходство трактовки культурной идентичности как процесса в работах Чжэн Сяюня, западных и российских авторов. Согласно Чжэн Сяюню, культур-

⁷ 庞中英[Пан Чжуньин]东亚需要“社会地区主义”[Восточной Азии нужен «социальный регионализм»] // Peopledaily. — 2003 — 28.06 — URL: <http://www.peopledaily.com.cn/GB/guoji/1030/1987792.html>

⁸ 庞中英[Пан Чжуньин]地区化·地区性与地区主义[Регионализация, региональный и регионализм] // Chinareform. — 2011 — 11.26 — URL: http://www.chinareform.org.cn/openTheory/201111/t20111126_128524 (на китайском).

ная идентичность исторична. Она формируется на основании взаимодействий конкретно исторических бытийных (внутренних и внешних) факторов; структура идентичности определяется «объективными» и «смысловыми» механизмами при ведущей роли последних; современный этап формирования идентичности сочетает национальную и глобальную идентичность. В будущем народы не смогут развиваться традиционным «закрытым» способом; это требует научно осмысленного конструирования путей гармонизации их общего развития. Сочетание структуралистского и конструктивистского подходов позволяют Чжэн Сяюню сформулировать собственный вариант структурального подхода.

По мнению Чжэн Сяюня, достижение глобальной культурной идентичности должно поощряться в рамках различных совместных усилий человечества, включая национальные и гражданские международные организации, такие как ООН, глобальный диалог между цивилизациями в интересах цивилизованного понимания. Но здесь возникает и новый вопрос, решение которого возрождает то ли утопию кантовского «вечного мира», то ли представляет собой одну из глобальных культурных стратегий — как возможно формировать это глобальное понимание в условиях современных культурных реалий.

Список литературы:

Аполлонов И.А., Тарба И.Д. Проблема оснований этнокультурной идентичности в контексте глобализации // Вопросы философии. — 2017. — № 8. — С. 30–42.

Гончарова И.К., Липец Е.Ю. К определению понятия «культурная идентичность» в контексте глобализации // Культура и цивилизация. — 2019. — Т. 9, № 1А. — С. 13–18. <https://doi.org/10.25799/AR.2019.44.1.002>

Гуревич П.С. Проблема идентичности человека в философской антропологии // Вопросы социальной теории. — 2010. — Т. 4. — С. 63–87.

Ишутина Ю.А. К вопросу о формировании этнической идентичности китайцев // Россия и АТР. — 2006. — № 3. — С. 67–71.

Козеру К. Сознание, личная идентичность и дебаты о «я» / «не-я» // Вопросы философии. — 2017. — № 10. — С. 130–140.

Кондаков И.В., Соколов К.Б., Хренов Н.А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. — Москва: Прогресс-Традиция, 2011. — 1024 с.

Кучинская Т.Н. Социокультурная идентичность Китая в эпоху глобализации // Вестник Бурятского государственного университета. — 2011. — № 14. — С. 149–153.

Межуев В.М. История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2011. — 440 с.

Мельникова Л.В. Проблема культурной идентичности: концептуальные подходы // Гуманитарные и социальные науки. — 2010. — № 5. — С. 226–234.

Меркушина Я.С. Культурная идентичность современного китайского общества // Дискуссия. — 2013. — № 7. — С. 38–41.

Религиозная и этническая идентичность этнофоров в условиях этнокультурного конфликта (на примере уйгурского этноса СУАР КНР) / Д.А. Ананьина, М.Н. Фомина, Е.Ю. Захарова, Н.С. Кондакова — Чита, издательство ЗабГУ, 2019. — 225 с.

Федотова Н.Н. Мультикультурализм и политика развития // Журнал социологии социальной антропологии. — 2006. — Т. 9, № 3. — С. 75–92.

Acharya A. Constructing a Security Community in Southeast Asia. — London: Routledge, 2014. — 314 p. <https://doi.org/10.4324/9781315796673>

Baba G. Regional Commonalities and Regional Identities: Forging a Normative Understanding of Southeast Asian Identity // *Journal of Current Southeast Asian Affairs*. — 2016. — Vol. 35, № 1. — P. 91–121. <https://doi.org/10.1177/186810341603500104>

Chen Y.-W., Mendy M.G. Cultural Identity // *Communication*. — Oxford: Oxford University Press, 2021. <https://doi.org/10.1093/OBO/9780199756841-0254>

Handbook of Identity Theory and Research / eds. L. Schwartz, K. Luyckx, V.L. Vignoles. — New York: Springer New York, 2011. — 988 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-4419-7988-9>

Kazakova G.M. Regional Identity: Poliparadigmality of Reading // *Journal of Siberian Federal University Humanities & Social Sciences*. — 2022. — Vol. 15, № 6. — P. 762–768. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0828>

Petrucijova J. In the Trace of Human Identity // *Journal of Siberian Federal University Humanities & Social Sciences*. — 2010. — Vol. 3, № 4. — P. 615–624.

Processes of Personal Identity Formation and Evaluation / K. Luyckx, S. Schwartz, L. Goossens, et al. // *Handbook of Identity Theory and Research*. — New York: Springer New York, 2011. — P. 77–98. https://doi.org/10.1007/978-1-4419-7988-9_4

Smith P.B. Cross-Cultural Perspectives on Identity // *Handbook of Identity Theory and Research*. — New York: Springer New York, 2011. — P. 249–265. https://doi.org/10.1007/978-1-4419-7988-9_11

What perspectives underlie ‘researcher identity’? A review of two decades of empirical studies / M. Castelló, L. Mc Alpine, A. Sala-Bubaré, et al. // *Higher Education*. — 2021. — Vol. 81, № 3. — Pp. 567–590. <https://doi.org/10.1007/s10734-020-00557-8>

Zamaraeva Y.S., Koptseva, N.P. History of Complex Identity Research /// *Journal of Siberian Federal University Humanities & Social Sciences*. — 2020. — Vol. 13, № 7. — P. 1216–1229. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0637>

张旭东：《全球化时代的文化认同：西方普遍主义话语的历史反思》，上海：上海人民出版社，2021，612页。[Чжан С. Культурная идентичность в эпоху глобализации. — Шанхай: Шанхайское народное издательство, 2021. — 612 с.]. (На китайском).

郑晓云：《文化认同论》，北京：中国社会科学出版社，1992，286页。[Чжэн С. Теория культурной идентичности. — Пекин: Издательство социальных наук Китая, 1992. — 286 с.]. (На китайском).

郑晓云：《文化认同论》，北京：中国社会科学出版社，2018，286页。[Чжэн С. Теория культурной идентичности: монография. — Пекин: Издательство социальных наук Китая, 2018. — 286 с.]. (На китайском).

刘海平主编：《文化自觉与文化认同：东亚视角》，上海：上海外语教育出版社，2008，513页。[Культурное сознание и культурная идентичность: перспективы Восточной Азии / под ред. Лю Хайпин. — Шанхай: Шанхайское издательство по обучению иностранным языкам, 2008. — 513 с.]. (На китайском).

薛焱：《当代中国主流文化认同研究》，北京：社会科学文献出版社，2016，243页。[Сюэ Я. Исследование современной китайской культурной идентичности. — Пекин: Издательство литературы по общественным наукам, 2016. — 243 с.]. (На китайском).

徐杰舜、刘冰清、罗树杰：《中华民族认同论》，宁夏：宁夏人民出版社，2014，410页。[Сюй Ц., Лю Б., Ло Ш. Теория китайской национальной идентичности. — Иньчуань: Народное издательство Нинся, 2014. — 410 с.]. (На китайском).

陈志明：《迁徙、家乡与认同——文化比较视野下的海外华人研究》，北京：商务印书馆，2012，318页。[Чэнь Ч. Миграция, родной город и идентичность: изучение зарубежных китайцев с точки зрения культурного сравнения. — Пекин: Коммерческая пресса, 2012. — 318 с.]. (На китайском).

陈茂荣：《马克思主义视野的“民族认同”问题研究》，北京：中国社会科学出版社，2014，210页。[Чэнь М. Исследование проблемы «национальной идентичности» с точки зрения марксизма. — Пекин: Издательство социальных наук Китая, 2014. — 210 с.]. (На китайском).

瞿林东主编：《历史文化认同与中国统一—多民族国家(套装共5册)》，石家庄：河北人民出版社，2013，1572页。[Историко-культурная идентичность и единая многоэтническая страна Китая: в 5 т. / под ред. ЦюйЛиньдун. — Шицзячжуан: Народное издательство Хэбэя, 2013. — 1572 с.]. (На китайском).

贺圣达.文化认同与中国同周边东南亚国家民心相通[J].云南社会科学,2018(06):179-181. [Хэ Шэнда. Культурная идентичность и связь между людьми Китая и соседними странами Юго-Восточной Азии // Социальные науки Юньнань, 2018. — № 06. — С. 179–181.]. (На китайском).

瞿明安.当代中国文化认同研究的趋势[J].云南社会科学,2018(06): 185–186. [Цюй Минань. Тенденции в изучении современной китайской культурной идентичности // Социальные науки Юньнань, 2018. — № 06. — С. 185–186.] (На китайском).

References:

- Ananyina, D. A. et al. (2019) *Religioznaya i etnicheskaya identichnost' etnoforov v usloviyakh etnokul'turnogo konflikta (naprimere uygurskogo etnosa SUAR KNR) [Religious and Ethnic Identity of Ethnophors in Conditions of Ethnocultural Conflict (on the Example of the Uighur Ethnos of the Xinjiang People's Republic of China]*. Chita: ZabGU Publ. (In Russian).
- Apollonov, I. A. and Tarba, I. D. (2017) 'The problem of the grounds of ethno-cultural identity in the context of globalization', *Voprosy Filosofii*, (8), pp. 30–42. (In Russian).
- Castelló, M. et al. (2021) 'What perspectives underlie "researcher identity"? A review of two decades of empirical studies', *Higher Education*, 81(3), pp. 567–590. <https://doi.org/10.1007/s10734-020-00557-8>
- Chen, Y.-W. and Mendy, M. G. (2021) 'Cultural Identity', in *Communication*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/OBO/9780199756841-0254>
- Coseru, C. (2017) 'Consciousness, Personal Identity, and the Self/No-Self Debate', *Voprosy Filosofii*, (10), pp. 130–140. (In Russian).
- Fedotova, N. N. (2006) 'Multiculturalism and Politics of Development', *Journal of sociology and social anthropology*, 9(3), pp. 75–92. (In Russian).
- Goncharova, I. K. and Lipets, E. Y. (2019) 'On defining the concept cultural identity in the context of globalisation', *Kul'tura i civilizaciâ*, (1A), pp. 13–18. (In Russian). <https://doi.org/10.25799/AR.2019.44.1.002>
- Gurevich, P. S. (2010) 'Problema identichnosti cheloveka v filosofskoy antropologii [The problem of human identity in philosophical anthropology]', *Voprosy social'noj teorii*, 4, pp. 63–87. (In Russian).
- He, Shengda. (2018) 'Wenhua rentong yu Zhongguo tong zhoubian dongnanya guojia minxin xiangtong [Cultural Identity and People-to-People Connectivity between China and Its Neighboring Southeast Asian Countries]', *Yunnan shehui kexue Yunnan Social Sciences*, (06), pp. 179–181. (In Chinese)
- Ishutina, Y. A. (2006) 'The Functioning of the Systems of the Institution of the Chinese Nation in the Period of Global Threats', *Russia and the Pacific*, (3), pp. 67–71. (In Russian).
- Kazakova, G. M. (2022) 'Regional Identity: Poliparadigmality of Reading', *Journal of Siberian Federal University Humanities & Social Sciences*, 15(6), pp. 762–768. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0828>
- Kondakov, I. V., Sokolov, K. B. and Khrenov, N. A. (2011) *Tsivilizatsionnaya identichnost' v perekhodnuyu epokhu: kul'turologicheskiy, sotsiologicheskiy i iskusstvovedcheskiy aspekty [Civilizational Identity in the Transitional Era: Cultural, Sociological and Art History Aspects]*. Moscow: Progress-Tradition Publ. (In Russian).
- Kuchinskaya, T. N. (2011) 'Sociocultural Identity of China in the Epoch of Globalization', *Vestnik of the Buryat State University*, (14), pp. 149–153. (In Russian).
- Luyckx, K. et al. (2011) 'Processes of Personal Identity Formation and Evaluation', in *Handbook of Identity Theory and Research*. New York: Springer New York, pp. 77–98. https://doi.org/10.1007/978-1-4419-7988-9_4
- Melnikova, L. V. (2010) 'Problema kul'turnoy identichnosti: kontseptual'nyye podkhody [The problem of cultural identity: conceptual approaches]', *The Humanities and social sciences*, (5), pp. 226–234. (In Russian).
- Merkushina, Y. S. (2013) 'Cultural Identity of Modern Chinese Society', *Discussion*, (7), pp. 149–153. (In Russian).
- Mezhuev, V. M. (2011) *Istoriya, tsivilizatsiya, kul'tura: opyt filosofskogo istolkovaniya [History, civilization, culture: the experience of philosophical interpretation]*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gumanitarnyy universitet profsoyuzov Publ. (In Russian).
- Petrucijova, J. (2010) 'In the Trace of Human Identity', *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 3(4), pp. 615–624.
- Schwartz, S. J., Luyckx, K. and Vignoles, V. L. (eds) (2011) *Handbook of Identity Theory and Research*. New York, NY: Springer New York. <https://doi.org/10.1007/978-1-4419-7988-9>

- Smith, P. B. (2011) 'Cross-Cultural Perspectives on Identity', in *Handbook of Identity Theory and Research*. New York: Springer New York, pp. 249–265. https://doi.org/10.1007/978-1-4419-7988-9_11
- Zamaraeva, Y. S. and Koptseva, N. P. (2020) 'History of Complex Identity Research', *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 13(7), pp. 1216–1229. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0637>
- Zhang, X. (2021) 'Quanguohua shidai de wenhua rentong: Xifang pubian zhuyi huayu de lishi fansi [*Cultural Identity in the Age of Globalization: Historical Reflections on Western Universalist Discourse*]. Shanghai: Shanghai renmin chubanshe Publ. (In Chinese).
- Zheng, X. (1992) *Wen hua ren tong lun* [*Cultural Identity Theory*]. Beijing: Zhong guo she hui kexue chu ban she Publ. (In Chinese).
- Zheng, X. (2018) *Wen hua ren tong lun* [*Cultural Identity Theory*]. Beijing: Zhong guo she hui kexue chu ban she Publ. (In Chinese).
- Qu, L.(ed) (2013) 'Lishi wenhua rentong yu Zhongguo tong yi duo minzu guojia (taozhuang gong 5 ce) [Historical and Cultural Identity and China's Unified Multi-ethnic Country: in 5 vol.], Shijiazhuang: Shijiazhuang: Hebei renmin chubanshe Publ. (In Chinese).
- Qu, M. (2018) 'Dangdai Zhongguo wenhua rentong yanjiu de qushi [Trends in Contemporary Chinese Cultural Identity Research]', *Yunnan shehui kexue Yunnan Social Sciences*, (06), pp. 185–186. (in Chinese)
- Acharya, A. (2014) *Constructing a Security Community in Southeast Asia*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315796673>
- Baba, G. (2016) 'Regional Commonalities and Regional Identities: Forging a Normative Understanding of Southeast Asian Identity', *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, 35(1), pp. 91–121. <https://doi.org/10.1177/186810341603500104>
- Chen, M. (2014) *Makesizhuyishi ye de 'min zu ren tong' wen tiyan jiu* [*Research on National Identity from the Perspective of Marxism*]. Beijing: Zhongguo she hui kexue chu ban she Publ. (In Chinese).
- Chen, Z. (2012) *Qian xi, jia xiangyu ren tong : Wen hua bi jiaoshi ye xia de haiwaihua ren yan jiu* [*Migration, Hometown and Identity: Overseas Chinese Studies from the Perspective of Cultural Comparison*]. Beijing: Shang wu yin shu guan Publ. (In Chinese).
- Liu, H. (ed.) (2008) *Wen hua zi jueyu wen hua ren tong : dong yashijiao* [*Cultural consciousness and cultural identity*]. Shanghai: Shanghai waiyu jiaoyu chu ban she Publ. (In Chinese).
- Xu, J., Liu, B. and Luo, S. (2014) *Zhong hua min zu ren tong lun* [*The Theory of Chinese National Identity*]. Yinchuan: Ning xia ren min chu ban she Publ. (In Chinese).
- Xue, Y. (2016) *Dang dai Zhongguozhuliu wen hua ren tong yan jiu* [*A study on mainstream culture identity in contemporary China*]. Beijing: She hui kexue wen xian chu ban she Publ. (In Chinese).

Информация об авторах

Яннань Чэнь — аспирант кафедры философии Забайкальский государственный университет, 672039, г. Чита, ул. Александрово-заводская, 30 (Россия)

Марина Николаевна Фомина — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Забайкальский государственный университет, 672039, г. Чита, ул. Александрово-заводская, 30 (Россия)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Yanan Chen — PhD student, Department of Philosophy, Transbaikal State University, 30, Aleksandro-Zavodskaya street, Chita, Russia, 672039 (Russia)

Marina N. Fomina — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Transbaikal State University, 30, Aleksandro-Zavodskaya street, Chita, Russia, 672039(Russia)

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 12.07.2022; одобрена после рецензирования 23.08.2022; принята к публикации 07.09. 2022.

The article was submitted 12.07.2022; approved after reviewing 23.08.2022; accepted for publication 07.09.2022.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НЕГРАМОТНОСТЬ КАК АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Николай Витальевич Литвак

МГИМО МИД России, Москва, Россия

jourfr@mail.ru

<https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0003-1621-0005>

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена не фактом существования в XXI в. неграмотных людей, в том числе в называемых развитыми странах, а продолжающимся воспроизводством таких людей в каждом новом поколении «общества знания». Во Франции, одной из ведущих стран Европы и мира, в течение ряда десятилетий отмечается снижение уровня общего образования. Эта тенденция сохраняется и сегодня, несмотря на постоянные реформы системы образования, направленные, как полагают их разработчики, на облегчение и «актуализацию» учёбы. Особенно «облегчены» за последнее время программы по французскому языку, математике, истории и литературе; тем не менее, всё меньше школьников справляется с ними. Преподаватели школ и ВУЗов констатируют рост числа студентов, испытывающих трудности в чтении, а также при письменном и устном изложении своих мыслей. Официальная статистика сообщает о миллионах функционально неграмотных людей, окончивших школу. Цель данного исследования — проанализировать аксиологическую составляющую вектора современных реформ французского образования, а также его философскую рефлексию профессиональным сообществом. В качестве примера избраны книги Барбары Лёфевр и Рене Шиша, посвящённые детальному разбору сложившейся к сегодняшнему дню ситуации на примере школьного образования. В задачи статьи входили такие шаги, как 1) уточнение данных по динамике функциональной неграмотности во Франции; 2) установление аксиологических доминант, определяющих современную реформу; 3) развёрнутый анализ идей, выдвинутых в монографиях Б. Лёфевр «Поколение “Имя право”: крах нашего образования» и Р. Шиша «Национальное необразование». В данных кейсах предпринято философское осмысление современного школьного образования как одного из механизмов трансляции культуры, поддерживающего становление личности в процессе социализации. Обе книги отчётливо проводят мысль: политически ангажированные реформы общественного образования, сознательно или неосознанно игнорирующие необходимость рефлексии реальных аксиологических оснований, на которых они строятся, порождают перспективы новых, в том числе латентных, социальных рисков.

Ключевые слова: неграмотность, иллетризм, Франция, философия образования, необразование

Для цитирования: Литвак Н.В. Функциональная неграмотность как аксиологическая проблема // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 3. — С. 22–35. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-22-35>

Research article

FUNCTIONAL ILLITERACY AS AN AXIOLOGICAL PROBLEM

Nikolay V. Litvak

MGIMO University, Moscow, Russia

jourfr@mail.ru

<https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0003-1621-0005>

Abstract. It is not only the illiteracy found in today's *knowledge societies*, including developed countries, but also its reproduction in new generations that determines the relevance of this research. In France, one of the leading countries in Europe and the world, for decades there has been a decline in the level of general education. The trend continues despite the constant reforms of the education system, including those aimed, as their developers believe, at facilitating and updating learning. Programs in French, mathematics, history, and literature were especially *lightened*, or simplified, but fewer and fewer schoolchildren cope with them. University professors state that the number of students who experience difficulties in reading, writing and speaking their thoughts is growing. Official statistics report millions of functionally illiterate people who have left school. The purpose of this research is to analyze the axiological components of the French general education reforms and to study the philosophical reflections of the trend by the professional community. To exemplify and illustrate the problem there were chosen works by Barbara Lefebvre and René Chiche devoted to a detailed analysis of the situation in French education as of today with the focus on school education. The article aims to provide the specified data on the dynamic of functional illiteracy in France, to identify the axiological dominants that lie behind the modern reform, and to give a comprehensive analysis of the ideas expressed in the books of B. Lefebvre *Génération «J'ai le droit»: La faillite de notre éducation* and R. Chiche *La désinstruction nationale*. In both cases the authors attempt to undertake a philosophical understanding of the modern school education as one of the mechanisms for the transmission of culture that supports the formation of personality in the process of socialization. Both books clearly convey the idea that politically engaged reforms of public education, consciously or unconsciously ignoring the need to reflect on the real axiological foundations on which they are built, bring about the prospects for new, including latent, social risks.

Keywords: illiteracy, illettrisme, France, philosophy of education, désinstruction, ineducation

For citation: Litvak, N. V. (2022) 'Functional Illiteracy as an Axiological Problem', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(3), pp. 22–35. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-22-35>

Введение

Со второй половины прошлого века общим местом стал тезис о всё возрастающей роли информации и знаний в жизни человека и общества. Не удивительно, что в 1970-е гг. в философии, социологии, политологии сложились концепции, основанные на идее наступления нового этапа развития общества — постиндустриального, информационного, «общества знания» и т.п. Среди авторов наиболее значительных таких работ было немало французских философов. Посчитав, что ценности модерна, индустриальной эпохи достигнуты и прежняя социальная структура больше не нужна, поскольку новые медиа позволяют заменить её на сетевую, они заговорили об эпохе постмодерна [Lyotard, 1979: 7], о конце социального [Baudrillard, 1986: 204–208.] и даже о конце человека [Foucault, 1966: 398]. Правда, сразу же зазвучала критика такого «информационного» развития, появились идеи «общества риска» [Beck, 1992], «новых бедных» [Paugam, 1991], включая формирование структурных человеческих «отбросов» [Бодрийяр, 1997: 107], то есть «лишних» людей в социуме нового типа. Уже в начальных работах по информационному обществу и обществу знаний французские исследователи выделили два важных теоретических направления, имеющих прикладной характер. С. Нора и А. Минк считали, что общество развивается в направлении «саморегулирования», которое будут осуществлять эксперты с использованием новой техники и технологий¹, а А. Турен — что с помощью этой техники управлять обществом в своих собственных интересах будет элита [Турен, 1998: 128–133].

Одним из направлений практического осуществления этих теорий стала государственная организация в большинстве стран мира массового, а затем и всеобщего, образования, включая высшее. К настоящему времени уже есть страны, в частно-

сти, Канада, Япония, Ирландия, где количество молодых людей, получивших высшее образование, превысило половину от численности поколения.

В рамках преобладавшей с конца 1980-х гг. постмодернистской методологии философская рефлексия нового этапа технологической революции, связанного с массовым внедрением во все области жизнедеятельности общества компьютеров и Интернета, привела к очередному пересмотру понятия общества и человека, в определении которых теперь основное значение приобрела *коммуникация*. За прошедшие с того времени несколько десятилетий использование компьютеров и мобильной связи стало в Европе всеобщим и всеохватывающим. В то же время, в начале тех же 1980-х гг. во Франции, одной из ведущих стран Евросоюза, обнаружили и постепенно осознали *масштаб неграмотности населения*.

Примечательно, что эта проблема оказалась в фокусе внимания в государстве, ставшем одним из пионеров «общества знания»; всё новые высшие должностные лица называют с тех пор борьбу с неграмотностью *приоритетной задачей*. Однако минимальные положительные результаты, полученные за сорок лет этой борьбы (а по некоторым оценкам — напротив, усугубление ситуации), наводят на мысль о несоответствии принимаемых мер существу проблемы. Обращение к анализу аксиологического фундамента происходящих изменений (в том числе и попыток противостоять имеющим место негативным тенденциям), позволяет, на наш взгляд, выявить некоторые малоизученные ракурсы как самой проблемы, так и перспектив её решения. При этом важно подчеркнуть, что речь идёт не только о проблеме *производства*, но и трансляции знания, что невозможно без его *сохранения*.

Пример Франции представляется релевантным ещё и потому, что эта страна не только декларирует, но и практически уделяет большое внимание сфере националь-

¹ Nora S., Minc A. L'informatisation de la société. Rapport à M. le Président de la République. — Paris : Seuil, 1978. — P. 122

ного образования. Образование является здесь обязательным для детей с трёх лет; а бюджет национальной системы образования примерно вдвое превышает оборонный. Школьная программа до сих пор самое большое в мире количество часов отводит математике; в выпускном классе обязательным общеобразовательным предметом является философия.

Возможно, этими особенностями объясняется и достаточно высокий теоретико-философский уровень и массовость общественных дискуссий, в том числе по проблемам образования. Однако параллельно в течение десятилетий во Франции отмечается постепенное, но устойчивое снижение уровня общей образованности.

В качестве материалов использованы официальные статистические данные и последние монографии Б. Лёфевр и Р. Шиша. Разумеется, это далеко не единственные и отнюдь не первые работы по рассматриваемой проблеме — в частности, во Франции начало современному её изучению было положено А. Бентолила [Bentolila, 1996], а в России ею много лет плодотворно занимается М.А. Марусенко [Марусенко, 2020].

Функциональная неграмотность сквозь призму статистики

В русском языке слово «неграмотный» (часто употребляемый синоним — «безграмотный») используется в отношении человека в двух значениях: 1) совсем не умеющий читать и писать, необученный грамоте и 2) допускающий много ошибок при письме или чтении. Во французском языке для описания этой ситуации в настоящее время используются два разных слова, одинаково переводимых на русский как «неграмотный»: *analphabète* — в первом значении и *illettré* (рус. иллетре) — во втором. В данной статье под понятием «неграмотный» имеется ввиду *illettré*, то есть человек, получивший образование в школе, причём во французской (поскольку

в исследовании затрагивается ещё и иммиграционный аспект, а именно — трудности изучающих французский язык как иностранный), но неграмотный функционально.

Интересно, что термин «неграмотность» в смысле «иллетризм», «функциональная неграмотность», французы ввели в 1981 г. в отношении своих же французских бездомных, у которых эта проблема проявлялась особенно отчётливо (оказалось, между прочим, что неграмотные стараются по возможности скрывать этот факт).

Официально иллетризм определяется как отсутствие базовых навыков чтения, письма и счёта — основных умений, позволяющих «быть независимыми в простых повседневных ситуациях», а именно — «чтобы самостоятельно справляться с обычными ситуациями повседневной жизни: составить список покупок, прочитать аннотацию к лекарству или инструкцию по безопасности, выписать чек, использовать техническое устройство, проверить дневник своего ребёнка, начать читать книгу»². Таким образом де-факто признаётся, что функциональная неграмотность имеет самые серьёзные социальные последствия: не только затрудняет доступ к трудоустройству (более половины таких неграмотных не имеют работы) и профессиональному развитию, консервируя их трудовую деятельность в самых простых, тяжёлых, малооплачиваемых областях, но и в целом ограничивает автономию такого человека в повседневной жизни, в том числе не позволяет ему контролировать учёбу своих детей (и тем более помогать им).

Само по себе наличие неграмотных или малограмотных людей тогда, в 1980-е гг. (впрочем, как и сейчас), не являлось секретом, особенно на фоне роста иммиграции. Однако широкий общественный резонанс вызвало обнаружение *масштаба* проблемы. На тот момент правительство социалистов признавало её, хотя и сфор-

² Définitions // Agence Nationale de Lutte Contre l'Illettrisme. — URL: <http://www.anlci.gouv.fr/Illettrisme/De-quoi-parler-t-on/Les-definitions>

мировало в 1984 г. Постоянную (!) межминистерскую группу по борьбе с неграмотностью (Groupe permanent de lutte contre l'illettrisme). Один из должностных лиц французской политики, депутат Французского и Европейского парламентов, многократный кандидат на президентских выборах, несколько раз занимавший пост Министра национального образования, а также член кабинетов министров при Э. Макроне Франсуа Байру возглавлял эту группу с 1987 по 1993 гг. В своей программной теоретической статье он назвал преодоление неграмотности «национальным приоритетом» [Bayrou, 1988]. Последовавшие пятнадцать лет этой борьбы закончились тем, что в 2000 г. группу сменило уже целое Национальное агентство по борьбе с неграмотностью (Agence nationale de lutte contre l'illettrisme, ANLCI). Итогом следующих ещё почти пятнадцати лет стало объявление в 2013 г. премьер-министром борьбы с неграмотностью «Великим национальным делом» (Grande cause nationale). Наконец, с учётом тяжести социальных последствий такой ситуации, в 2016 г. было создано ещё и Агентство французского языка для социальной сплочённости (Agence de la langue française pour la cohésion sociale, ALFCS), по данным которого неграмотных в стране — три миллиона; ещё шесть миллионов человек «сталкиваются с трудностями в обращении с нашим языком»³.

Как любая государственная структура, управляемая переизбираемыми политиками, ANLCI пытается сообщать об успехах. Согласно его данным, уровень неграмотности в 2011 г. стал ниже, чем в 2004 г. (7% против 9% или 2,5 млн. против 3 млн. человек в возрасте от 18 до 65 лет, получивших образование во Франции)⁴. Однако эти данные были рассчитаны на основании обследования выборки из 13

тыс. человек. Кроме того, Агентство предупреждает, что данные Национального института статистики и экономических исследований Франции (фр. Institut national de la statistique et des études économiques, INSEE) отличаются от приводимых им, — прежде всего потому, что учитывают всех, проживающих в стране, то есть и взрослых иммигрантов, не говоря уже о «заморских территориях», где ситуация ещё хуже.

Упомянутое снижение количества неграмотных произошло наиболее значительно в группе лиц от 46 до 55 лет. Это, по мнению Агентства означает, что неграмотность якобы происходит в основном из прошлого. Но ведь практически неизменными остаются показатели в группах 18–25 и 26–35 лет, где количество неграмотных в поколении составляло в 2011 г. 4% (4,5% в 2004 г.) и 5,5% (6% в 2004 г.) соответственно. А это означает *воспроизводство неграмотных нынешней системой образования*. Многие годы стабильным остаётся и количество тех, кто бросает школу — примерно 8–9% учеников⁵. Ещё одним подтверждением стабильности ситуации является то, что последний такой отчёт датируется 2018 г., причём здесь приведены данные за 2011 г. В текущем 2022 г. на сайте ANLCI приведена всё та же статистика: из получивших образование во Франции неграмотны 7% взрослого населения в возрасте от 18 до 65 лет, то есть 2,5 миллиона человек. С очевидной политической целью — оправдать текущую иммиграционную политику — далее даны разъяснения относительно «предвзятых идей» об обстоятельствах этой проблемы: речь о людях, обучавшихся именно во французских школах, половина этих неграмотных старше 45 лет (то есть проблема касается вовсе не преимущественно детей или молодёжи и может расти с возрастом из-за

³ Création de l'Agence de la langue française pour la cohésion sociale // Gouvernement. — 2016. — URL: <https://www.gouvernement.fr/partage/8459-creation-de-l-agence-de-la-langue-francaise-pour-la-cohesion-sociale>

⁴ Niveau national // Agence Nationale de Lutte Contre l'Illettrisme. — URL: <http://www.anlci.gouv.fr/Illettrisme/Les-chiffres/Niveau-national>

⁵ La lutte contre le décrochage scolaire // Ministère de l'Éducation nationale et de la Jeunesse. — URL: <https://www.education.gouv.fr/la-lutte-contre-le-decrochage-scolaire-7214#:~:text=Dans%20ce%20cadre%2C%20la%20France,ensemble%20de%20la%20population%20scolaris%C3%A9e.>

потери навыков), более половины работают, 71% из них в возрасте 5 лет говорили дома только по-французски, половина проживает в сельской или малонаселенной местности⁶.

Между тем, не акцентируется тот факт, что эти данные о людях, которые уже окончили школу. Акцент переносится на другие обстоятельства. Так, в ходе последней предвыборной президентской кампании 2022 г. один из кандидатов заявил, что во время диктанта по окончании начальной школы детей, допустивших «менее 5 ошибок», было «31% в 1987 г.», а сегодня «осталось всего 8%»; правда, около 30% после начальной школы «не умеют читать и писать»⁷. После тщательной проверки оказалось, что приведённые цифры не совсем точны; в то же время согласно и данным французского Министерства образования более 20% упомянутых учеников действительно не имеют базовых знаний и с каждым годом совершают всё больше ошибок в чтении и письме на родном языке⁸.

Послевоенная всеобщая демократизация, подпитываемая победой СССР над фашизмом и его научно-техническими и культурными успехами, с 1960-х гг. стимулировала и во Франции крупные реформы образования, особенно среднего, с целью его максимального расширения. Оно действительно стало всеобщим, доступ к нему получили практически все слои населения. В значительной мере это оказалось возможным за счёт упрощения требований к учащимся. Тем не менее, социально-политические различия, существенно влиявшие на возможности детей успешно учиться, оставались значительными. Как следствие, с 1980-х гг. количество школьников, получавших аттестат об успешном окончании школы (во Франции — бакалавриат) стабилизировалось на отметке примерно около 80%. Но и эти цифры достигались продолжением снижения уровня общего

образования в результате продолжения реформ с целью облегчения и *актуализации* учёбы. Под ней понималось получение «как можно более практических» навыков, как можно более раннего выбора специализации и соответствующем исключении из программы «ненужных» предметов. В частности, в результате последнего крупного изменения 2019 г. значительно (примерно на 20%) уменьшились часы, отводимые на изучение математики, а в старшей школе она перестала быть обязательной, осталась только как предмет по выбору.

Профессиональное сообщество французских учителей о сути реформ в области образования

Обратимся к откликам на ситуацию «изнутри» самой французской культуры.

Так, в 2018 г. практикующий учитель истории и географии средней школы Барбара Лёфевр опубликовала монографию «Поколение “Имею право”: крах нашего образования», вызвавшую широкое обсуждение в заинтересованных кругах. Монография представляет собой итог двадцатилетней преподавательской деятельности и обобщает ряд эссе её автора, посвящённых состоянию национальной системы образования. В книге приведено множество примеров *упрощения* культурного воспитания, *нивелирования* развития детей по нижней планке возможного под предлогом установления равенства [Lefebvre, 2018]. В название книги автор вынесла наиболее часто слышимую от родителей и коллег фразу, которую (в разных вариантах) постоянно используют дети и подростки, *сопротивляясь* воспитательным и образовательным усилиям взрослых. Она подчёркивает: уже целое поколение непрерывно повторяет «имею право», безапелляционно выражая так «право быть против» школы, родительского авторите-

⁶ Niveau national ...

⁷ Les élèves qui entrent en sixième sont-ils 30% à ne savoir ni lire ni écrire ? — Le Figaro. — 2022. — 20 Jan. — URL: <https://www.lefigaro.fr/actualite-france/les-eleves-qui-entrent-en-sixieme-sont-ils-30-a-ne-savoir-ni-lire-ni-ecrire-20220120>

⁸ Est-ce vrai que "30% des élèves rentrent en 6e sans savoir lire et écrire" ? — Le Bien Public. — 2022. — 14 Jan. — URL: <https://www.bienpublic.com/societe/2022/01/14/est-ce-vrai-que-30-des-eleves-rentrent-en-6e-sans-savoir-lire-et-ecrire>

та, правил поведения в обществе и даже закона вообще. Выпускница Сорбонны по специальности «литература» (тема диплома — творчество Гюстава Флобера), Лёфевр показывает процесс критического упрощения уровня обучения прежде всего на примере французского языка, из-за чего он стал практически недоступен для реального овладения им детьми: с её точки зрения, французский язык сведён сегодня к средству коммуникации, очищенному от всех нюансов, — таких, как развитая грамматика, отсылки к литературе. А значит, и от культурных кодов, необходимых для взрослой жизни культурно развитого человека. Знакомства с этими «лишними» сложностями оказались лишены уже два поколения французов — 1980-х и 2000-х гг. Кстати, именно этим фактом автор объясняет, почему и многие родители уже не поддерживают усилия учителей, также являясь частью поколения «имею право». Это поколение она определяет как людей, для которых их частные интересы выше любых общих, общественных интересов, а также и интересов любого другого человека. Как эти принципы воплощаются на практике ребёнком? Так, как он в состоянии их понять, — начиная уже с пятого класса, всё больше школьников встают посреди урока и занимаются своими делами, мешая другим, прерывают учителя, тыкают ему и так далее.

Почти одновременно с Барбарой Лёфевр, в 2019 г., с книгой «Национальное необразование»⁹ выступил школьный преподаватель философии, член Высшего совета по образованию (консультативного органа под председательством министра национального образования) и Вице-президент одного из крупных общенациональных профсоюзов (Action & Démocratie CFE-CGC) Рене Шиш [Chiche, 2019]. На большом фак-

тическом материале он составил список дисфункций современного национального образования, вследствие которых всё большее количество молодых людей, ходивших в школу, поскольку это обязательно (и в большинстве случаев даже формально её окончивших), становятся тем не менее «жертвами» недостатка образования. Шиш исследует такую проблему, как устойчивая тенденция роста количества молодых людей, которые за всё большее время, проведённое в школе (сегодня по закону это уже 15 лет), так и не научаются правильно читать, писать и изъясняться. Это, в свою очередь, делает невозможным для них получение высшего образования, хотя им удаётся получить школьные аттестаты и записываться на этом основании в вузы, участвующие в Болонском процессе (в элитные вузы Франции можно поступить, только сдав сложные экзамены, к которым после окончания школы готовятся в течение двух лет на подготовительных курсах). Главное, на что обращает внимание Р. Шиш, — данный феномен касается детей и подростков из всех социальных слоёв. При этом, как и многие другие, он оспаривает ставшую едва ли не мантрой оценку, что сегодняшние выпускники слабее своих предшественников в родном языке, литературе и математике, но «зато» они якобы «знают другое», под чем подразумевается нечто «цифровое». Согласно статистике, во Франции (в частности, в 2019 г.) каждый шестой человек старше 15 лет не пользовался интернетом; больше, чем каждый третий, пользователь не имел базовых цифровых навыков, а 2% — не имели вообще никаких. Цифровая неграмотность в целом затрагивала 17% населения, каждый четвертый не умел искать информацию, а каждый пятый — пользоваться Интернетом¹⁰.

⁹ Здесь и далее используется этот авторский перевод неологизма Р. Шиша «*désinstruction*», как наиболее соответствующий по смыслу. Понятие «*instruction*», сегодня используемое, в основном, как «обучение», происходит от латинского *instruere*, означающего буквально «устанавливать, готовить, строить», а в переносном смысле — помогать, обучать и т.п. То есть речь идёт о действии по формированию у детей способности самостоятельного суждения, «вращения» их разума. «*Désinstruction*» — с приставкой *de-* означает, следовательно, обратное действие, буквально — «разучение», то есть потерю приобретённых знаний и навыков. Это действительно возможно, но у детей ведь изначально никаких знаний нет. Отсюда наш перевод «*désinstruction*» как «необразование».

¹⁰ Une personne sur six n'utilise pas Internet, plus d'un usager sur trois manque de compétences numériques de base // Insee. — URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/4241397>

Автор книги полагает, что среди важных причин ухудшения ситуации — отмена второгодничества для совсем слабых учеников; постоянное сокращение учебных часов в целом (во Франции четырёхдневная учебная неделя и наименьшее количество занятий в Европе) и по критически важным для развития общей культуры и мышления предметам, особенно французскому языку и математике; ухудшение условий труда учителей, включая зарплату и переполненность классов; разработка чиновниками бессмысленных школьных программ и их насильственное внедрение. Шиш определяет две основные силы, участвующие в этом «уже открытом» конфликте, буквально «раздирающем» школу. С одной стороны, это преподаватели, которые пока в большинстве своём воспитаны на ценностях «настоящей республиканской школы» и стараются честно делать своё дело. С другой — чиновники Министерства образования, которые чаще всего лично не преуспели в преподавательской работе, но тем не менее «бесконечно реформируют» школу модными «инновационными» проектами. Под предлогом внедрения результатов «педагогических наук» они требуют от учителей выполнения задач и «проектов», к которым их не готовили, и которые, в общем, не оплачиваются. Причём подобное «внедрение» происходит фактически за счёт той работы, для которой их и обучили в вузах — учить школьников, обеспечивать получение ими знаний и культурное развитие. В качестве примера можно привести следующий факт: с 1975 до середины 1990-х гг. время на изучение французского языка только в начальной школе было сокращено на 600 часов¹¹. Но ведь родной язык — это основа для изучения всех остальных предметов. А их в последние годы всё больше. Возникает ситуация, в которой изучение всё большего числа «наук» просто отнимает время, но

ничему не научает. Параллельно фиксируется резкое увеличение количества случаев, когда школьникам ставят диагноз дислексия или дисортография, — в то время, как их просто не обучили читать и писать. И как только вместо врача с ними начинает заниматься учитель, большинство через несколько занятий начинают исправляться (что, напомним невозможно с действительно страдающими от подобной дисфункции). Причина — катастрофически понизившийся уровень требований, в чём Р. Шиш предлагает убедиться каждому, просто сравнив учебники 1950-х гг. с современными, которые «ужасающе пусты и посредственны»¹².

Социальные предпосылки функциональной неграмотности: семья, школа, политика, право

Десятилетия исследований социологов, антропологов и представителей других гуманитарных наук выявили несколько причин рассматриваемой проблемы. Во-первых, неграмотные люди часто происходят из неблагополучных в экономическом и культурном отношении слоёв. У многих были проблемы с учебным процессом (непонимание, отставание, прогулы) или в семье (жестокое обращение, инвалидность родителей, многодетность). Чаще эти факторы испытывают на себе дети из этнических меньшинств. Тем не менее, не все случаи неграмотности подпадают под эти и подобные причины. Выявлено, что неграмотность бывает и следствием когнитивных расстройств, в том числе связанных с неблагоприятной социокультурной средой [Eme, Nantes, Delliaux, 2011].

Также в литературе был подробно рассмотрен такой фактор, предопределяющий снижение уровня знаний детей из любых семей, обучающихся в любых школах, как политическое решение *обязать*

¹¹ Appel pour le rétablissement des horaires de Français // L'association «Sauver les lettres». — URL: <http://www.sauv.net/horaires.php>

¹² Les raisons de la désinstruction : entretien avec René Chiche, un prof en colère // Opinion Internationale. — URL: https://www.opinion-internationale.com/2021/05/06/les-raisons-de-la-desinstruction-entretien-avec-rene-chiche-un-prof-en-colere_90186.html

всех школьников Европы с самого раннего возраста изучать несколько иностранных языков, в первую очередь — английский. В данной связи уместно обратиться к изучению аксиологической проблематики, связанной с проблемой функциональной неграмотности во французском обществе, — то есть фону, который предопределяет принятие тех или иных политических решений, как и их практическую реализацию.

Основным принципом реформ образования последних десятилетий является *равенство*, которое должно быть реализовано созданием «школы по-настоящему равных возможностей». Но оказывается, что и равенство можно понимать по-разному. Б. Лёфевр показывает, как уравнивание всех учеников действительно происходит, но — по нижнему уровню возможного и с целью сформировать гибкую и послушную рабочую силу, практикующую культ потребления, которая нужна рынку труда современной глобальной экономики. Всё больше людей усваивают эту навязываемую с послевоенных времён модель общества потребления, где «королём» является покупатель или *пользователь*, как теперь говорят. Под влиянием этих ценностей представители нового поколения воспринимают себя в первую очередь как пользователи, а все свои желания — как подлежащие удовлетворению, образование интерпретируется как услуга и должно потребляться подобно другим рыночным товарам и услугам. То же самое может быть отнесено к обществу и государству — в случае неудовлетворённости «услугой» правомерно не уважать, соответственно, общество, власть, школу.

Интересно, что истоки подобной позиции Лёфевр видит не в движении 1968 г. и даже не в эпохе Просвещения, а в гуманизме XVI в., когда родились философские

идеи *своеобразия* личности. С её точки зрения в эпоху Просвещения, и особенно с Революцией 1789 г., эти идеи превратились в идеологию *приоритета* определённым образом понимаемого своеобразия и в итоге привели к современному необузданному индивидуализму¹³. Она также считает, что основной вклад в процесс распространения этих ценностей внесла в 1970-е гг. группа французских философов, прежде всего М. Фуко и П. Бурдьё, постоянно порицавшие «институциональное насилие» школы, которую они считали лишь орудием отчуждения масс и господства «буржуазного капиталистического класса». Именно на идеях Бурдьё о школе как институте производства неравенства и республиканских идеалах как обмане буржуазной пропаганды было, по её мнению, воспитано большинство педагогических теоретиков, которым была поручена подготовка учителей и разработка школьных программ. Сегодня к той характеристике буржуазного класса противники светской республиканской школы добавили ещё «белые» и «мужчины». Им удалось также убедить определённое количество родителей в том, что они являются акторами доминирования: семья, школа — авторитеты якобы только господства и отчуждения; ограничивать детей — значит травмировать их.

Однако навязывание индивидуалистического «я» в ущерб «мы», общим интересам означает, по мнению Лёфевр, не только отношение к Другому лишь как к средству, инструменту удовлетворения своих желаний, но и отрицание легитимности любой власти¹⁴. Причём — ещё раз — в основе подобной ценностной установки лежит отказ от родительского и учительского авторитета в пользу неумеренно растущего индивидуализма.

На основании приведённых рассуждений, казалось бы, можно записать Лёфевр

¹³ Génération «j'ai le droit» : «mai 1968 est l'aboutissement d'un dévoiement des droits de l'individu» // Le Revue des deux mondes. — 2018. — 26 Jan. — URL: <https://www.revuedesdeuxmondes.fr/generation-jai-droit-mai-1968-laboutissement-dun-devoiement-droits-de-lindividu/>

¹⁴ Barbara Lefebvre: «Priver les élèves des grands textes de la littérature, c'est les priver de leur identité» — Le Figaro. — 2018. — 19 Jan. — URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/societe/2018/01/19/31003-20180119ARTFIG00064-barbara-lefebvre-priver-les-eleves-des-grands-textes-de-la-litterature-c-est-les-priver-de-leur-identite.php>

в консерваторы. Однако её философская рефлексия явно отличается от позиции пропаганды тех или иных ценностей. Она подчёркивает: авторитет взрослых, семьи и учителей, не абсолютен. Важно не потерять из виду водораздел, отделяющий критику действительно существовавших в 1950-е гг. (и, конечно, ранее) государственного и семейно-патриархального господства и порождаемого им социального и морального конформизма, от апологетики нынешней ситуации тотального отрицания любой претензии старших поколений на доминирующую роль в культуре.

В результате вместо заявленного курса на воспитание как «благожелательный способ обеспечения развития ребёнка», контролируемый и направляемый взрослыми, сложилась и распространилась практика уравнивания ребёнка и взрослого. Что, по Лёфевр, «является серьёзной ошибкой в краткосрочной перспективе для самого ребёнка, а в среднесрочной и долгосрочной перспективе — для общества в целом»¹⁵. Таким образом от бытовавшей некогда практики «дрессуры» детей в некоторых французских семьях сегодня перешли к отказу от любых ограничений. Однако сам отказ от ограничений не может не быть ограничен. Б. Лёфевр поясняет это на достаточно понятном примере. Обычно человек выбирает себе друзей, супруга, место жительства. Но вот ребёнок попадает в школьный класс, где есть другие дети, которых туда зачислили, и учителя, которых им назначили (а во Франции государственную школу выбирать нельзя — ребёнок должен учиться только по месту жительства). «И это есть определённое социальное ограничение, которому надо просто подчиниться. Но детей поколения “имею право” не сформировали таким образом ни в семье, ни в детском саду. Им не

объяснили, что жизнь — это социальные ограничения. И я считаю, что сегодня молодым людям, новым поколениям просто врут о том, что такое жизнь в современном обществе. А она сегодня — это постоянная борьба, отношения между людьми представляют собой чрезвычайно яростную конкуренцию. О работе не говорят иначе, как о стрессе, о «выгорании». Но при этом детям объясняют, что их свобода тотальна, что они могут думать, что хотят, самовыражаться, как хотят, без каких-бы то ни было ограничений. И когда такой ребёнок становится взрослым, он впадает в абсолютную депрессию, потому что настоящий мир не таков»¹⁶. Лёфевр показывает, что центрированность исключительно на удовлетворении своих желаний есть ещё и основа воспроизводства всех худших социальных практик — сексизма, расизма, насилия вообще, разрушения республиканского секуляризма, регресса коллективных свобод и т.д. [Lefebvre, 2018]. Настоящим «инструментом эмансипации личности» она называет литературу. Но ввиду катастрофического падения уровня преподавания французского языка дети лишены доступа к великой литературе, ограничиваются литературой детской, способны понимать только разговорный язык. На этом основании Лёфевр даёт собственное определение неграмотности: под неграмотным она понимает ученика, который более или менее правильно прочитывает текст, но не понимает, что читает: «Неграмотный — это непонимающий читатель»¹⁷.

Специфика позиции Р. Шиша состоит в его обращении к философской традиции, получившей своё начало в трудах Платона и Аристотеля: рассматривать образование молодёжи как политический вопрос в его изначальном значении, то есть как часть проблематики управления государством

¹⁵ Génération « j'ai le droit » ...

¹⁶ Génération « J'ai le droit » : « On ment aux jeunes, le vrai monde, ce n'est pas ça! » — BFMTV. — 2018. — 23 Jan. — URL: <https://rmc.bfmtv.com/archives/2018/01/23/>

¹⁷ Barbara Lefebvre. Parents ? Enseignants ? Politiques ? Internet ? Mais qui est responsable de l'inquiétante montée de l'illettrisme dans les écoles françaises ? — Atlantico. — 2018. — 20 Jan. — URL: <https://atlantico.fr/article/decryptage/parents--enseignants--politiques--internet--qui-est-responsable-de-l-inquietante-montee-de-l-illettrisme-dans-les-ecoles-francaises-barbara-lefebvre>

(городом). Речь идёт о формировании человека и гражданина, умение которого *структурировано и понятно* (для других граждан) излагать свои мысли является его, гражданина, существенным признаком. Р. Шиш разделяет точку зрения Лёффевер в главном — с его точки зрения, «национальное необразование» есть, прежде всего, отступление от республиканских принципов. Общество, граждане, стали жертвой демагогически отвергнутого авторитета школы: «Республика больше не поддерживает дисциплину в школах из страха быть слишком строгой; она откажется от требований соблюдать правила грамматики и орфографии из страха быть слишком элитарной...» [Chiche, 2019: 159]; «школа отказалась от выполнения своей основной миссии — обучения учащихся» [Chiche, 2019: 16]. Выход из ситуации также окрашен тонами политической аксиологии: необходимо вернуться «к республиканской требовательности, простой и столь амбициозной, — учить всех учеников, а не убаюкивать их иллюзиями, демагогическими обещаниями успеха, который им якобы причитается» [Chiche, 2019: 230]. Учёбу, полагает Р. Шиш, национальная система образования сегодня подменяет успехом, который в случае школы есть получение аттестата о её окончании. Ради этого, показывает Шиш, систематическим стало манипулирование оценками и соответствующее давление на учителей «инспекторами Минобра» [Chiche, 2019]. Однако сам тезис о возможной гарантии успеха в учёбе, — обман; успех индивидуален и зависит от приложенных усилий. Отсюда и главная, по мнению Р. Шиша (и аксиологическая по сути) проблема французского «общества знания»: во взрослую жизнь сегодня вступает всё больше молодёжи, которая *никогда не трудилась*. Речь,

конечно же, идёт не о детском труде, который сегодня во Франции запрещён на законодательном уровне, а об учёбе, которая и есть тот самый «детский труд», необходимый для полноценного развития социальной ответственной личности.

Нельзя не признать: в декларациях о правах человека и тем более ребёнка речь ведётся в конечном итоге о *счастье*, которым политики и манипулируют, объясняя смену курса на «самостоятельный выбор» детей по всё более широкому кругу вопросов (и со всё более раннего возраста). Франция — участник большинства международных соглашений, и, действительно, согласно статье 8 Конвенции о правах ребёнка, «Государства-участники обязуются уважать право ребёнка на сохранение своей индивидуальности...»¹⁸. То есть формально все новые реформы вполне вписываются в это положение. Кстати, один из последних шагов в направлении этой самобытности был сделан в отношении гендерной самоидентичности младших школьников, для которых с 2021 г. приказом Министерства образования предусмотрено право требовать, чтобы их называли именем и местом, которые они сами выбирают, носить одежду пола, пользоваться туалетами и другими помещениями в соответствии с полом, к которому школьник себя относит (правда, последнее — всё-таки под контролем взрослых)¹⁹. Приказ вызвал очередной всплеск массового недовольства родителей и широкую дискуссию в медиа с требованиями научной обоснованности, дополнительных исследований о развитии детей и подростков, в том числе ввиду того, что, по мнению многих экспертов, ребёнок не обладает необходимыми знаниями и не в состоянии критически осмыслить большое количество факторов, чтобы сделать действительно самостоятельный выбор²⁰.

¹⁸ Конвенция о правах ребёнка: Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г. // ООН: официальный сайт. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml

¹⁹ Pour une meilleure prise en compte des questions relatives à l'identité de genre en milieu scolaire. Circulaire du 29-9-2021 // Ministère de l'Éducation nationale et de la Jeunesse. — URL: <https://www.education.gouv.fr/bo/21/Hebdo36/MENE2128373C.htm>

²⁰ Из всей массы публикаций выделим: Kovacs S. «Une faute professionnelle grave»: quand un lycée change le genre d'une élève sans en avertir les parents // Le Figaro. — 2022. — 02 Jun. — URL: <https://www.lefigaro.fr/actualite-france/une-faute-professionnelle-grave-quand-un-lycee-change-le-genre-d-une-eleve-sans-en-avertir-les-parents-20220530#:~:te>

Между тем в Преамбуле этой же Конвенции отмечено, что «ребёнок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе...». А согласно Статье 5, «Государства-участники уважают ответственность, права и обязанности родителей ... должным образом управлять и руководить ребёнком в осуществлении им признанных настоящей Конвенцией прав и делать это в соответствии с развивающимися способностями ребенка». Согласно Статье 12, «...взглядам ребёнка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребёнка»²¹. Также и в Статье 371-1 Гражданского кодекса самой Франции определено, что «Родительская власть — это совокупность прав и обязанностей, целью которых являются интересы ребёнка... Родители привлекают ребёнка к принятию решений, которые касаются его, в соответствии с его возрастом и степенью его зрелости»²². Из приведённого краткого экскурса можно сделать неутешительный вывод: новый политический курс в отношении системы образования всё меньше учитывает и существующие правовые нормы.

Закключение

Одним из существенных свойств человека является способность *выбирать*, которая крайне редка в мире живой природы, действующем в основном инстинктивно и реактивно. От бессознательной реакции человеческий выбор отличает как раз его осознанность и обоснованность. Выбирать нужно научиться — так же, как научиться разговаривать, читать, логически мыслить. Отсюда следует прямая связь между

аксиологическим фундаментом системы образования и теми конкретными образовательными стратегиями, которые составляют метод разрешения противоречия между декларируемой свободой человека и его настоящей свободой — свободой личности, способной самостоятельно делать аргументированный выбор. По мнению учёных-практиков, таких, как Б. Лёфевр и Р. Шиш, установка на «свободное» развитие личности пока не проходит эмпирической проверки. Об этом же свидетельствует анализ данных, приводимых официальными государственными структурами, ответственными во Франции за мониторинг динамики борьбы с функциональной неграмотностью.

Навязанный «выбор» имени, пола, гендера, в то время как психика ребёнка находится только в самом начале развития и ему — за недостатком знаний, а также и психических сил вообще — требуется помощь и содействие взрослых, отвлекает от решения реальных задач обучения, оборачивается в том числе функциональной неграмотностью. Ведь этот «самостоятельный», «защищённый» от своих родителей и учителей ребёнок постоянно оказывается под влиянием огромное количества других взрослых людей, языка, текстов, фильмов, игр — всего, что общество создаёт, и чем ребёнок пользуется. В конечном итоге ему навязывают и все идеи, которые он, в силу незнания того, как устроена психика, принимает за свои, не понимая отличия мыслимого от самостоятельно сформулированного.

Отсутствие критического мышления у поколения «имею право» есть следствие замены прочного фундамента аксиоло-

xt=Soci%C3%A9t%C3%A9-%C2%ABUne%20faute%20professionnelle%20grave%C2%BB%3A%20quand%20un%20lyc%C3%A9n%20change%20le,sans%20en%20avertir%20les%20parents&text=R%C3%89CIT%20%2D%20Les%20parents%20de%20Lucie,adressait%20%C3%A0%20elle%20au%20masculin; Richard G. Éducation nationale: que change la circulaire sur l'accueil des élèves trans? // The Conversation. — 2021. — 05 Oct. — URL: <https://theconversation.com/education-nationale-que-change-la-circulaire-sur-laccueil-des-eleves-trans-169174>; Henrotte M. Éléves trans : des nouveaux droits et devoirs établis par le ministère de l'Éducation nationale // Marie Claire. — 2021. — 10 Avr. — URL: <https://www.marieclaire.fr/eleves-trans-des-nouveaux-droits-et-devoirs-etablis-par-le-ministere-de-l-education-nationale,1401301.asp>; Audugé S. Circulaire des "transidentités" à l'école : les résultats de notre consultation ! // SOS Éducation — 2021. — 05 Nov. — URL: <https://soseducation.org/circulaire-transidentites-ecole-c-est-non/>

²¹ Конвенция о правах ребёнка...

²² Article 371-1. Code civil. Version en vigueur depuis le 12 juillet 2019 // Légifrance. — URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000038749626

гии «общей культуры» набором навыков, которыми (и только ими) предстоит овладеть в школе. Знания такая аксиология подчиняет правам, в том числе «праву» на отрицание и «праву» на успех даже при ничегонеделании. Активно идёт замена центральной ценности *труда* как *предпосылки счастья* (найди и научись тому труду, который по душе) на счастье «само

по себе», основанное на удовлетворении сиюминутных желаний. Если в первом случае человек сам реализует своё понимание счастья, то во втором — его «право на счастье», как и остальные права, имеет внешний источник реализации — других людей, общество, государство, которые «должны» их гарантировать и осуществлять.

Список литературы:

- Бодрийяр Ж. Город и ненависть // Логос. — 1997. — № 9. — С. 107–116.
- Марусенко М.А. Языковая политика Франции: исторический вектор развития // Меди@льманах. — 2020. — № 6. — С. 168–181. <http://doi.org/10.30547/mediaalmanah.6.2020.168181>
- Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. — М.: Научный мир, 1998. — 204 с.
- Bayrou F. Une priorité nationale // Hommes et Migrations. — 1988. — Vol. 1117, № 1. — pp. 14–19. <https://doi.org/10.3406/homig.1988.1234>
- Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. — London: Sage Publications, 1992. — 260 p.
- Bentolila A. De l'illettrisme en general et de l'ecole en particulier. — Paris: Plon, 1996. — 226 p.
- Baudrillard J. Pour une critique de l'économie politique du signe. — Paris: Gallimard, 1986. — 268 p.
- Chiche R. La désinstruction nationale. — Nice: Editions Ovadia, 2019. — 252 p.
- Eme E., Nantes N., Delliaux Ch. Analyse cognitive et linguistique de l'illettrisme : bilan des études et implications pour la formation // L'orientation scolaire et professionnelle. — 2011. — № 40/3. <https://doi.org/10.4000/osp.3516>
- Foucault M. Les mots et les choses: Une archéologie des sciences humaines. — Paris: Gallimard, 1966. — 400 p.
- Lefebvre B. Génération «j'ai le droit»: la faillite de notre éducation. — Paris: Albin Michel, 2018. — 240 p.
- Lyotard J.-F. La condition postmoderne: rapport sur le savoir. — Paris: Les Editions de Minuit, 1979. — 128 p.
- Paugam S. La disqualification sociale : essai sur la nouvelle pauvreté. — Paris: Presses universitaires de France, 1991. — 256 p.

References:

- Baudrillard, J. (1997) 'Gorod i nenavist' [City and hatred], *Logos*, (9), pp. 107–116. (In Russian).
- Maroussenko, M. (2020) 'La politique linguistique de la France: un vecteur historique du développement', *Mediaalmanah*, 101(6), pp. 168–181. (In Russian). <http://doi.org/10.30547/mediaalmanah.6.2020.168181>
- Touraine A. (1998) *Le retour de L'acteur*. Moscow: Nauchnyi mir. (In Russian)
- Bayrou, F. (1988) 'Une priorité nationale', *Hommes et migrations*, 1117(1), pp. 14–19. <https://doi.org/10.3406/homig.1988.1234>
- Bentolila, A. (1996) *De l'illettrisme en general et de l'ecole en particulier*. Paris: Plon.
- Beck, U. (1992) *Risk Society: Towards a New Modernity*. London: Sage Publications.
- Baudrillard, J. (1986) *Pour une critique de l'économie politique du signe*. Paris: Gallimard.
- Chiche, R. (2019) *La désinstruction nationale*. Nice: Editions Ovadia.

Eme, E., Nantes, N. and Delliaux, C. (2011) 'Analyse cognitive et linguistique de l'illettrisme: bilan des études et implications pour la formation', *L'Orientation scolaire et professionnelle*, (40/3). <https://doi.org/10.4000/osp.3516>

Foucault, M. (1966) *Les mots et les choses: Une archéologie des sciences humaines*. Paris: Gallimard.

Lefebvre, B. (2018) *Génération «j'ai le droit»: la faillite de notre éducation*. Paris: Albin Michel.

Lyotard, J.-F. (1979) *La condition postmoderne: rapport sur le savoir*. Paris: Les Editions de Minuit.

Paugam, S. (1991) *La disqualification sociale : essai sur la nouvelle pauvreté*. Paris: Presses universitaires de France.

Информация об авторе

Николай Витальевич Литвак — доктор социологических наук, профессор кафедры философии им. А.Ф. Шишкина МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Nikolay V. Litvak — Doctor of Sociology, Professor at the A. F. Shishkin Department of Philosophy, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 04.07.2022; одобрена после рецензирования 18.08.2022; принята к публикации 12.09.2022.

The article was submitted 04.07.2022; approved after reviewing 18.08.2022; accepted for publication 12.09.2022.

Исследовательская статья

УДК 291.7

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-36-49>

ТЕМПОРАЛЬНАЯ СХЕМА СОВРЕМЕННОГО ДЖИХАДИЗМА

Андрей Русланович Сулейменов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия

andrey@sul@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1060-6853>

Аннотация. В статье на основе пропагандистских материалов международной террористической организации «Исламское государство»* рассматривается темпоральная схема и исторический нарратив джихадистской пропаганды. Исследования политики памяти и исторических нарративов организаций радикального исламизма практически отсутствуют, что, по всей видимости, объясняется труднодоступностью источниковой базы. Данное исследование базируется как на «официальных» материалах джихадистской пропаганды, исходящих от пропагандистских органов «Исламского государства», так и на корпусе источников «стихийной» пропаганды сторонников радикального исламизма. В связи с крайне различным социокультурным базисом своих сторонников, джихадистская пропаганда вынуждена оперировать не цельным нарративом, а скорее набором сюжетов, выстраивая дискретное повествование о прошлом. Данные сюжеты соответствуют предложенной Э. Смитом схеме этнического мифа. Несмотря на то, что современный джихадизм не является этническим сообществом в силу международного характера и универсализм вероучения, общность религиозных и, что более важно, политических представлений позволяет проводить анализ исторического нарратива радикального исламизма с точки зрения этносимволического подхода. Исследование представлений о прошлом, характерных для данной организации, осуществляется на основе выделенных Я. Ассманом типов культурной памяти. Выявляются основные исторические точки, фиксирующие временную схему данной организации; анализируются и некоторые устойчивые представления о прошлом исламской цивилизации, характерные для джихадистской пропаганды. Особый интерес представляет мифологема многовекового глобального заговора против мусульманской уммы, которая во многом является узловой концепцией джихадистского нарратива, а также эсхатологические представления джихадистской пропаганды.

* Организация запрещена на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: исторический нарратив, культурная память, темпоральная схема, представления о прошлом, национальный миф, джихадизм, Исламское государство*, радикальный исламизм, Халифат

Благодарности: Исследование проведено в рамках гранта РФФИ 20-39-90017 «Символическое поле современного исламизма».

Для цитирования: Сулейменов А.Р. Темпоральная схема современного джихадизма // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 3. — С. 36–49. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-36-49>

Research article

TEMPORARY SCHEME OF MODERN JIHADISM

Andrey R. Suleimenov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, Russia
andrey@sul@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-1060-6853>

Abstract. Based on the propaganda materials of the international terrorist organization *Islamic State**, the article examines the temporal scheme and the historical narrative of jihadist propaganda. Studies of the politics of memory and historical narratives of organizations of radical Islamism are practically absent due to the inaccessibility of the source base. This study is based on the *official* jihadist propaganda materials coming from the propaganda bodies of the *Islamic State**, and on the corpus of sources of *spontaneous* propaganda of supporters of radical Islamism. Due to the extremely different socio-cultural basis of its supporters, jihadist propaganda is forced to operate not with an integral narrative, but rather with a set of plots, building a discrete narrative about the past. These plots correspond to the ethnic myth scheme proposed by Smith A. D. Despite the fact that modern jihadism is not an ethnic community due to the orientation towards internationalism and universalism of the dogma, the commonality of religious and, more importantly, political ideas make it possible to analyze the historical narrative of radical Islamism from the point of view of an ethno-symbolic approach. The study of representations of the past, characteristic of a modern jihadists, is carried out because of the types of cultural memory identified by Jan Assman. The study main historical points fixing the temporal scheme of the *Islamic State**; and some stable ideas about the past of Islamic civilization, characteristic of jihadist propaganda. Of particular interest is the mythology of the centuries-old global conspiracy against the Muslim Ummah, which is in many ways the key concept of the jihadist narrative, as well as the eschatological representations of jihadist propaganda.

Keywords: historical narrative, cultural memory, temporal scheme, representations of the past, national myth, jihadism, Islamic State, radical Islamism, Caliphate

Acknowledgements: the research was carried out with the financial support of the RFBR, within the framework of project № 20-39-90017 "The Symbolic Field of Modern Islamism".

For citation: Suleimenov, A. R. (2022) 'Temporary Scheme of Modern Jihadism', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(3), pp. 36–49. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-36-49>

* The organization is banned on the territory of the Russian Federation.

Изучение политики памяти, исторических нарративов занимают значимое место в современных исторических исследованиях. Во множестве встречаются как обобщающие работы [Румянцева 2007; Репина, 2007, История и память..., 2006], так и исследования, посвященные отдельным аспектам исторической памяти [Кризисы переломных эпох..., 2012, Румянцева, 2007]. Однако аспекты исторической памяти, связанные с исламским сообществом, за некоторым исключением [Кузнецов 2007, Звягельская, Кузнецов, 2017; Урушадзе 2020, 2021; Политика памяти в..., 2020; Горюшина 2018, 2020], не получили должного внимания со стороны исследователей.

Историческая память служит важным инструментом актуализации старого прошлого, как и конструирования нового [Sachs, 2012]. Особую актуальность события прошлого приобретают в обществах, находящихся в кризисном состоянии, недавно прошедших травматические события, либо находящихся в состоянии текущего конфликта. В данном случае события реального или воображаемого прошлого обретают особенную значимость, оказываются способными повлиять на расстановку сил в обществе. Среди прочих исследований, посвященных сложению исторического нарратива в ходе военного конфликта, выделим работу В.А. Тишкова [Тишков 2001], ценную этнокультурным описанием погруженного в политико-религиозный конфликт сообщества; исследование содержит наблюдение трансформации исторических представлений в ходе конфликта.

Особую роль изучение режимов памяти и временных представлений исламских сообществ приобретает в свете «растекания» регионального [Добаев 2009] международного терроризма, сохраняющейся активностью «старых» акторов радикального исламизма и трансформацией новых террористических движений.

Изучение угроз религиозного радикализма в значительной степени осложнено расплывчатостью самого предмета исследования, его чрезвычайным многообразием и многочисленностью региональных вариантов. Определения терминов

«исламизм», «радикализм», «джихадизм» разнятся в зависимости от религиозно-политических позиций оценивающего, его культурного и научного багажа; научное сообщество также не предлагает единого общепринятого определения данных терминов. Обобщенный в массовом сознании джихадизм, как правило, персонифицируется в самых различных образах — от фигуры ваххабитского проповедника до обычного посетителя мечети, в то время как многообразие акторов радикального исламизма и возникающие между ними противоречия проявляются не только на уровне конкурирующих сил (конфликт некогда родственных «Исламского государства»* и «Аль-Каиды»*, а также её «дочерней организации», Джабхат ан-Нусры*), но и внутри пропагандистских материалов самих группировок. Будучи по своей природе глобальным, современный исламизм соединяет, подчас даже в рамках одной группировки, представителей самых разных стран, в том числе и России.

В силу принадлежности своих сторонников к различным культурным и социальным слоям, джихадистские организации сталкиваются с необходимостью создания такого объясняющего исторического повествования, которое было бы в равной степени понятно каждому человеку, разделяющему джихадистскую идеологию. В связи с этим интересным объектом исследования становится МТО «Исламское государство»* (далее — ИГ*, Исламское государство*, «Халифат»*), в деятельности которой активное участие принимают и некоторые граждане России. Особенно ИГ* до недавнего времени являлась нацеленностью на неограниченную экспансию, предпринятые попытки построения глобального всеобъемлющего Халифата*. Приток в ряды организации выходцев со всего мира, разнообразные профессиональные навыки её сторонников придают ИГ* определённую мобильность и возможность действия в регионах, отдалённых от места возникновения и основного региона активности организации (Ближний Восток).

Вместе с тем упомянутое разнообразное происхождение сторонников органи-

зации, разнесённость в пространстве и подчас отсутствие надёжной связи с региональными ячейками делают задачу формирования общего нарратива крайне сложной. Само формирование и донесение до своих сторонников исторической картины мира представляется крайне важной доктринальной задачей, игнорирование которой ставит под удар моральную стойкость её сторонников. Именно посредством исторического нарратива складывается обобщённая картина мира, осуществляется позиционирование сообщества во времени и по отношению как к конкурирующим группировкам, так и противостоящим ИГ* суверенным государствам.

Донесение до своих членов единой религиозной доктрины и мировоззренческих концепций осуществляется рядом источников пропаганды. Для нашего исследования таковыми являются электронные периодические издания «Халифата»*, а также доступные нам материалы «стихийной» пропаганды, осуществляемой вне рамок организованной пропагандистской машины боевиков. К числу первого корпуса источников относятся электронные журналы «Dabiq», «Rumiyah», «Исток», «Furat. Press», выпуски которых обнаружены в ходе исследовательского поиска на просторах интернет-сети. Первые два издания являются «официальными» печатными органами джихадистов, переведёнными на ряд языков мира (нам доступны лишь англоязычные версии журналов). Издания «Исток» и «Furat.Press» являются русскоязычными, причём последнее, несмотря на позиционирование в качестве «официального издания Исламского государства*», по-видимому, является продуктом отдельной ячейки ИГ*, не имеющей связи с руководством организации. Журнал «Исток», доступный нам в количестве первых четырёх номеров, является частичным переводом оригинального издания исламистов «Dabiq» со значительными включениями собственных текстов. Как становится ясно из первого номера, данное издание выпускалось силами «Джейш аль-Мухаджирин валь-Ансар»* (Армия мухаджиров и ансаров), возглавляемой Абу Умаром аль-Шишани (Тархан Батирашвили).

Определяющая категория времени, лежащая в основе нарратива, ставит перед данным исследованием задачу характеристики темпорального режима джихадистского нарратива. Обращения к прошлому на страницах джихадистской пропаганды могут принимать вид как прямого обозначения (упоминание конкретных исторических событий), так и присутствовать в неявном виде в качестве иллюстраций, сопровождающих статьи или иные пропагандистские материалы.

Постановка вопроса об историческом нарративе джихадистского дискурса неизбежно отсылает нас к проблематике формирования нарратива и исторической памяти в столь экзотичной среде. Коллективный рассказ общества о себе направлен на фиксирование значимых моментов прошлого и придания им определённой коннотации — через процесс означивания происходит формирование идентичности сообщества, формируется общая система символов. Зафиксированные коллективной памятью образы событий в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях.

Однако можно ли утверждать наличие единого нарратива, единой системы символов, характерной для джихадистского дискурса? Возможно ли формирование структур самоидентификации даже среди сторонников отдельных джихадистских организаций с чётко оформленной (а «Исламское государство*», в идеологическую основу которого положен строгий салафизм, безусловно, предлагает своим сторонникам простую и понятную картину мира) структурой и догматикой? Полагаем, что глобальный характер крупных джихадистских организаций, не привязанных к территории и нацеленных на безграничную экспансию, принуждает к формированию особой, упрощённой, картины представлений о прошлом — пропагандистские материалы, рассчитанные на аудиторию вне региона зарождения организаций (в данном случае — Ближний Восток), сталкиваются с необходимостью максимально

доступной репрезентации исторических событий, объясняющих и легитимизирующих действия организации. Сталкиваясь с культурным многообразием своих сторонников, в своих средствах пропаганды и массовой информации такие глобальные организации вынуждены формировать максимально простую картину мира с возможным минимумом исторических событий. Выстраивание единых временных представлений, в равной степени общих для сторонников джихадистской идеологии, подразумевает неизбежное обеднение исторического нарратива в совокупности с его фокусировкой на истории исламских обществ (в значительной мере неизвестной широкой аудитории, подвергающейся джихадистской пропаганде).

Прежде всего обозначим дискретный характер рассматриваемого нами нарратива джихадистской организации: в силу географической разрозненности сторонников идеологии, их различного социокультурного базиса, пропагандисты исламистов предлагают не единое связное историческое повествование, а скорее набор связанных мифов, каждый из которых в отдельности может быть воспринят аудиторией и не является жёстко привязанным к конкретной территории. Вместо связного исторического повествования джихадистская пропаганда предлагает своим сторонникам коллаж, который важен не только ценностью содержащихся в нем сюжетов, но и эмоционально-семиотическим эффектом.

Усилия «Исламского государства» по единению своих сторонников являются не формированием нации, но выстраиванием нового сообщества вокруг религиозной и историко-культурной идентичности. Тем не менее, используемые средства обнаруживают сходства с инструментарием различных теорий наций, объясняющих национальную идентичность. Так, «Исламское государство»* отвечает ряду требований, предъявляемых Б. Андерсоном к «воображаемому сообществу», члены которого, не обладая возможностью непосредственного контакта, тем не менее конструируют ментальный образ своего единства [Андерсон, 2016]. Данный взгляд на ИГ* осуществим

благодаря следующим характеристикам организации:

1. «Исламское государство»* в период наивысшего расцвета характеризовалось чрезвычайно широким распространением: «вилайаты» Халифата находились в пространстве от Индонезии до Северной Африки, объединяя в рамках единой джихадистской организации носителей различных культур и языков. Сторонник ИГ* из вилайята Кавказ, идентифицирующий себя с «Исламским государством»* (и оформивший эту самоидентификацию посредством принесения байата «халифу»), имеет крайне малые шансы на взаимодействие со своим единомышленником из вилайята Хинд, но тем не менее воображает последнего как «своего», противостоящего глобальным силам «тагута»;

2. Многочисленные разнородные сторонники Халифата находились в общем информационном пространстве, формируемом посредством медиапродукции «Исламского государства»*, а также периодическими электронными изданиями. Отвергая национализм и совершая нападки на «националистические» исламистские организации (такие, как Талибан), данные издания формировали образ единого сообщества мусульман, объединённых религией, целями и информационной повесткой;

3. Пропаганда джихадистов активно формировала образ суверенного, независимого государства со всеми должными атрибутами: системой здравоохранения и общественной безопасности, социального обеспечения и школьного образования;

4. Ограниченность нации понимается Андерсоном как замкнутость общности в пределах государственных границ. Сложно сказать, где именно проходят воображаемые границы «Исламского государства»*. Скорее представляется возможным говорить не о постоянных физических границах, отвергаемых исламистами, а о находящихся в движении границах между «дар аль-ислам» и «дар аль-харб», а также о разграничении между исламом и состоянием джахилийи. Подобно пределам суверенных государств, граница между исламом и джахилией (а также между «землей ислама» и «землей войны») принципиаль-

но нерушима: она может сдвигаться в ту или иную сторону в географическом понимании, но всегда останется «та» и «эта» сторона.

Такое понимание джихадистской общности как воображаемого и конструируемого пропагандистскими изданиями сообщества заставляет нас обратиться к инструментам этого конструирования. Важнейшим средством создания образа единого крупного сообщества является апеллирование к историческим событиям и разделяемой всеми членами этого сообщества интерпретации данных событий. В частности, конструируемые джихадистской пропагандой исторические образы обнаруживают сходство с выделенным Э. Смитом компонентами этнического мифа (при этом ещё раз отметим, что суть «Исламского государства»* — построение глобального сообщества, основанного не на национальном принципе, но религиозной и историко-культурной общности; сходство с выделенными Э. Смитом компонентами этнического мифа объясняется лишь одинаковой целью, стоящим перед «Исламским государством»* и формирующимся этническим сообществом — создание единой гомогенной структуры).

Важнейшими структурными составляющими комплекса этнического мифа являются:

1. Миф о временных истоках, размещающий во времени какое-либо сообщество и определяющий его положение относительно других обществ;

2. Миф о местоположении и миграции. Подобно пространственному мифу, миф о местоположении задает географические координаты сообщества, которые служат для легитимации господства над конкретной территорией;

3. Миф о предках, прививающий чувство общей родословной и коллективной идентичности;

4. Миф о героической (и оставшейся в прошлом) эпохе излагает события «золотого века» и поведении праведных предков, которые представляют моральный образец для нынешних деградировавших потомков;

5. Миф об упадке сообщества, объясняющий причины падения и современного удручающего состояния сообщества;

6. Миф о восстановлении. Данный миф, в отличие от предыдущих, выполняет не познавательную, а предписывающую функцию, объясняя путь восстановления утраченного могущества [Smith, 1999].

Пять из шести компонентов, обозначенных Смитом, находят яркое выражение в материалах джихадистской пропаганды. Так, частая самоидентификация себя как салафитов («праведные предки», первые поколения мусульман) выполняет те же функции, что и миф об общей родословной. Дальнейшее исследование путём раскрытия каждого мифосимволического сюжета призвано раскрыть темпоральную схему джихадистской пропаганды, выявить её доминантные точки, оформляющие временные представления.

Миф о временных истоках и праведных предках

Э. Смит разводит две эти мифологические структуры, обозначая их различную функцию. В то время как миф о временных истоках призван обозначить место сообщества во временном континууме, миф о предках призван привить чувство общности и коллективной идентичности. Выше мы обозначали неполное наличие второй мифологемы в пропагандистско-мифологической системе джихадистов, однако необходимо сделать важное уточнение. Вместо прямой родственной связи, религиозное сознание предлагает общине чувство преемственности с предшествующими поколениями верующих. Образцом нравственной чистоты для исламской Уммы являются первые поколения мусульман (салафы), заставшие Пророка и начало распространения новой религии. Доскональное, буквальное подражание быту и обычаям мусульман VII в. составляет содержание особого «пуританского» течения ислама — салафизма, отвергающего в качестве бид'а (нововведений) небуквальную трактовку Корана и религиозно-бытовые новшества. В джихадистском представлении община духовных на-

следников героических предков-саяфов одновременно не претерпевает изменения на всём протяжении исторического времени, непоколебимо поддерживая нравственную чистоту своих предшественников в условиях нарастающего давления со стороны секулярного мира, и в то же время находится в состоянии деградации и упадка (узловая точка, фиксирующая момент перехода от идеализированной исламской уммы времён первых халифов к вырождению современного исламского социума, будет проанализирована нами далее). Образы прошлого, являясь структурными элементами коллективной идентичности, могут как служить легитимации существующего порядка, так и противопоставлять ему идеалы утраченных времён процветания, ушедшего «золотого века». В первом случае формируется позитивная социальная ориентация, основанная на подражании славным деяниям прошлого, во втором — негативная матрица восприятия настоящей действительности. Применительно к анализу исламистского дискурса, критическое отношение к реальности призвано мобилизовать реваншистские настроения «возрождения Уммы», восстановления утраченного величия исламской общины.

Справедливым будет утверждение о репрезентации двух исламских сообществ в джихадистской пропаганде. Первое, активно действующее, представляет собой общину сподвижников Мухаммада и её духовное продолжение — современных джихадистов; второе, представляемое как пассивное исламское большинство, является объектом приложения усилий со стороны первой группы, поскольку, сохраняя свою принадлежность к умме, оно находится под пагубным воздействием современного мира и нуждается в помощи со стороны активного меньшинства.

Мифологическая структура временных истоков социума призвана обозначить временные координаты сообщества, расположить его на темпоральной схеме по отношению к иным событиям или социумам. Пропаганда «Халифата»* при решении этой важной задачи столкнулась со значительной сложностью в виде принад-

лежности своих сторонников к различным культурам, отсутствию каких-либо общих временных представлений. С другой стороны, позиционирование себя как салафитского социума, прямого продолжения традиций и государственных институтов Праведного Халифата* сводит задачу построения мифа о праведных предках к трансляции на широкую аудиторию упрощённых представлений об исламской истории.

Безусловной доминантной фигурой в нарративе об истоках сообщества является пророк Мухаммад и его сподвижники. Следует обозначить особую важность данного периода для джихадистской пропаганды: именно ко временам Пророка возводятся подавляющее большинство легитимизирующих «Халифат»* аргументов, в обилии содержащихся в пропагандистских материалах. Обращением ко временам Мухаммада обосновываются не только образующие принципы «Халифата»*, но и его социальные практики: так, второй номер журнала «Исток» содержит обширную статью с обоснованием допустимости наложничества, обращаясь к примерам из жизни Пророка. В представлении авторов пропаганды провозглашение «Халифата»* является прямым продолжением государственной традиции Арабского халифата при игнорировании временного разрыва по отношению к Средневековью (единство Арабского халифата было фактически утрачено уже в IX в.; впоследствии титул халифа перешёл к османским султанам).

Представление о связи поколений наиболее ярко выражено во втором номере журнала «Исток». Приведём некоторые цитаты из своеобразного манифеста «Исламского государства»* — статьи под названием «Кто мы, откуда и куда идем»: «Мы — это знающие и помнящие о том, что мы являемся потомками мусульман, когда-то припеваючи живших в тени самой интернациональной и могущественной империи мира, называемой Халифат. Наши предки наслаждались справедливостью Законов Аллаха и безопасностью, предоставляемой халифом», «Мы — это внуки и правнуки тех самых мусульман, когда-то

живших в Халифате [...]»¹. Примечательно стремление авторов русскоязычного журнала к выстраиванию религиозной идентичности, игнорирующей реальные историко-территориальные условия. Неразрывная тенденция настаивать на правопреемственности халифату VIII в. проявляется и в постоянном уподоблении сторонников джихадистской организации сахабам — сподвижникам Мухаммада из числа первых мусульман.

Своеобразное отсутствие временной дистанции между периодом основания ислама и современностью, что является специфической чертой джихадистского понимания времени. Политические процессы современности не только уподобляются событиям прошлого, но и обозначаются как логичное продолжение процессов более чем тысячелетней давности. Правда, важным исключением всё же являются фигуры самого Пророка и его ближайших сподвижников — согласно хадису аль-Бухари, три первых поколения мусульман являются лучшими людьми в исламской общине. Подражание фигурам праведных предков одобрено и предписано, в то время как достижение той же степени праведности априори невозможно.

Кратко охарактеризовав мифологему «праведных предков», предпримем попытку поиска «точки начала», которая бы обозначила качественно новый этап в исламской истории в представлении джихадистской пропаганды. Журнал «Дабик» предлагает следующий иерархический порядок двух значимых событий: террористические акты 11 сентября и 1427 г. (2006), озаглавленный провозглашением ИГ* в Ираке². Последнее событие обозначено как самое памятное после атак 11 сентября. Возглавляемое Абу Мусабой аз-Заркави иракское отделение Аль-Каиды* обозначено в тексте журнала как «фундамент будущего халифата», руководство которого «не верило в пораженческие компро-

миссы и полагалось только на Аллаха, даже если это влекло за собой борьбу против всего лагеря куфра (неверия)». Таким образом, опыт иракского отделения Аль-Каиды* представлен как успешная борьба против американского присутствия и внутрииракских раздоров, достойный подражания несмотря на уже существующее ожесточенное противостояние между проектом Аль-Каиды* и «Исламского государства»* к моменту появления выпуска журнала.

Является ли провозглашение «Халифата»* Абу Бакром аль-Багдади узловой точкой джихадистского дискурса, разделяющего историю на две части? Безусловно, джихадистские издания придают этому событию большую значимость, однако оно не обладает таким же весом, как события ранней истории ислама. Успехи ИГ* в ходе 2014-2017 гг. скорее представлены как продолжение (и возрождение) истории победоносной исламской Уммы VII-IX вв. Таким образом, нам необходимо проанализировать следующую мифологему — миф о «золотом веке» и последовавшим за ним упадком исламского социума.

Миф о золотом веке / миф об упадке

В силу чуждости детальной исламской истории средневековой Аравии значительной части аудитории джихадистской пропаганды, мифологема золотого века занимает далеко не самое значимое место в джихадистском дискурсе. В обнаруженных нами материалах представления о временах процветания ислама существуют в самом простом виде, доступном массовой аудитории. Арабский халифат именуется «самой интернациональной и могущественной империей мира»³, которая гарантирует всем своим подданным мир и безопасность. Героический век связан в основном с военными победами мусульман. Битвы древности как бы предваряют, служат образцом для грядущих сражений

¹ Исток 2, Шавваль 1436 (Июль 2015). – 42 с.

² Дабик 12, Сафар 1437 (Ноябрь 2015). – 66 с.

³ Исток 2, Шавваль 1436 (Июль 2015). – 42 с.

с «крестоносцами». В числе наиболее значимых сражений (не заостряя внимание на битвах Пророка и сражениях за целостность созданного им Халифата) нами отмечено упоминание битвы при Ярмук (636 г., разгром византийской армии), завоевание Иберийского полуострова, битва за Фаллуджу (2004 г., Иракская война).

При этом миф о золотом веке исламской цивилизации находится в тесной связи с представлениями о причинах ее упадка. Последние нашли свое отражение в конспирологическом мифе, присущем джихадистской картине мира.

Мифологема глобального заговора

Мифологема всеобъемлющего заговора, направленного на ослабление мусульман, фиксирует темпоральную картину «Халифата»* и является её значимым элементом. Сюжет данного мифа достаточно прост. Согласно ему, в мире существует многовековой заговор ведущих держав, а также соперничающих религий, направленный против всей мусульманской уммы.

А.М. Прилуцкий выделяет следующие ключевые идеологемы конспирологического мифа:

1. Идеологема «тайного заговора могущественных сил»;
2. Идеологема «власти кукловодов»;
3. Идеологема «грандиозного обмана» [Прилуцкий 2016].

Для пропаганды исламистов более характерна идеологема «тайного заговора», который, однако, не сумел в полной мере подчинить мусульман. Так, исламская умма представлена в качестве ослабленной и находящейся в униженном состоянии, но всё же не подчинённой «тайным кукловодам». Для описания текущего положения масс мусульман популярна метафора сна. Наиболее показательно применение данной метафоры в своеобразном «гимне» джихадистов — нашиде «Звон мечей»: «Уммы львы проснулись, и мечи взмахнули, делаю

общину с каждым днем сильней»⁴. Пробуждение мусульман от многовекового сна происходит в мире, тайно подконтрольном ведущим западным державам, но сами мусульмане изначально занимают позицию, независимо противостоящую глобальному заговору. В представлении джихадистской пропаганды атимусульманский заговор осуществляется на протяжении всего времени существования ислама.

Силы заговорщиков представляются вездесущими. Так, Марку Сайксу, одному из создателей договора Сайкс-Пико, приписывается создание национальных флагов арабских государств — исключительно в целях разделения единого арабского мира. Соглашение 1916 г. видится авторам джихадистской пропаганды в качестве точки отсчёта, мифа поражения, который обозначил новую эру исламской истории. Фигурам заговорщиков, действующих исключительно из антиисламских побуждений, часто придаются соратники из числа мусульман — либо обманутых вражескими посулами, либо мотивированные личными интересами. Сюжетом, раскрывающим взаимодействие врагов ислама и самих мусульман, является история Великого арабского восстания 1916 г. Так, король Трансиордании (после оккупации в 1948 г. Западного берега р. Иордан — королевства Иордании) Абдалла ибн Хусейн представлен как послушная марионетка в руках заокеанских хозяев, ведущий борьбу ради создания «националистического «халифата», которым он будет править под руководством своих «новых хозяев-крестоносцев». Из данного сюжета выводится нелегитимность светского режима современной Иордании: «Аль-Хусейн и его сыновья тщательно выполняли приказы, предписанные им британскими крестоносцами, чтобы гарантировать их поддержку. В конце концов англичане назначили их королями над Сирией, Иорданией, Ираком и Хиджазом. Нынешний тагут Иордании является потомком этой же семьи»⁵.

⁴ Нашид «Скоро, очень скоро», фактически ставший русскоязычным гимном «Исламского государства»*

⁵ Дабик 12, Сафар 1437 (Ноябрь 2015). – 66 с.

Вмешательство недоброжелателей исходит не только из западных стран, сами мусульмане подчас становятся орудием заговора. Так, джихадистская пропаганда уделяет достаточно много внимания «заблудшим учёным» — исламским авторитетам, чьи высказывания не соответствуют исламистским догмам. Такие «заблудшие учёные» также позиционируются как «слуги тагута», по своей доброй воле или заблуждению реализующие интересы многовекового врага исламской уммы⁶.

Выделить в представлении джихадистов какую-либо конкретную точку невозврата, после прохождения которой начался упадок исламской уммы, довольно сложно. Очевидно противопоставление первых праведных халифов всему последующему периоду исламской истории. При этом «официальные» издания ИГ* практически игнорируют турецкий фактор исламской истории. Несмотря на то, что современная Турция однозначно представлена в образе врага, громадный пласт истории Ближнего Востока, связанный с проникновением турок в регион и борьбой арабских государств против османов, выпадает из темпоральной схемы, представленной в доступных нам источниках.

При рассмотрении мифологии героической эпохи и её окончания уместно обратиться к выделенным Я. Ассманом модальностям культурной памяти. Миф о миновавшем золотом веке Халифата можно обозначить как имеющий контрапрезентную модальность. Контрапрезентная мифомоторика сфокусирована на недостатках настоящего по контрасту с героическим прошлым [Ассман, 2004]. Если обосновывающая модальность культурной памяти показывает события настоящего в свете истории, демонстрируя тесную преемственность с прошлым и детерминированность современности, то контрапрезентная модальность создает временной разрыв с ушедшей в прошлое героической

эпохой, демонстрируя утраченные достоинства прошлого и недостатки настоящего. Отметим, что две модальности вполне могут сочетаться в едином нарративе: если сюжет о преемственности «Исламского государства»* арабскому государству первых четырёх халифов (т.н. «Праведному халифату») обладает однозначно обосновывающей модальностью, то заострение внимания аудитории на победах славного прошлого и «порабощенном» состоянии Уммы настоящего следует обозначить как имеющий контрапрезентную модальность.

Во многом аналогичным примером исследования мифа об ушедшей в прошлое в результате заговоров героической эпохе исламского мира является миф о закате польской государственности, исследованный А.Г. Васильевым [Политика памяти в..., 2012: 215-248]. В обоих случаях перед нами предстаёт миф об утраченной золотой эпохе, прекращение которой нуждается в объяснении. Польская национальная историческая мысль XIX в., развивавшаяся в условиях отсутствия государственности, во многом оперирует теми же категориями самого развитого государства своего времени, которое пало в результате заговора могущественных соседей. Нельзя не отметить и схожие условия развития представлений о прошлом: историческая травма утраты государственности (разделы Польши и фактическое подчинение исламского мира западным державам), наличие в прошлом мощного государства (претендующей на построение империи Речи Посполитой и огромного Арабского халифата).

В крайних случаях контрапрезентный миф обретает черты революционного и мессианского: прошлое перестаёт быть достойным сожаления утраченным наследием, но становится достижимым идеалом общественного устройства. Данное стремление соответствует выделенной Э. Смитом мифологии восстановления общества после периода упадка.

⁶ Исток 4, Раджаб 1437 (Апрель 2016). – 44 с.

Миф о восстановлении

Радикальные исламисты, в попытке реанимации мусульманской империи Средневековья, на первый взгляд стремятся к созданию закольцованной темпоральной схемы, где универсальная исламская империя станет вневременной формой социо-политического устройства. Однако религиозный компонент, лежащий в основе идеологических представлений джихадистов, заставляет нас скорректировать данное представление.

Священные Писания иудаизма, христианства и ислама чётко обозначают линейную структуру времени, фиксируя начало темпоральности (сотворение мира) и её неминуемое окончание (конец света). В основу представлений джихадистов о конечной точке временной линии положены эсхатологические представления Корана (Аль-Араф, 187, Ан-Назиат, 35), которые дополнены пророчеством об апокалиптической битве при Дабике. Город Дабик, послуживший названием для первого периодического издания исламистов, располагается на севере Сирии. Эсхатологические представления исламистов заключаются во втором пришествии пророка Исы (Иисуса), который вблизи Дабика поведёт праведных мусульман в бой против Даджала (Антихриста), а также «его последователей, проклятых евреев, которые предали и даже убивали пророков Аллаха»⁷.

Битва при Дабике служит «спусковым крючком» грядущего Армагеддона, нажать на который призваны сами исламисты. Сакральное значение Дабика открывает перед нами ещё одну грань исламистской агитации и выявляет цели, которые ставят перед собой сами джихадисты. Высшей точкой жизни типичного муджахида, фигурирующих на страницах изданий, является смерть в бою. Высшей точкой развития Халифата — апокалиптическая битва при Дабике, которая обозначит конец света. Стратегической целью исламистов яв-

ляются вовсе не военные и гражданские объекты противников и даже не установление всемирного Халифата — конечной, не декларируемой открыто целью усилий джихадистов является приближение апокалипсиса, а не построение истинного исламского общества.

Движение ИГ* по оси времени происходит не из прошлого в будущее, а по странной, с трудом поддающейся обозначению, траектории. Джихадистская пропаганда практически не делает разницы между Халифатом VII в. и выстраиваемым джихадистским «государством» современности: на значительном временном отрезке между распадом единого Арабского халифата и провозглашением террористического «Халифата»* расположены лишь несколько событий, практически никак не связанных с доминирующим «западным» пониманием исторического процесса. Грань между прошлым и настоящим оказывается стёрта, как и несколько веков развития мусульманского мира Средневековья и Нового времени. Реализация пророчества о битве при Дабике — *события будущего*, происходит в неразрывной связи с настоящим — появление представителей западной коалиции вблизи Дабика сопровождалось восторгами джихадистской пропаганды и предвкушением исполнения пророчества, ожиданием последней битвы. Находящееся в пространстве сакрального времени событие будущего (апокалиптическая битва при Дабике) представлена в джихадистском дискурсе возможным для осуществления событием.

При взгляде на составляющие темпоральной схемы возникает странная картина взаимодействия архаично-модерного «Халифата»* и столь же архаичного предсказания, описывающего события незафиксированного во времени будущего. Достижение момента окончания временной линии становится прямым последствием проводимых джихадистами военных операций.

⁷ Дабик 5, Мухаррам 1436 (Октябрь 2014). — 40 с.

В классификации, предложенной Э. Смитом, данное пророчество может идентифицироваться в качестве своеобразного «мифа восстановления». Отметим парадоксальность данной мифологии применительно к «официальному» измерению джихадистской пропаганды: конечной точкой усилий всех джихадистов является вовсе не построение благополучного исламского общества в соответствии с кораническими установками, но эсхатологическое сражение. Однако необходимо сделать важное уточнение: данная мифология, хоть и присутствует в периодических изданиях джихадистов, представляется нам довольно сложной для восприятия и разделения со стороны основной массы сторонников данной организации. Так, обнаруженные нами русскоязычные материалы «стихийной» (исходящей не от медиааппарата «Исламского государства»*, а от многочисленных сторонников джихадистов) пропаганды не содержат данного эсхатологического сюжета. Значительная же часть материалов с футурологическим компонентом, исходящая от «официальных» структур джихадистов, концентрирует внимание на продолжении перманентной войны против мира неверия, обозначая Халифат вневременным исламским государством.

В связи с утратой возможности ИГ* не только вести боевые действия вблизи Дабика, но и способности к осуществлению полноценных военных операций, в насто-

ящее время не представляется возможным провести более точный анализ эсхатологического мифа о Дабике и его места в темпоральной картине джихадистов.

Таким образом, темпоральные представления современного джихадизма представляют собой многоплановое дискретное повествование, составные части которого находятся в сложном соотноении друг с другом. При этом сами сюжеты, положенные в основу исторического нарратива, сводятся к набору простых декларируемых истин о «пробуждении уммы» и возрождении Халифата. Простота освоения данных сюжетов, доступность их для понимания в значительной степени унифицирует идеологические и исторические представления сторонников джихадизма, задаёт чёткую интерпретационную модель происходящих событий: так, современный конфликт с участием исследуемой организации мыслится как продолжение победоносных завоеваний времён раннего ислама. Редуцирование многообразия исторического процесса к набору идеологически заряженных сюжетов придаёт джихадистскому нарративу необходимую жёсткость и устойчивость, что является крайне важным в условиях мозаичного социокультурного базиса сторонников джихадистов.

* Организация запрещена на территории Российской Федерации.

Список литературы:

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. — Москва: Кучково поле, 2016. — 416 с.
- Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и полит. идентичность в высоких культурах древности. — Москва: Яз. слав. культуры, 2004. — 363 с.
- Горюшина Е.М. Непримиримые нарративы "о другом": изучение памяти о вооруженном конфликте в Чечне // *Ideology and Politics Journal*. — 2020. — № 2. — С. 279-302. <https://doi.org/10.36169/2227-6068.2020.01.00022>
- Горюшина Е.М. Эхо непреодолимых последствий событий в Чечне 1994-1996 гг. и 1999-2000 гг.: конфликт и нивелирование памяти // *Новое прошлое*. — 2018. — № 2. — С. 146-166. <https://doi.org/10.23683/2500-3224-2018-2-146-166>
- Добаев И.П. Северный Кавказ: процесс «растекания джихада» // *Россия и мусульманский мир*. — 2009. — №9. С. — 50-61.

- Звягельская И.Д., Кузнецов В.А. Государство на Ближнем Востоке будущее началось вчера // Международные процессы. — 2017. — Т. 15, № 4. — С. 6-19. <https://doi.org/10.17994/IT.2017.15.4.51.1>
- История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. — Москва: Круг, 2006. — 763 с.
- Кризисы переломных эпох в исторической памяти / под ред. Л.П. Репиной. — Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2012. — 336 с.
- Кузнецов В.А. Написать мир: структуризация прошлого в ранней арабо-мусульманской историографии // Диалог со временем. — 2007. — № 21. — С. 52-85.
- Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / Под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. — Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2020. — 632 с.
- Прилуцкий А.М. Семиотическое пространство конспирологического нарратива и мифа // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2016. — Т. 17, № 3. — С. 264-270.
- Репина Л.П. Память и знание о прошлом в структуре идентичности мифа // Диалог со временем. — 2007. — № 21. — С. 5-21.
- Румянцева М.Ф. «Места памяти» в структуре национально-исторического мифа // Диалог со временем. — 2007. — № 21. — С. 106-118
- Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте: Этнография чеченской войны. — Москва: Наука, 2001. — 552 с.
- Урушадзе А.Т. А. П. Ермолов в мемориальном пространстве Юга России: конфликты исторических интерпретаций // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. — Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2021. — С. 164-176.
- Урушадзе А.Т. Память полураспада: Кавказская война в этнических коммеморациях и большом нарративе // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. — Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2020. — С. 250-278.
- Sachs J. Winning the Story Wars: Why Those Who Tell (and Live) the Best Stories Will Rule the Future. — Boston: Harvard Business Press, 2012. — 276 p.
- Smith A.D. Myths and Memories of the Nation. — Oxford: Oxford University Press, 1999. — 288 p.

References:

- Anderson, B. (1983) *Imagined communities : reflections on the origin and spread of nationalism*. London; New York: Verso. (Russ. ed.: (2001) *Vobrazhaemye soobscstva : razmysleniya ob istokach i rasprostraneniі nacionalizma*. Moscow: KANON-Press-C Publ.).
- Assmann, J. (1992) *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. München: Beck. (Russ. ed.: (2004) *Kul'turnaja pamjat': Pys'mo y pamjat' o proshlom y politycheskaja ydentychnost' v vyysokyh kul'turah drevnosty*. Moscow: Jazyky slavyanskoy kul'tury)
- Dobaev, I. P. (2009) 'Severnnyy Kavkaz: protsess «rastekaniya dzhikhada» [North Caucasus: the process of "spreading jihad"]', *Rossia i musul'manskij mir*, (9), pp. 50–61. (In Russian).
- Goryushina, E. M. (2018) 'Echo of the Insurmountable Consequences of the Events in Chechnya in 1994-1996 and 1999-2000: Conflict and Leveling of Memory', *The New past*, (2), pp. 146–166. (In Russian). <https://doi.org/10.23683/2500-3224-2018-2-146-166>
- Goryushina, E. M. (2020) 'Irreconcilable Narratives about "the Other": Memory Research of the Armed Conflict in Chechnya', *The Ideology and politics journal*, (2), pp. 279–302. (In Russian). <https://doi.org/10.36169/2227-6068.2020.01.00022>
- Kuznetsov, V. A. (2007) 'To write the world: structuring the past in the early Arab historiography', *Dialog so Vremenem*, (21), pp. 52–85. (In Russian).
- Miller, A. I. and Efremenko, D. V (eds) (2020) *The Politics of Memory in Contemporary Russia and in Countries of Eastern Europe*. Saint Petersburg: EUSP Press. (In Russian).
- Prilutskii, A. M. (2016) 'Semiotic Features of Conspiracy Narrative and Conspiracy Myth', *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii*, 17(3), pp. 264–270. (In Russian).

- Repina, L. P. (2007) 'Memory and knowledge of the past Within the structure of identity', *Dialog so Vremenem*, (21), pp. 5–21. (In Russian).
- Repina, L. P. (ed.) (2012) *Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoy pamyati [Crises of turning points in historical memory]*. Moscow: Institute of World History Russian Academy of Science. (In Russian).
- Repina, L. P. (ed.) (2006) *History and Memory: Historical Culture of Europe before the Modern Age*. Moscow: Krugh Publ. (In Russian).
- Rumyantseva, M. F. (2007) "'Places of memory" in the structure of national historical myth', *Dialog so Vremenem*, (21), pp. 106–118. (In Russian).
- Sachs, J. (2012) *Winning the Story Wars: Why Those Who Tell (and Live) the Best Stories Will Rule the Future*. Boston: Harvard Business Press.
- Smith, A. D. (1999) *Myths and Memories of the Nation*. Oxford: Oxford University Press.
- Tishkov, V. A. (2001) *Obshchestvo v vooruzhennom konflikte: Etnografiya chechenskoy voyny [Society in Armed Conflict: Ethnography of the Chechen War]*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Urushadze, A. T. (2020) 'Pamyat' poluraspada: Kavkazskaya voyna v etnicheskikh kommémoratsiyakh i bol'shom narrative [Half-Life Memory: The Caucasian War in Ethnic Commemorations and Grand Narrative]', in *The Politics of Memory in Contemporary Russia and in Countries of Eastern Europe*. Saint Petersburg: EUSP Press, pp. 250–278. (In Russian).
- Urushadze, A. T. (2021) 'A. P. Yermolov v memorial'nom prostranstve Yuga Rossii: konflikty istoricheskikh interpretatsiy [A.P. Ermolov in the memorial space of the South of Russia: conflicts of historical interpretations]', in *Simvolicheskiye aspekty politiki pamyati v sovremennoy Rossii i Vostochnoy Yevrope [Symbolic aspects of the politics of memory in modern Russia and Eastern Europe]*. Saint Petersburg: EUSP Press, pp. 164–176. (In Russian).
- Zvyagelskaya, I. and Kuznetsov, V. (2017) 'Statehood in the Middle East', *International Trends / Mezhdunarodnye protsessy*, 15(4), pp. 6–19. (In Russian). <https://doi.org/10.17994/IT.2017.15.4.51.1>

Информация об авторе

Андрей Русланович Сулейменов — преподаватель кафедры восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 603950, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д.23. (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Andrey R. Suleimenov — Lecturer at the Department of Oriental Languages and Cultural Linguistics of the Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 23, Gagarin avenue, Nizhni Novgorod, 603600 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 14.06.2022; одобрена после рецензирования 17.08.2022; принята к публикации 15.09.2022.

The article was submitted 14.06.2022; approved after reviewing 17.08.2022; accepted for publication 15.09.2022.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЮНЕСКО ПО ОХРАНЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЧАСТИЧНО ПРИЗНАННЫХ И НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ

Алана Ахсаровна Кочиева

МГИМО МИД России, Москва, Россия

kochieva.a.a@my.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4338-3593>

Аннотация. ЮНЕСКО является ведущей организацией системы ООН по развитию международного гуманитарного сотрудничества. Организация обладает уникальной институциональной возможностью осуществления профильной деятельности в отношении государств со спорным суверенитетом. Однако на сегодняшний день сохраняется проблема недостаточной представленности организации в непризнанных и частично признанных государствах. Актуальность данного исследования заключается в отсутствии работ, системно анализирующих проблемы, с которыми сталкивается ЮНЕСКО в государствах, имеющих статус непризнанных. Предметом изучения является политика ЮНЕСКО по охране культурного и природного наследия на спорных территориях. В статье использован метод кейс-стади, для анализа отобраны случаи непризнанных государств, обладающих богатым материальным и нематериальным культурным наследием — Косово, Тайвань, Нагорного Карабаха, Палестины, Абхазии и Южной Осетии. В каждом случае в исторической перспективе рассмотрены эпизоды взаимодействия или попытки сотрудничества руководства вышеупомянутых стран с ЮНЕСКО. Новизна исследования состоит прежде всего в выявлении реальных преград, которые ЮНЕСКО встречает на пути работы соответствующих миссий по охране культурного наследия, и разработки стратегий охраны культурного наследия в каждом из вышеперечисленных случаев, — всё это необходимо для совершенствования конвенционных механизмов¹ работы организации. В результате проведённого исследования обоснован вывод о том, что одним из наиболее значимых факторов, способствующих либо блокирующих деятельность ЮНЕСКО в отношении каждого

¹ Конвенционные механизмы — механизмы, основанные на Конвенциях, ратифицированных странами-членами ЮНЕСКО.

из непризнанных или частично признанных государств, является международный контекст. В процессе реализации своей деятельности в условиях острых коллизий, ЮНЕСКО сталкивается с препятствиями в виде политизации вопроса сохранения и принадлежности объектов культурного наследия. В то же время, ЮНЕСКО предоставляет чрезвычайно конструктивный трамплин, который способствует налаживанию взаимодействия в области сохранения культурного наследия этих территорий на основе общих гуманистических ценностей.

Ключевые слова: всемирное наследие, культурное наследие, нематериальное наследие, ЮНЕСКО, охрана наследия, гуманитарное сотрудничество, частично признанные государства, непризнанные государства

Для цитирования: Кочиева А.А. Деятельность ЮНЕСКО по охране культурного наследия на территории частично признанных и непризнанных государств // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 3. — С. 50–67. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-50-67>

Research article

UNESCO ACTIVITIES FOR THE PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE IN THE TERRITORY OF PARTIALLY RECOGNIZED AND UNRECOGNIZED STATES

Alana A. Kochieva

MGIMO University, Moscow, Russia
kochieva.a.a@my.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4338-3593>

Abstract. UNESCO is the leading international organization of the UN system for the development of international humanitarian cooperation and the protection of historical and cultural heritage throughout the world. The organization has a unique institutional capacity to carry out core activities in relation to disputed states. However, today the problem of insufficient representation of the organization in unrecognized and partially recognized states remains. The relevance of this study lies in the absence of works that systematically analyze the problems that UNESCO faces in countries that have the status of unrecognized states. The subject of the work is the UNESCO's policy for the protection of cultural and natural heritage in the disputed territories. In each case, episodes of interaction or attempts of cooperation between the leadership of the above-mentioned countries with UNESCO are considered from a historical perspective. The article uses the case study method, for the analysis the cases of unrecognized states with a rich tangible and intangible cultural heritage — Kosovo, Taiwan, Nagorno-Karabakh, Palestine, Abkhazia and South Ossetia — were selected. In each case, episodes of interaction or attempts of cooperation between the leadership of the above-mentioned countries with UNESCO are considered in a historical perspective. The novelty of the study lies primarily in the identification of obstacles UNESCO missions face and in the adjustment and improvement of conventional mechanisms and methods for the harmonious coexistence of different cultures, in the development of strategies and canons for the protection of cultural heritage in each of the cases mentioned above. The author comes to the conclusion that one of the most significant factors is the international context in which UNESCO's work is carried out in relation to each of the unrecognized and partially recognized states. In the process of implementing its activities in the context of acute collisions, UNESCO faces obstacles in the form of politicization of the issue of pres-

ervation and ownership of cultural heritage sites. At the same time, UNESCO provides an extremely constructive platform that contributes to the establishment of cooperation in the field of preserving the cultural heritage of these territories based on common humanistic values.

Keywords: world heritage, cultural heritage, intangible heritage, UNESCO, heritage conservation, humanitarian cooperation, partially recognized states, unrecognized states

For citation: Kochieva, A. A. (2022) 'UNESCO Activities for the Protection of Cultural Heritage in the Territory of Partially Recognized and Unrecognized States', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(3), pp. 50–67. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-50-67>

Культурно-гуманитарное сотрудничество и вопросы сохранения всемирного наследия являются важной составляющей международных отношений. В современном мире данная проблема стоит особенно остро, так как под влиянием феномена глобализации и повсеместного распространения стандартов западной массовой культуры традиционные культурные нормы и ценности подвергаются эрозии, что в конечном счёте приводит к формированию унифицированного облика планеты [Скачков, 2007: 31]. Кроме того, вследствие процессов глобализации, культура стала не только проводником национальных политических интересов, но и важной сферой международного сотрудничества [Головина, Савина, 2014: 162]. Современные международные отношения невозможно представить без реализации культурных программ. Экспертное сообщество справедливо относит культуру к смыслообразующей сфере цивилизации, объединяющей её пространства и времена². Согласно классикам культурологии академику Д.С. Лихачеву, культура — условие

продолжения осмысленной жизни и ключевая ценность существования не только отдельных народов и малых этносов, но и государств [Запесоцкий, 2012: 20]. Это подтверждается и основополагающими международными документами, в частности, Всеобщей декларацией ЮНЕСКО о культурном разнообразии³, Декларацией и Программой действий ООН в области культуры мира⁴, Декларацией по укреплению действий ЮНЕСКО по защите культуры и поощрению культурного плюрализма в случае вооружённого конфликта⁵.

В данном контексте культурное наследие занимает особое место, ведь именно оно является материальным воплощением деятельности человека, отражает особенности уклада жизни народов, даёт возможность передачи знаний о культуре из поколения в поколение, а кроме того, способствует обмену опытом между представителями разных культур и цивилизаций.

Культурологи часто отмечают, что именно культурные достижения, прежде всего искусство и наука, находятся выше национальных границ и барьеров, являясь

² Очирова А. «Сбережение человечества» как цивилизация смысла // Александра Очирова, Посол доброй воли ЮНЕСКО. — 2020. — 15 апр. — URL: <http://ochirova.com/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B8/>

³ Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии: Принята 2 ноября 2001 года Генеральной конференцией Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры // Организация Объединённых наций. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml

⁴ Декларация и Программа действий в области культуры мира: Принята резолюцией 53/243 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 1999 года // Организация Объединённых Наций. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/culture_of_peace.shtml

⁵ Укрепление деятельности ЮНЕСКО по защите культуры и поощрению культурного плюрализма в случае вооружённого конфликта: ЮНЕСКО. Исполнительный совет, 197th, 2015. (197 EX/10) // Цифровая библиотека ЮНЕСКО. Исполнительный совет, 197th, 2015. — URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000234209_rus

благодатной почвой для эффективного межкультурного сотрудничества⁶.

В связи с высокой значимостью взаимодействия в сфере культуры, которое является важным фактором нахождения точек соприкосновения даже в условиях обострений политических противоречий и конфликтов, закономерно наличие институтов, чья деятельность направлена на реализацию программ в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества. Особое место среди них занимает ЮНЕСКО — специализированное учреждение ООН, основу деятельности которого составляет развитие культурно-гуманитарного сотрудничества, включая сохранение природного и культурного наследия.

По состоянию на 2021 г. в списке Всемирного наследия ЮНЕСКО находилось 1154 объекта, 897 из которых являются культурными (созданными человеком), 218 природными и 39 смешанными. Организация приводит именно такие цифры, отмечая, что все эти объекты расположены на территории 167 стран-членов Конвенции ЮНЕСКО об охране природного и культурного наследия⁷. ЮНЕСКО неоднократно подчёркивала актуальность сохранения исторических ансамблей, поскольку они обеспечивают живое присутствие прошлого, а их разрушение приводит к социальным трениям и экономическим потерям [Соколова, 2013: 390]. Важность деятельности по сохранению культурного наследия неоднократно подчёркивается представителями организации при осуществлении программ организации на территории стран-членов и государств, не входящих в состав ЮНЕСКО.

На сегодняшний день организация насчитывает 193 государства-члена и 12 ассоциированных членов⁸ — территорий, согласно уставу ЮНЕСКО, не несущих ответственности за внешнюю политику. Согласно нормативным документам, к ЮНЕСКО может присоединиться любое государство-член ООН, а по приглашению Исполнительного совета членами организации могут стать и государства, не входящие в ООН⁹. Таким образом, справедливо заметить, что ЮНЕСКО обладает широкими возможностями присутствия в различных точках земного шара. Реализация культурно-гуманитарного сотрудничества и программ по линии ЮНЕСКО на территориях, статус которых может быть не до конца определён с точки зрения международного права, не противоречит его нормам. В частности, известно, что программы ЮНЕСКО реализуются и на спорных территориях, а также в непризнанных и частично признанных государствах. Например, известно об инициативе ЮНЕСКО в реализации программ по защите историко-культурного наследия на территории Косово¹⁰, Нагорного Карабаха¹¹ или членстве Государства Палестина в организации¹². Однако *при формально широких возможностях ЮНЕСКО присутствовать на территории непризнанных и частично признанных государств сохраняется проблема недопредставленности организации*, даже в случае нахождения на ней объектов культурного наследия, представляющих высокую ценность для человечества. Известно о сложностях (в виду наличия у ЮНЕСКО конвенционных механизмов) включения в Список всемирного наследия объектов, располо-

⁶ Перспективы цивилизации. Философские проблемы: учебное пособие / под ред. А.В. Шестопала, Г.Ф. Хрустова; МГИМО МИД России, каф. философии. — М.: МГИМО-Университет, 2009. — 587 с.

⁷ World Heritage List // UNESCO. — URL: <https://whc.unesco.org/en/list/>

⁸ Member States List // UNESCO. — URL: <https://en.unesco.org/countries/%D0%BA>

⁹ Основные документы, Издание 2022 года, включающее тексты документов и изменения, принятые Генеральной конференцией на ее 41-й сессии (Париж, 9-24 ноября 2021 г.) // Цифровая библиотека ЮНЕСКО. — URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380873_rus

¹⁰ Cultural heritage in South-East Europe: Kosovo // Цифровая библиотека ЮНЕСКО, 2003. — URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000134426>

¹¹ Амелан Р. Миссия ЮНЕСКО в Нагорном Карабахе и вокруг ее территории: ответ Азербайджана ожидается без промедления // ЮНЕСКО. — 2020. — 21 дек. — URL: <https://ru.unesco.org/news/missiya-yunesko-v-nagornom-karabahe-i-vokrug-ego-territorii-otvet-azerbaydzhana-ozhidaetsya-bez>

¹² Арсанова Т.Е. Роль ЮНЕСКО на Ближнем Востоке в современных политических условиях: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.04. — Москва, 2021. — 204 с.

женных на территории Абхазии, Южной Осетии, а также трудностях Китайской Республики (Тайвань) при вступлении в ряды организации¹³. Таким образом, при рассмотрении деятельности организации возникает вопрос, ставший главным исследовательским вопросом данной статьи: *какие факторы определяют возможности осуществления деятельности ЮНЕСКО по реализации программ и сохранению культурного и природного наследия на территории непризнанных и частично признанных государств?*

Цель исследования состоит в выявлении основных факторов, влияющих на принятие ЮНЕСКО решения о реализации программ или осуществлении профильной деятельности на территории непризнанных и частично признанных государств.

Для анализа взяты случаи взаимодействия ЮНЕСКО с такими непризнанными и частично признанными государствами как Абхазия, Китайская Республика (Тайвань), Косово, Нагорный Карабах, Палестина и Южная Осетия. В рамках исследования рассматривается история взаимодействия государства с ЮНЕСКО, заявленная официальными представителями организации мотивация для осуществления деятельности или отказа, выступления официальных лиц и другие открытые источники.

В процессе исследования проверялась следующая гипотеза: *при осуществлении деятельности на территории непризнанных и частично признанных государств ЮНЕСКО стремится свести к минимуму возможные противоречия, связанные с интересами и политической волей других государств-членов, в связи с чем вынужденно воздерживается от начала миссий на тех территориях, где потенциально могут возникнуть подобные противоречия.*

Теоретико-методологические основы исследования

Культурное сотрудничество является широким понятием, однако оно подразумевает установление определённых отношений между государствами, традиционно уделяющими много внимания вопросам культурного сотрудничества [Боголюбова, Николаева, 2012: 91]. Взаимодействие осуществляется на разных уровнях. Это и развитие программы обмена студентами и преподавателями учебных заведений, и совместная деятельность этнокультурных групп, имеющих трансграничный масштаб, и создание организаций разного уровня [Боголюбова, Николаева, 2012: 91]. Внешняя политика практически всех государств включает в себя международное культурное сотрудничество [Гавров, Востряков, 2018]. Таким образом государства находят пути для диалога даже в тех случаях, когда другие возможности остаются заблокированными. Поэтому разрушение культурных связей, невозможность их продолжения по тем или иным причинам, вызывает обоснованное беспокойство. Отказ от лежащий в основе пластичности культурного сотрудничества тезис «культура выше политики» приводит к разного рода взаимным «отменам» и отказу от продолжения диалога. В свою очередь, полный долговременный разрыв в системе международного взаимодействия между его контрагентами может нанести серьёзный вред не только им самим, но отрицательно сказаться на развитии всего человечества¹⁴. С учётом сказанного, международное культурное сотрудничество можно определить, как *взаимодействие, осуществляемое участниками международной политики на основе существующих связей в культур-*

¹³ Джопуа Р. Кобахия: ЮНЕСКО не рассматривает объекты в непризнанных государствах // Спутник Абхазия. — 2016. — 17 авг. — URL: <https://sputnik-abkhazia.ru/20160817/1019346821.html>

¹⁴ Перспективы цивилизации. Философские проблемы: учебное пособие / под ред. А.В. Шестопала, Г.Ф. Хрустова; МГИМО МИД России, каф. философии. — М.: МГИМО-Университет, 2009. — 587 с.

но-гуманитарной сфере или направленное на установление новых отношений. Таким образом, сотрудничество в области охраны культурного наследия является частным случаем международного культурного сотрудничества.

Определяя культурное наследие, стоит отметить, что в целом существуют трудности с концептуализацией данного понятия. При исследовании феномена культурного наследия специалисты часто опираются как на официальные определения, приведённые в документах международных организаций и нормативных актах различных государств, так и на авторские концепции. Согласно Конвенции ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г., под культурным и природным наследием понимаются памятники и достопримечательные места, имеющие выдающуюся универсальную ценность¹⁵. Для формальных понятий общими являются такие смысловые единицы, как «явление духовной жизни, быта и уклада», «преемственность», «рукотворность и созданность человеком», «отражение этапов развития общества», «материальные и духовные ценности» [Курьянова, 2019]. Что касается авторских концепций, то с методологической точки зрения они представляют даже больший интерес. В частности, Ю.А. Веденин определяет культурное наследие как «систему материальных и интеллектуально-духовных ценностей, созданных и сбережённых предыдущими поколениями и представляющих исключительную важность для сохранения культурного и природного генофонда Земли и для её дальнейшего развития» [Веденин, Кулешова, 2004: 13]. Не менее интересна концепция Э. Баллера, где культурное наследие определяется как «совокупность доставшихся человечеству от прошлых

эпох ценностей, критически осваиваемых, развиваемых и используемых в соответствии с конкретно-историческими задачами современности и объективными критериями общественного прогресса» [Баллер, 1987]. Внимание заслуживает и концепция Хоруженко, где культурно-историческое наследие определяется как одна из форм закрепления и передачи духовного опыта человечества¹⁶. Объединяя вышесказанное, нужно отметить, что во всех случаях определения культурного наследия подчёркиваются его главные особенности — обеспечение преемственности поколений, его высокая ценность и отражение духовной жизни определённого общества на всех этапах его развития. Похожие особенности выделялись и в более поздних документах ЮНЕСКО. Кроме того, в результате работы ряда конференций и сессий (1992, 2001, 2002, 2003) организацией было предложено разделение культурного наследия на материальное и нематериальное [Галкова, 2011: 112].

Поскольку статья посвящена деятельности ЮНЕСКО на ряде территорий, имеет смысл обратиться к теоретическим положениям о природе и особенности международных организаций. Для этого требуется рассмотреть теоретические положения структурного реализма, согласно которым учреждения на международной арене, имеющие в том числе институциональное выражение, создаются государствами для совместного решения задач, при которых необходим определённый уровень кооперации и международных усилий¹⁷. Впрочем, существует ряд ограничений деятельности таких институтов. Прежде всего следует отметить, что те из них, которые были формально созданы для достижения общего интереса, на практике обычно работают на интересы учредивших их го-

¹⁵ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия // UNESCO. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml

¹⁶ Хоруженко К.М. Культурология: Энциклопедический словарь. — Ростов н/Д: Феникс, 1997. — С. 640.

¹⁷ Межгосударственные (межправительственные) организации — стабильные объединения государств, основанные на договорах, обладают согласованной компетенцией и постоянными органами. Неправительственные организации являются либо исключительно неправительственными, либо включают в свой состав правительственные структуры, общественные организации и индивидуальных членов.

сударств. Возможности организаций ограничиваются сохраняющимся недоверием среди стран, а возможности каждого государства определяют их место в институте [Waltz, 2010:102–104]. Можно спроецировать эти соображения и на проблему мотивации стран при создании институтов, направленных на развитие культурного сотрудничества. Во-первых, они позволяют более эффективно проводить культурный обмен, а во-вторых, предоставляют площадку для межгосударственного взаимодействия, которое может осуществляться даже в случае обострений отношений и конфликтных ситуаций.

Наконец, следует обратиться к особенностям непризнанных и частично признанных государств. Непризнание де-юре со стороны большинства членов ООН не означает несуществования государства ни де-факто, ни даже с юридической стороны [Цвицинская, 2014: 148]. Кроме того, необходимо отметить, что признание — это во многом не просто юридическая процедура, а ещё и политический обычай¹⁸. Непризнанным считается государство, которое лишено международного дипломатического признания; частично признанным, в свою очередь, является политическое образование, имеющее признание со стороны как минимум одного из государств-членов ООН (в данной статье понятием «непризнанное государство» объединяются как непризнанные, так и частично признанные государства [Маркедонов, 2012]). Итак, по большей части признание является актом придания государству международной легитимности. С другой стороны, демонстративное непризнание может объясняться не только несоответствием формальным критериям, но и политическими причинами, что приводит к политике двойных стандартов в отношении таких государств [Буханова, 2011: 69]. Часто непризнание и отказ от сотрудничества с такими странами происходит по причине необходимости сохранения связей с государством, пре-

тендующим на территорию этих стран, нежеланием провоцировать внутренние конфликты и ирредентистские настроения или ещё более крупными процессами геополитического противостояния. Отдельно следует заметить, что международные организации порой предоставляют единственную формальную возможность для непризнанных государств взаимодействовать с мировым сообществом. По этой причине становится понятным стремление этих стран к использованию ресурсов международных площадок. Завершая краткий очерк основных положений о непризнанных государствах, необходимо выделить и такую особенность: формирование и развитие государственности часто происходит в условиях острого межнационального, межрелигиозного, этнолингвистического или политического конфликта, территории таких стран могут являться зоной замороженного конфликта с высокой вероятностью его обострения [Николаев, 2010: 30]. Постоянные притязания на территорию непризнанных государств и условия конфликта, активного или замороженного, только усиливают для народов этих стран необходимость развивать и подчёркивать культурную идентичность. В этом смысле становится понятным стремление их руководства к участию в культурно-гуманитарных программах, в том числе по линии международных организаций, таких как ЮНЕСКО.

Деятельность ЮНЕСКО даёт возможность поддерживать разнообразие мировой культуры, гарантировать право на существование множества национальных культур [Федотова, 2016: 24]. Развитие гуманитарно-культурных программ позволяют политиям сохранить свою идентичность, традиционный уклад, остаться на виду у международного сообщества, признающего культуру и культурное наследие как универсальную ценность, находящуюся выше политики и политических коллизий.

¹⁸ Гасымов Ф.Р. Признание государств и правительств, современная международно-правовая теория и практика: диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.10. — Казань, 2005. С. 3.

Исследование основывается на методе кейс-стади, который позволяет подробно изучить отобранные случаи, выявить особенности, позволяющие дать наиболее полный ответ на исследовательский вопрос [Gomm, Hammersley, Foster, 2000: 4]. Отобраны случаи непризнанных государств, делавших попытки установить взаимоотношения с ЮНЕСКО и добиться реализации её программ на своей территории. Некоторые страны достигли успеха в проведении мероприятий ЮНЕСКО, другие на данный момент не смогли их осуществить, что и легло в основу исследовательской проблемы статьи. Отобраны случаи Южной Осетии и Абхазии, так и не установивших эффективного взаимодействия с организацией; Нагорного Карабаха, где ожидаемое осуществление программ явилось инициативой самого ЮНЕСКО; Тайваня, не добившегося принятия в члены организации; а также Косово и Палестины, на территории которых успешно реализуются программы ЮНЕСКО. После рассмотрения каждого случая приведён сравнительный анализ по следующим критериям:

- Наличие исторического наследия на территории;
- Форма взаимодействия с ЮНЕСКО;
- Заявленная мотивация ЮНЕСКО для принятия решения в отношении государства;
- Политические последствия решения (при наличии).

Анализ отобранных случаев

Случай Косово справедливо можно назвать случаем успешной реализации программ по сохранению исторического наследия. Само Косово не является членом ЮНЕСКО, хотя попытки вступления имели место неоднократно [Jovanovich, 2018].

Важной особенностью Косово является парадоксальная ситуация во взаимоотношениях с Сербией — государством, рассматривающим Косово как часть собственной территории. Начиная с 2008 г. между Косово и Сербией на политическом уровне наблюдается постепенная нормализация отношений и достижение (де-факто) договорённостей на уровне властных структур. Однако на культурном уровне разрыв между сербами и албанцами, живущими в Косово, увеличивается с каждым годом [Surlić, 2017]. В этой связи возникает ситуация, при которой как сами сербские и косовские власти, так и посредники в переговорах, больше настаивают на решении «реальных проблем», нежели на развитии сотрудничества по культурным вопросам, чем существенно преуменьшают высокую важность сохранения культурного наследия [Surlić, 2017]. Тем не менее во взаимодействии с ЮНЕСКО Косово добилось значительных успехов. Сотрудничество с организацией осуществляется с 2000 г. на регулярной основе. В 2005 г. ЮНЕСКО провела в Париже Международную конференцию, посвящённую вопросу охраны культурного наследия на территории Республики¹⁹. ЮНЕСКО аргументирует необходимость защиты памятников в Косово для сохранения «...важного свидетельства многовекового диалога и сосуществования различных культур и общин в данном регионе...»²⁰.

Территория Косово богата разнообразным археологическим, духовным и архитектурным наследием и уникальным культурным ландшафтом.²¹ В 2004 г. объект «Средневековые памятники в Косово»²², построенный в XIII–XIV вв. и состоящий из одной православной церкви и трёх монастырей: церковь Богородицы Левишки, монастырь Высокие Дечаны, Печский патриархат и монастырь Грачаница²³, был

¹⁹ Вопрос сохранения культурного наследия и разнообразия Косово рассмотрен в ходе Исполнительного совета ЮНЕСКО // ЮНЕСКО. — 2015. — 21 окт. — URL: <https://www.unesco.org/ru/articles/vopros-sokhraneniya-kulturnogo-naslediya-i-raznoolbraziya-kosovo-rassmotren-v-khode>

²⁰ Там же.

²¹ Jerliu F. National strategy for cultural heritage 2017-2027 // Ministry of Culture, Youth and Sport of Republic of Kosovo, 2016. — URL: https://mkrs-ks.org/repository/docs/eng_strategy_for_heritage.pdf

²² Medieval Monuments in Kosovo, Serbia // UNESCO. — URL: <https://whc.unesco.org/en/soc/623>

²³ Наследие ЮНЕСКО: монастыри Сербии // Трэвэл Центр. — URL: <https://tcgroup.ru/serbiya/nasledie-yunesko-monastyrri-serbii.html>

включён в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, а в 2006 г. был зачислен в Список объектов всемирного наследия, находящихся под угрозой²⁴. При этом ЮНЕСКО возглавила физическую реконструкцию данных памятников, поддержанную другими странами-членами, включая Францию, Германию, Турцию и США. Стоит отметить, что, в отличие от других частично признанных и непризнанных государств, только на территории Косово расположен объект всемирного наследия «Средневековые памятники Косово», принадлежащий, согласно данным сайта ЮНЕСКО, Сербии²⁵.

На сегодняшний день, невзирая на продолжающиеся миссии ЮНЕСКО в Косово, вопрос вступления в члены организации остаётся для Косово в «подвешенном состоянии».

Случай Палестины можно назвать самым успешным в истории взаимодействия непризнанного государства с ЮНЕСКО. Палестина обладает огромным пластом культурного наследия: на её территории расположены три объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО — Базилика Рождества Христова, Старый город Аль-Халил и Палестина: земля оливок и виноградников²⁶. Помимо этого, 13 уникальных объектов находятся в числе кандидатов на включение в список. А в 2021 г. ЮНЕСКО внесла палестинский орнамент в Предварительный список нематериального культурного наследия.²⁷

В 2011 г. Генеральная конференция ЮНЕСКО проголосовала за принятие Пале-

стины в состав организации, что вызвало реакцию со стороны других государств-членов.²⁸ В частности, это спровоцировало отказ США от уплаты взносов в организацию и осложнение переговорного процесса с Израилем²⁹. В 2018 г. США и Израиль официально прекратили полноправное участие в ЮНЕСКО и обрели статус наблюдателя. Одной из основных причин этого шага было названо «продолжение антиизраильской риторики». Бывший Генеральный директор ЮНЕСКО Ирина Бокова выразила сожаление касательно данного решения, отметив, однако, что миссия ЮНЕСКО, направленная на строительство справедливого и равноправного мира, важна для всего человечества³⁰.

В случае с Палестиной справедливо говорить, что ЮНЕСКО оказалась перед дилеммой: продолжить выполнение своей основной миссии по защите культурного наследия — святынь представителей всех трёх авраамических религий — христианства, ислама и иудаизма, с риском значительных финансовых потерь (взносы только США в бюджет организации составляли более 20%) — либо по крайней мере приостановить эту деятельность. Выбор был сделан в пользу продолжения работы.

Случай Тайваня среди всех непризнанных государств можно по праву назвать наиболее сложным для исследования. Это связано и со спецификой появления Китайской Республики, представляющей собой постконфликтное общество, образованное

²⁴ Cultural heritage in South South-East Europe: Kosovo // UNESCO. — URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000134426>

²⁵ Средневековые памятники в Косово // UNESCO. — URL: <https://whc.unesco.org/ru/list/724>

²⁶ Palestine // UNESCO. — URL: <https://whc.unesco.org/en/statesparties/ps>

²⁷ В Палестине удовлетворены включением «палестинского орнамента» в список ЮНЕСКО. — URL: <https://www.aa.com.tr/ru/%D0%BC%D0%B8%D1%80/%D0%B2-%D0%BF%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B5-%D1%83%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B2%D0%BE%D1%80-%D0%B5%D0%BD%D1%8B-%D0%B2%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%D0%BC-%D0%BF%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0-%D0%B2-%D1%81%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA-%D1%8E%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE/2449183>

²⁸ Палестина принята в члены ЮНЕСКО // Организация Объединённых наций. — 2011. — 31 окт. — URL: <https://news.un.org/ru/story/2011/10/1192231>

²⁹ Муртазин А. ЮНЕСКО с Палестиной, но без американских денег // РИА Новости. — 2011. — 1 ноя. — URL: <https://ria.ru/20111101/477322798.html>

³⁰ Statement by Irina Bokova, Director-General of UNESCO, on the occasion of the Withdrawal by the United States of America from UNESCO // UNESCO. — 2017. — 12 oct. — URL: <https://en.unesco.org/news/statement-irina-bokova-director-general-unesco-occasion-withdrawal-united-states-america-unesco>

в результате политических противоречий и существующее скорее в противовес КНР. При этом нельзя не сказать о несомненных успехах Тайваня в экономической и политической сферах, — наибольших среди всех непризнанных и частично признанных государств. Тайвань располагает развитым законодательством в сфере защиты культурного наследия, запрещает вывоз и незаконный оборот культурных ценностей, не являясь при этом ни членом ЮНЕСКО, ни государством, ратифицировавшим конвенцию ЮНЕСКО 1970 г., направленную на борьбу с незаконным оборотом культурных ценностей [Ху, Чебаненко, 2019]. В действительности Тайвань обладает широким списком объектов культурного наследия, включая археологическое, и применяет современные методики их спасения и сохранения [Комиссаров, Азаренко, 2019]. Обращаясь к тезису о значимости культуры и культурного наследия как способа передачи традиционного уклада предков, сохранения смыслов существования цивилизации и отражения духовной жизни общества на всех его этапах, можно объяснить столь высокую значимость сохранения культурного наследия для Тайваня. Однако взаимоотношения этого островного государства с ЮНЕСКО трудно назвать успешными.

В 2002 г. были приглашены зарубежные эксперты для оценки одиннадцати отобранных объектов на территории Тайваня. По их рекомендациям Комитет по делам культуры разделил все памятники по трём категориям в соответствии с их уникальностью. К высшей категории отнесли памятники культуры Бэйнань, горы Алишань, ущелье Тароко и реликтовый лес в Цилань³¹.

Власти Тайваня предпринимали попытки включить ряд объектов, в частности

национальные парки Тароко и Юй-шань, в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, однако столкнулись с рядом трудностей. В отличие от Тайваня, материковый Китай — КНР является членом ООН и имеет гораздо больше каналов влияния на организацию, что создаёт трудности политического характера³². Для КНР Тайвань является мятежной провинцией, а культурное наследие Тайваня материковый Китай рассматривает как собственное, по этой причине взаимодействие Тайваня с ЮНЕСКО на сегодняшний день не налажено, а Тайвань руководствуется преимущественно внутренними нормами по охране культурного наследия, повторяющими нормы международных организаций.

Случай Нагорного Карабаха и его взаимодействия с ЮНЕСКО представляется наиболее любопытным. Главной особенностью Нагорного Карабаха в политическом смысле среди всех непризнанных государств является относительная отстранённость от конфликта крупных держав — центров принятия решений. При этом уникальность случая состоит в том, что со стороны ЮНЕСКО наблюдается активная позиция в отношении необходимости защиты культурного наследия на территории Нагорного Карабаха, где сосредоточено колоссальное количество уникальных объектов и археологических ресурсов как армянского, так и азербайджанского культурного наследия. В регионе находятся такие шедевры, как крепость Тигранакерт VII в., гробница V в. в Амарасе, базилика Цицернаванк, средневековый монастырь Дадиванк, Аскеранская крепость, собор Шуши XIX в. и многие другие³³. Значительное количество построек, гробниц, хачкаров зарегистрировано и исследовано в Шушинском, Агдамском, Бардинском, Физулинском, Зангиланском, Джебра-

³¹ Мировое наследие Тайваня // Тайваньская панорама. — 2003. — 1 мая. — URL: <https://taipanorama.tw/news.php?post=109303&unit=388>

³² Там же.

³³ Минько Д. Какие памятники в Карабахе вместе с территорией перешли под контроль Баку // РБК. — 2020. — 19 ноя. — URL: <https://www.rbc.ru/photoreport/19/11/2020/5fb3c6049a79478a04fd9d34c>

ильском, Лачинском и Кельбаджарском районах³⁴.

Вопрос о предоставлении членства НКР не ставится на повестку дня. Однако в разные годы ЮНЕСКО регулярно организовывало дискуссии о необходимости защиты памятников культуры на территории Республики. В 2014 г. ситуация вокруг Нагорного Карабаха обсуждалась на Международной конференции по защите культурного наследия во время вооруженных конфликтов, на которой рассматривались возможные пути предотвращения утраты культурного наследия в ходе современных войн³⁵.

В 2020 г. Генеральный директор ЮНЕСКО Одре Азуле предложила осуществить миссию после военных действий в регионе с целью составления перечня значимых культурных объектов и защиты достояния³⁶. При этом ЮНЕСКО напоминает об этой инициативе всем участникам конфликта из года в год³⁷. Тем не менее, и со стороны Азербайджана, и со стороны Армении наблюдается затягивание процесса одобрения размещения миссий ЮНЕСКО на территории Нагорного Карабаха.

Особое место среди всех отобранных случаев занимает *случай Абхазии и Южной Осетии*. При серьёзных культурных различиях народов обеих стран можно довольно уверенно говорить об общей специфике конфликта, спровоцировавшего сецессию. В основе складывания самостоятельной государственности этих частично признанных государств — травмирующий опыт культурного насилия. Разрушение

«общей культурной рамки», задаваемой политикой Грузии, привело к крайне острому межэтническому конфликту, перешедшему в вооружённую фазу в 1991 г. в Южной Осетии и в 1992 г. в Абхазии [Мелешкина, 2011]. Нельзя не признать: отчасти данные конфликты имеют не только экономическую и политическую, но также этнолингвистическую и в целом культурную почву, осетинская и абхазская культуры имеют колоссальные различия с грузинской. При этом на территории обеих стран расположено большое количество объектов культурного наследия разных эпох.

В Абхазии насчитывается свыше 1500 объектов культурного наследия. Это памятники архитектуры и древнего зодчества, храмы и крепости, комплексы и сооружения разных времён и цивилизаций: Драндский собор, Бедийский собор, Пицундский собор, Лыхненский храм, храм Симона Кананита, Анакопийская крепость, Великая Абхазская стена и т.д.³⁸. Наличие богатого культурного наследия подтверждено также и экспертной миссией Российского комитета Международного совета музеев (ИКОМ России)³⁹. Отдельным достоянием культуры считается абхазский язык, привлекающий интерес лингвистов всего мира. Он включён в «Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения», выпущенный ЮНЕСКО в 1994 г., как относящийся к категории «уязвимых»⁴⁰.

Южная Осетия также богата культурным наследием, материальным и нематериальным. На территории Республики расположено более полутора тысяч уни-

³⁴ WCC letter to UNESCO on Nagorno-Karabakh/Artsakh's Armenian historical, religious and cultural heritage // World Council of Churches. — 2020. — 24 nov. — URL: <https://www.oikoumene.org/resources/documents/wcc-letter-to-unesco-on-nagorno-karabakh/artsakh-s-armenian-historical-religious-and-cultural-heritage>

³⁵ На этой неделе в ЮНЕСКО обсудят меры по защите культурных ценностей в ходе войны // Организация Объединённых наций. — 2014. — 19 июн. — URL: <https://news.un.org/ru/story/2014/06/1244111>

³⁶ Нагорный Карабах: подтверждая обязательство по защите культурных ценностей, ЮНЕСКО предлагает всем сторонам направить миссию на места. // ЮНЕСКО. — 2020. — 20 ноя. — URL: <http://unesco.ru/news/unesco-received-delegate/>

³⁷ Там же.

³⁸ Барганджия С. Кобахия: в Абхазии представлены памятники всех периодов человеческой цивилизации // Всемирный абхазо-абазинский конгресс. — 2019. — 18 апр. — URL: <https://abaza.org/kobakhia-v-abkhazii-predstavleny-pamyatniki-vsekh-periodov-chelovecheskoy-tsivilizatsii>

³⁹ Отчёт о миссии ИКОМ России в Республике Абхазия 31 октября – 5 ноября 2011 года: в рамках Культурного сезона «Россия-Абхазия». — Москва, 2011. — URL: <https://abkhazeti.info/images/icom.pdf>

⁴⁰ Абхазский язык в десяти вопросах и ответах // Всемирный абхазо-абазинский конгресс. — URL: <https://abaza.org/abkhazskiy-yazyk-v-desyati-voprosakh-i-otvetakh>

кальных природно-ландшафтных комплексов, исторических памятников и башен, культурных сооружений, памятников архитектуры и зодчества: монастырский комплекс XII–XVI вв. — Тирский Монастырь, что в переводе с осетинского означает «большая вера»; «Зылды маэсыг»⁴¹ — оборонительное укрепление; главное святилище — «Джеры-Дзуар»; храм Пресвятой Богородицы XII в. в селении Икорта; «Морахский крест»; археологический комплекс Кударо; загадочное «озеро-призрак» — Эрцо; крупнейшее «Кельское озеро»; «Тлийский могильник»⁴²; историческая часть Цхинвала — «Старый город», дворец-замок ксанских Эрставов в Ленингоре; церковь Николая Чудотворца. Уникальной ценностью представляется и нематериальное культурное наследие осетинского народа, которое является неотъемлемым звеном культуры, фундаментом национального самосознания и сохраняет неразрывные узы между поколениями. Осетинский язык, относящийся к иранской группе индоиранской ветви индоевропейских языков, внесён ЮНЕСКО в «Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения»⁴³.

В 2010 г. ИКОМ России, в состав которого входили эксперты ЮНЕСКО и ведущие реставраторы, также проводил миссию в Южной Осетии, в ходе которой ознакомился с текущим состоянием музеев и архитектурных памятников, пострадавших в ходе вооружённого конфликта 2008 г.⁴⁴.

Памятники на территории Республики оценивала и Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО⁴⁵. Помимо этого, ущерб культурному наследию зафиксирован на официальных ресурсах ООН⁴⁶. Власти Республики в свою очередь заявляют о необходимости сохранения культурного наследия, в том числе через внесение объектов в Список всемирного наследия ЮНЕСКО и разрабатывают законодательство об охране культурного наследия⁴⁷. Однако со стороны ЮНЕСКО не поступало публичных комментариев в отношении культурного наследия именно Южной Осетии, невзирая на активную деятельность по сохранению осетинской культуры с властями субъекта Российской Федерации — Республики Северная Осетия – Алания.

В отношении Абхазии представители ЮНЕСКО заявляли, что внесение объекта культурного наследия в Список всемирного наследия ЮНЕСКО возможно только в том случае, если государство берёт на себя ответственность за объект, однако сама ЮНЕСКО выражает готовность сотрудничать только с официальными властями Грузии и не рассматривает возможность взаимодействия с абхазским руководством напрямую⁴⁸. Кроме того, в 1997 г. проводилась экспертная миссия ЮНЕСКО по оценке состояния культурных памятников в Абхазии, однако долгосрочного сотрудничества установлено не было⁴⁹.

Коллизия состоит в заинтересованности как властей Абхазии и Южной Осетии

⁴¹ Перевод на русский язык «Башня округи»

⁴² Тлийский могильник // Администрация Президента Республики Южная Осетия. — 2015. — 6 мая. — URL: <https://south-ossetia.info/tlijiskij-mogilnik/>

⁴³ Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения // ЮНЕСКО. — 2009. — 20 фев. — URL: <http://ru.unesco.kz/unesco-s-atlas-of-the-world-s-languages-in-danger>

⁴⁴ Миссия ИКОМ России в Южной Осетии // ИКОМ России. — 2010. — URL: <https://icom-russia.com/data/missii-ikom/yuzhnaya-osetiya-obratilas-k-mezhdunarodnomu-opytu/>

⁴⁵ ЮНЕСКО: Грузия осквернила исторические памятники Южной Осетии / МИД России // Российская газета. — 2008. — 4 сен. — URL: <https://rg.ru/2008/09/04/yunesko-anons.html>

⁴⁶ Satellite Damage Assessment for Cultural Heritage Monuments, South Ossetia, Georgia // UNITAR. — 2008. — 19 авг. — URL: <https://unitar.org/maps/map/1265>

⁴⁷ Ещё раз о культурных памятниках // Администрация Президента Республики Южная Осетия. — 2017. — 14 янв. — URL: <https://south-ossetia.info/eshhe-raz-o-kulturnyx-pamyatnikax/>

⁴⁸ ავტობიოგრაფია აფხაზი არაдовლანი რომელიც არ შეიძლება იყოს იუნესკო-ს გზაზე ტბილისი // Новость.ge. Грузинские новости по-русски. — 2016. — 18 авг. — URL: <https://novost.ge/>

⁴⁹ The State of Georgian Cultural Heritage in the occupied Georgian regions of Abkhazia and Tskhinvali region/South Ossetia (March 2016) // OHCHR. — URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Issues/CulturalRights/DestructionHeritage/States/Georgia.pdf>

в присутствии ЮНЕСКО на их территории, так и в заявленной заинтересованности грузинского руководства. Однако возможности прямого взаимодействия организации с руководствами Республик блокируются Грузией, при этом грузинская сторона регулярно объявляет об ущербе, нанесённом культурным памятникам руководством Абхазии и Южной Осетии⁵⁰. Именно миссия ЮНЕСКО могла бы на месте дать квалифицированную оценку, изучить состояние дел и принять ускоренные меры по защите культурного и исторического наследия на «шахматно-политической доске» Кавказа.

Результаты исследования

По результатам рассмотрения кейсов представляется возможным перейти к **сравнительному анализу** на основании выделенных критериев.

1. Наличие исторического наследия на территории непризнанных государств.

Все непризнанные государства заявляют о наличии исторического наследия и необходимости его охраны. Речь, напомним, идёт о природном и культурном наследии, в том числе нематериальном. В случаях успешного взаимодействия с ЮНЕСКО, историческое наследие вносится в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. При этом, когда долгосрочное взаимодействие установить не удаётся, государства разрабатывают собственное законодательство об охране культурного наследия. Отдельного внимания заслуживает случай Нагорного Карабаха, в котором инициатива по признанию культурного наследия и его охране исходит от самой ЮНЕСКО.

2. Форма взаимодействия с ЮНЕСКО.

Только два из рассмотренных непризнанных государств — Палестина и Косово — установили долгосрочное и эффективное взаимодействие с институтами ЮНЕСКО. В случае Палестины реализация программ ЮНЕСКО происходит в полной

мере, поскольку она является постоянным членом организации. В случае с Косово проходит осуществление мероприятий, в том числе по охране объектов, отнесённых к Всемирному наследию ЮНЕСКО. Краткосрочную миссию 1997 г. в Абхазии нельзя назвать примером успешного сотрудничества с организацией, поскольку она не привела к принятию дальнейших решений о сотрудничестве.

3. Заявленная мотивация ЮНЕСКО для принятия решения в отношении непризнанного государства.

Мотивация ЮНЕСКО о принятии положительного решения о начале взаимодействия с каждым из государств в целом выражается в едином ключе — ЮНЕСКО действительно стремится к защите памятников культуры на их территории. Стоит отметить, что отрицательное решение в отношении Палестины стало бы большим ударом по имиджу организации, поскольку на её территории расположены святыни, общие для всех христиан, мусульман и иудеев всего мира. В случае с Косово нельзя не отметить поддержки инициатив по реализации программ со стороны влиятельных представителей международного сообщества, таких как Франция, Германия, США и Канада.

Говоря об отрицательных решениях, следует заметить определённые различия. Наиболее сложным представляется случай с Китайской Республикой — Тайванем. ЮНЕСКО не даёт официальных комментариев в отношении Республики и находящегося на её территории исторического наследия. Однако невозможно не отметить сложных взаимоотношений Тайваня с КНР. Оба государства взаимно не признают друг друга, рассматривая в перспективе «правильный Китай»; КНР блокирует любые инициативы, связанные с Тайванем в международных организациях.

В случае с Абхазией и Южной Осетией, как и с Косово, большую роль в принятии решений играет международный контекст

⁵⁰ Жвания Т. Грузия пожаловалась ЮНЕСКО на культурный ущерб // Спутник Грузия. — 2008. — 20 сен. — URL: <https://sputnik-georgia.ru/20080920/150994677.html>

ситуации, а также острота противоречий с претендующей на их территории Грузией, которая является полноправным членом ЮНЕСКО: грузинская сторона максимально препятствует проявлению политической субъектности этих двух республик. В данной ситуации ЮНЕСКО не отказывается от исторического наследия республик, однако отдаёт предпочтение взаимодействию по линии официальных властей Грузии. При этом ЮНЕСКО сохраняет высокую мотивацию к охране осетинской культуры, однако все программы претворяются в жизнь лишь на территории Республики Северная Осетия — Алании.

Отдельного внимания заслуживает случай Нагорного Карабаха, ситуация с которым обратна ситуации с Абхазией и Южной Осетией — НКР существует в контексте локального противоречия в регионе, что не снижает остроты конфликта. В этой ситуации понятна мотивация ЮНЕСКО по выполнению собственной миссии и охране ценнейших памятников культурного наследия на этой территории.

4. Политические последствия решения (при наличии).

При рассмотрении данного пункта наиболее показательной представляется ситуация с Палестиной, когда принятие данного государства в члены ЮНЕСКО обернулось для организации крупными финансовыми потерями (включая отказ США и Израиля от внесения членских взносов) и обострило противоречия региона, в том числе неблагоприятно отразившись на процессе мирных переговоров. Парадоксально, но выполнение миссии ЮНЕСКО, изначально никак не связанной с политической и находящейся по определению выше любых политических противоречий, привело только к ещё большей политизации ситуации. Предположительно эту ситуацию можно интерпретировать как наглядную иллюстрацию теоретического тезиса о роли специализированных структур в международных отношениях, при которых государства-члены устанавливают их для достижения общих интересов, однако при сохраняющемся недоверии работа институтов не всегда оказывается эффективной. ЮНЕСКО неизбежно столкнулась с полити-

зацией возникшей ситуации и оказалась заложником выбора «из двух зол» — невыполнение собственной миссии и связанные с этим репутационные потери, а с другой стороны, — финансовые.

Политические последствия реализации программ на территории Косово выразились менее остро. Однако в случае Косово наблюдается намерение Сербии блокировать любую возможность вступления Косово в ЮНЕСКО на фоне эпизодической поддержке инициатив по охране культурного наследия со стороны сербских властей.

В случае Тайваня не принималось решений и не давалось официальных комментариев, по этой причине невозможно отметить никаких политических последствий, кроме потенциальных.

Случай Южной Осетии и Абхазии требует рассмотрения по причине принятия организацией отрицательного решения. Как уже говорилось ранее, в Абхазии и Южной Осетии большую роль играет международный контекст. Не случайно эти два государства во время событий 2008 г. и рассмотрения вопроса о признании стали своеобразным «анти-Косово» [Caspersen, 2008: 60]. Политическая ситуация вокруг Абхазии и Южной Осетии является отражением крупного геополитического противоречия коллективного Запада и России, что не может не отражаться в работе международных институтов с ними. При этом отрицательное решение ЮНЕСКО в отношении данных государств не приводит к значимым репутационным потерям, однако положительное решение значительно затруднено. ЮНЕСКО вынуждено выполнять обязательства по своим уставным документам как перед международным сообществом, так и перед Грузией, что неизменно лишает организацию возможности работы с властями Республик напрямую, а ЮНЕСКО, в свою очередь, выбирает стратегию избегания возможных обострений разногласий. При этом культура осетинского народа организацией не игнорируется, но работа ведётся только на территории субъекта Российской Федерации Северной Осетии – Алании, что значительно снижает риски.

Заключение

В ходе данного исследования был проведён обзор случаев и сравнительный анализ, позволивший проверить исследовательскую гипотезу и дать исчерпывающий ответ на исследовательский вопрос, который, напомним, звучал следующим образом: *какие факторы определяют возможности осуществления деятельности ЮНЕСКО по реализации программ и сохранению историко-культурного наследия на территории непризнанных и частично признанных государств?* При ответе на него были выделены такие факторы как:

- 1) Наличие признанного культурного наследия;
- 2) Международный контекст вокруг непризнанного государства;
- 3) Намерения заинтересованных сторон;
- 4) Возможные политические последствия решения;
- 5) Политическая воля государств-действующих членов ЮНЕСКО.

Исследовательской гипотезой данной статьи является следующий тезис, согласно которому *при осуществлении деятельности на территории непризнанных и частично признанных государств ЮНЕСКО стремится свести к минимуму возможные разногласия, связанные с интересами и политической волей других государств-членов, в связи с чем вынужденно воздерживается от начала миссий на тех территориях, где потенциально могут возникнуть противоречия.*

Опираясь на данные анализа кейсов и соотнося их с теоретическими положениями о роли и природе международных структур, данную гипотезу можно считать подтверждённой. Действительно, в процессе деятельности ЮНЕСКО в отношении непризнанных государств регулярно наблюдается политизация ситуации, часто приводящая к нежелательным последствиям для дела сохранения культурного наследия. Данная ситуация во многом обусловлена тем, что сложности культурных обменов со странами не-членами ООН возникают в результате значительных несовпадений политической карты мира и

«карты культуры». Политизация вопроса культурного наследия способствует конфликтному контексту, в условиях которого образовались все отобранные для анализа непризнанные государства. Именно политизация таких общественно значимых вопросов, как охрана культуры, ставит ЮНЕСКО перед непременным выбором стратегии и неизбежными потерями. Случай с Палестиной становится наиболее показательным — при очевидной необходимости сохранения наследия, значимого для более чем половины населения земного шара, конкретные шаги организации привели к обострению противоречий. В случае, когда непризнанные государства находятся в ещё более противоречивом международном контексте и условиях быстро меняющейся международной конъюнктуры, ЮНЕСКО будет стремиться всячески избежать радикальных действий и взаимодействовать на уровне институтов международного права, точно так же не всегда отражающих реальную ситуацию.

В заключении хотелось бы отметить и перспективы дальнейшей работы ЮНЕСКО на территории непризнанных и частично признанных государств. В условиях конфликтного миропорядка особый смысл приобретает ценности мира и наведения мостов дружбы и сотрудничества между государствами. В данной ситуации даже культура может становиться «яблоком раздора» между конфликтующими сторонами. Но может она и оказаться и путём примирения и нахождения взаимопонимания между разными народами. Таким образом, сохраняется острая необходимость интенсификации работы ЮНЕСКО в направлении укрепления идеологии мира и сотрудничества на основе универсальных гуманистических ценностей. Такая работа позволит наиболее полно раскрыть потенциал ЮНЕСКО на международной арене, укрепить авторитет организации с целью недопущения использования культуры как средства удовлетворения сиюминутных политических интересов. Чрезвычайно важным стала бы и разработка единых программных документов ЮНЕСКО в отношении охраны культурного наследия не только в зонах конфликтов, но также и на

территориях со спорным суверенитетом, поскольку в каждом из случаев руководство государств, осознающее важность и ценность культуры, охотно берёт на себя ответственность по охране культурных памятников.

Именно программы по линии ЮНЕСКО смогут создать более справедливые условия для защиты культурного наследия малых народов, содействовать в мониторинге состояния культурных объектов, оказы-

вать нормативную, финансовую и экспертную помощь. Богатый опыт организации показывает, что ряд важных мероприятий и проектов, таких как «Диалог между цивилизациями — поиск новых перспектив»⁵¹, «Наследие, диалог и примирение»⁵², «На пути к культуре мира» служат наведению мостов и установлению диалога между враждующими сторонами. Ведь как гласит основной принцип Пакта Рериха: «Там, где культура — там царит мир».⁵³

Список литературы:

- Баллер Э.А. Социальный прогресс и культурное наследие. — Москва: Наука. 1987. — 158 с.
- Боголюбова Н.М., Николаева Ю. В. Институализация международного культурного сотрудничества: исторические предпосылки и особенности современного периода // Приволжский научный вестник. — 2012. — № 11. — С. 91–94.
- Буханова А.С. Коллизия принципов самоопределения народов, территориальной целостности государств и возможные пути ее разрешения // Право и управление. XXI век. — 2011. — № 4. — С. 67–71.
- Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурные ландшафты как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия. — Москва, Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2004. — С. 13–36.
- Гавров С.Н., Востряков Л.Е. Международное культурное сотрудничество как часть государственной культурной политики России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2018. — № 3. — С. 152–160.
- Галкова О. В. Теоретические основы культурного наследия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. — 2011. — № 3. — С. 110–114.
- Головина Г.В., Савина И.А. Международное культурное сотрудничество: аспекты социально-культурного и правового регулирования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2014. — № 4. — С. 162–169.
- Запесоцкий А.С. Культурология Дмитрия Лихачева. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2012. — 528 с.
- Комиссаров С.А., Азаренко Ю.А. Археологическое наследие Тайваня Рецензия на книгу: Tsang Cheng-hwa, Li Kuang-ti. Archaeological Heritage in the Tainan Science Park of Taiwan. Taitung: National Museum of Prehistory, [2015]. 359 p. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2019. — Т. 18, № 4. — С. 152–156. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2019-18-4-152-156>
- Курьянова Т.С. Культурное наследие: смысловое поле и практика // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. — 2011. — № 2. — С. 12–18.
- Маркедонов С. Аналитические доклады Института Кавказа. — Ереван: Ин-т Кавказа, 2012. — 179 с.

⁵¹ Новые перспективы деятельности ЮНЕСКО, связанной с диалогом между цивилизациями и культурами, включая, в частности, мероприятия по итогам Делийской конференции на уровне министров / ЮНЕСКО. Генеральная конференция, 32nd, 2003. 32 С/60 // Цифровая библиотека ЮНЕСКО. — URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000131973_rus

⁵² Promoting shared history and memory for reconciliation and dialogue // UNESCO. — URL: <https://en.unesco.org/partnerships/partnering/promoting-shared-history-and-memory-reconciliation-and-dialogue>

⁵³ Пакт Рериха // Международный Центр Рерихов. — URL: <https://icr.su/rus/evolution/pact/>

- Мелешкина Е. Ю. Формирование территориальных политик в Нагорном Карабахе, Абхазии, Южной Осетии и Приднестровье // Асимметрия мировой системы суверенитета. — Москва: МГИМО-Университет, 2011. — С. 105–120.
- Николаев Д.Г. Феномен непризнанных государств в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. — 2010. — № 1. — С. 27–41.
- Скачков А.С. Роль ЮНЕСКО в защите всемирного культурного наследия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2007. — № 3. — С. 31–34.
- Соколова А.С. Вклад ЮНЕСКО в сохранение всемирного культурного наследия // Теория и практика общественного развития. — 2013. — № 11. — С. 389–394.
- Федотова К.Е. Деятельность ЮНЕСКО по развитию международных культурно-гуманитарных отношений // Общество: политика, экономика, право. — 2016. — № 9. — С. 22–24.
- Ху Е.Л., Чебаненко С.Б. Национальное законодательство Тайваня о вывозе и ввозе культурных ценностей и музейных предметов // Вопросы музеологии. — 2018. — Т. 9, № 2. — С. 256–269. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2018.211>
- Цвицинская Н. Эволюция института признания государства в международном праве // История и современность. — 2014. — № 2. — С. 147–161.
- Caspersen N. From Kosovo to Karabakh: International Responses to De Facto States // Comparative Southeast European Studies. — 2008. — Vol. 56, № 1. — P. 58–83. <https://doi.org/10.1515/soeu-2008-560105>
- Gomm R., Hammersley M., Foster P. Case study method: key issues, key texts. — London: Sage, 2000. — 276 p.
- Jovanovich L. M. An Attempt of So-Called "Republic of Kosovo" to Join UNESCO in 2015 // Политическое пространство и социальное время: Синергия смыслов и ценностей. — Симферополь: Ариал, 2018. — P. 70–79.
- Surlić S. Constitutional Design and Cultural Cleavage: UNESCO and the Struggle for Cultural Heritage in Kosovo // Politička misao. — 2017. — Vol. 54, № 4. — P. 109–125.
- Waltz K.N. Theory of international politics. — Long Grove: Waveland Press, 2010. — 251 p.

References:

- Baller, E. A. (1987) *Sotsial'nyy progress i kul'turnoye nasledie [Social progress and cultural heritage]*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Bogolubova, N. M. and Nikolaeva, J. V (2012) 'Institutionalization of International Cultural Cooperation: Historical Background and Features of the Modern Period', *Privožskij naučnyj vestnik*, (11), pp. 91–94. (In Russian).
- Bukhanova, A. (2011) 'Collision of Principles of Self-Determination of Peoples and Territorial Integrity of States and Feasible Ways of its Resolution', *Journal of Law and Administration*, (4), pp. 67–71. (In Russian).
- Caspersen, N. (2008) 'From Kosovo to Karabakh: International Responses to De Facto States', *Comparative Southeast European Studies*, 56(1), pp. 58–83. <https://doi.org/10.1515/soeu-2008-560105>
- Fedotova, K. E. (2016) 'UNESCO's Work on the Development of International Cultural and Humanitarian Relations', *Society: Politics, Economics, Law*, (9), pp. 22–24. (In Russian).
- Galkova, O. V (2011) 'Theoretical Foundation of Cultural Heritage', *Science journal of Volgograd State University. Philosophy, sociology and social technologies*, (3), pp. 110–114. (In Russian).
- Gavrov, S. N. and Vostryakov, L. E. (2018) 'International Cultural Cooperation as Part of the State Cultural Policy of Russia', *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, (3), pp. 152–160. (In Russian).
- Golovina, G. V and A, S. I. (2014) 'International cultural cooperation: aspects of social, cultural and legal regulation', *Bulletin of the Adyge State University. Series Region studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political sciences and culturology*, (4), pp. 162–169. (In Russian).
- Gomm, R., Hammersley, M. and Foster, P. (2000) *Case study method: key issues, key texts*. London: Sage.

Hu, Y.-L. and Chebanenko, S. B. (2018) 'National Regulations of Taiwan concerning the export and import of cultural heritage and museum objects', *The Issues of Museology*, 9(2), pp. 256–269. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2018.211>

Jovanovich, L. M. (2018) 'An Attempt of So-Called " Republic of Kosovo" to Join UNESCO in 2015', in *Politicheskoye prostranstvo i sotsial'noye vremya: Sinergiya smyslov i tsennostey [Political space and social time: Synergy of meanings and values]*. Simferopol: Arial Publ., pp. 70–79.

Komissarov, S. A. and Azarenko, Y. A. (2019) 'Archaeological Heritage of Taiwan', *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 18(4), pp. 152–156. (In Russian). <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2019-18-4-152-156>

Kuryanova, T. S. (2011) 'Cultural Heritage: The Semantic Field and Practice', *Tomsk State University journal of cultural studies and art history*, (2), pp. 12–18. (In Russian).

Markedonov, S. (2012) *Analiticheskiye doklady Instituta Kavkaza [Analytical reports of the Caucasus Institute]*. Yerevan: In-t Kavkaza Publ. (In Russian).

Meleshkina, E. U. (2011) 'Formirovaniye territorial'nykh politiy v Nagornom Karabakhe, Abkhazii, Yuzhnoy Osetii i Pridnestrov'ye [Formation of territorial polities in Nagorno-Karabakh, Abkhazia, South Ossetia and Transnistria]', in *Asimetriya mirovoy sistemy suvereniteta [Asymmetry of the world system of sovereignty]*. Moscow: MGIMO University Publ., pp. 105–120. (In Russian).

Nikolayev, D. G. (2010) 'Phenomenon of Unrecognized States in World Politics', *Moscow University Bulletin of World Politics*, (1), pp. 27–40. (In Russian).

Skachkov, A. S. (2007) 'The Role of Unesco in the Field of Protection of the World Culture Heritage', *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series International relations*, (3), pp. 31–34. (In Russian).

Sokolova, A. S. (2013) 'Contribution of UNESCO to the Preservation of the World Cultural Heritage', *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, (11), pp. 389–394. (In Russian).

Surlić, S. (2017) 'Constitutional Design and Cultural Cleavage: UNESCO and the Struggle for Cultural Heritage in Kosovo', *Politička misao*, 54(4), pp. 109–125.

Tsvitsinskaya, N. (2014) 'The Development of the Institute of Recognition of State in International Law', *Istoriya i sovremennost'*, (2), pp. 147–161. (In Russian).

Vedenin, Y. A. and Kuleshova, M. E. (2004) 'Kul'turnyye landshafty kak kategoriya naslediya [Cultural landscapes as a category of heritage]', in *Kul'turnyy landschaft kak ob'yekt naslediya [Cultural landscape as an object of heritage]*, Moscow, St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publ., pp. 13–36. (In Russian).

Waltz, K. N. (2010) *Theory of international politics*. Long Grove: Waveland Press.

Zapesotsky, A. S. (2012) *Kul'turologiya Dmitriya Likhacheva [Cultural studies of Dmitry Likhachev]*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy humanitarnyy universitet profsoyuzov Publ. (In Russian).

Информация об авторе

Алана Ахсаровна Кочиева (Южная Осетия) — аспирант кафедры философии МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Alana A. Kochieva (South Ossetia) — PhD student, Department of Philosophy, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 10.07.2022; одобрена после рецензирования 20.08.2022; принята к публикации 07.09.2022.

The article was submitted 10.07.2022; approved after reviewing 20.08.2022; accepted for publication 07.09.2022.

МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СООТНОШЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ И УНИВЕРСАЛЬНОЙ ПРАВООЗАЩИТНЫХ КОНЦЕПЦИЙ

Наталья Александровна Шеремет

МГИМО МИД России, Москва, Россия

natalish@list.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2513-6759>

Аннотация. В статье предлагается анализ соотношения универсальной и региональной правозащитных концепций, действующих в Латинской Америке. Региональный подход к защите прав человека, основанный на культурном релятивизме, является основой для развития правозащитной концепции. Однако эволюция прав человека рассматривается в современной науке как через призму культурного релятивизма, так и универсализма. И если сторонники первого подхода утверждают важность культурных и цивилизационных особенностей, то сторонники универсализма отстаивают идею универсальной морали. Новизна данного исследования заключается в

анализе иного научного подхода, который включает в себя некоторые черты обеих вышеуказанных концепций (представляя своего рода «третий путь») — с целью получения более объективной картины современного состояния системы защиты прав человека. Взаимодействие этих концепций исследуется на примере функционирования в Латинской Америке системы защиты прав женщин, а также других уязвимых групп, например таких, как коренные народы. В результате обоснован вывод о необходимости совмещения универсалистского подхода к защите прав человека с региональными особенностями его интерпретации. Несмотря на кажущуюся дихотомию, в реальности универсалистские и локальные моральные системы заимствуют друг у друга по крайней мере некоторые элементы. В странах Латинской Америки подобное взаимное влияние универсализации и регионализации прав человека прослеживается довольно отчётливо. Защита прав человека сегодня обретает здесь новые черты, которые вписываются в так называемую парадигму «относительного универсализма». Поиск объяснительной модели этого феномена необходим для лучшего понимания закономерностей данного процесса.

Ключевые слова: защита прав человека, межамериканская система защиты прав человека, ООН, Латинская Америка, релятивизм, универсальные ценности, права женщин, права коренных народов

Для цитирования: Шеремет Н.А. Механизмы защиты прав человека в Латинской Америке с точки зрения соотношения региональной и универсальной правозащитных концепций // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 3. — С. 68–82. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-68-82>

Research article

HUMAN RIGHTS MECHANISMS IN LATIN AMERICA FROM THE PERSPECTIVE OF INTERSECTION OF REGIONAL AND UNIVERSAL HUMAN RIGHTS CONCEPTS

Natalia A. Sheremet

MGIMO University, Moscow, Russia
natalish@list.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2513-6759>

Abstract. The article analyzes the intersection of universal and regional human rights concepts in Latin America. The regional approach to human rights protection has been proposed by anthropologists who argue that cultural relativism is the basis for the development of the concept of human rights protection. The evolution of human rights is examined by scholars through the prism of both cultural relativism and universalism. While proponents of the first approach assert the importance of cultural and civilizational particularities, proponents of universalism promote the idea of universal morality. The novelty of this study lies in the examination of a different academic approach to human rights protection that encompasses features of both of the aforementioned concepts in order to provide a more objective picture of the current state of the system of human rights protection. The interaction of these concepts is demonstrated through the example of the system for the protection of women's rights in Latin America, as well as of the rights of other vulnerable groups such as indigenous peoples. This leads to the conclusion that both the universalist and the regionalist approaches to human rights protection are mutually supportive. Furthermore, universal and local moral systems borrow elements from each other despite the contradictions between them. In general, the interaction between universalization and regionalization of human rights is clearly visible in Latin America. The elaboration of a new approach that incorporates the features of the two old ones is necessary in order to better understand this process, since human rights protection is acquiring new features that fit into the so-called paradigm of relative universalism. An explanatory model to account for this phenomenon is needed for better understanding of the common patterns of the process.

Keywords: human rights protection, inter-American human rights system, UN, Latin America, relativism, universal values, women's rights, indigenous peoples' rights

For citation: Sheremet, N. A. (2022) 'Human Rights Mechanisms in Latin America from the Perspective of Intersection of Regional and Universal Human Rights Concepts', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(3), pp. 68–82. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-68-82>

Введение

Данная статья посвящена защите прав человека в странах Латинской Америки и Карибского бассейна с точки зрения соотношения региональной и универсальной правозащитных концепций. Как известно, в данном регионе функционируют две системы прав человека — универсальная, которая строится на работе Договорных Органов ООН по правам человека, и региональная, фундаментом которой являются два органа ОАГ: Межамериканский суд и Межамериканская комиссия по правам человека. Оба этих уровня взаимодействуют между собой, взаимодополняя друг друга, и способствуют генезису концепции защиты прав человека как внутри региона, так и в глобальном масштабе.

Цель данного исследования — изучить проблему соотношения региональной и универсальной правозащитных концепций на примере Латинской Америки и установить, какая из них (возможно) преобладает. Региональная концепция защиты прав человека зиждется на региональных интересах и ценностях в том смысле, что они являются основой развития общества и однозначно превалируют над универсальными ценностями внутри региона. Такой подход основан на позиции культурного релятивизма, который стал основой для своеобразной «регионализации» темы прав человека.

В задачи исследования входит: 1) выявить основные особенности механизмов по защите прав человека, доступных в Латинской Америке; 2) проанализировать противоречия между универсальной моделью защиты прав человека и ценностями народов Латинской Америки; 3) определить узловые точки притяжения и отталкивания универсальной и региональной трактовки механизмов прав человека в регионе.

Дискуссия о правах человека в контексте универсализма и регионализма

В 1993 г. на Всемирной конференции по правам человека, проходившей в Вене, была принята знаменитая Венская декларация и Программа действий¹, где, между прочим, говорится об универсальности и неделимости прав человека: «Все права человека универсальны, неделимы, взаимозависимы и взаимосвязаны. Международное сообщество должно относиться к правам человека глобально, на справедливой и равной основе, с одинаковым подходом и вниманием»². Однако за этими заявлениями об однозначной универсальности прав человека следует оговорка, которая, казалось бы, подрывает идею универсальности прав человека, вступая с ней в противоречие, а именно, — мысль о том, что необходимо учитывать «значение национальной и региональной специфики и различных исторических, культурных и религиозных особенностей»³. В связи с этим кажущимся противоречием имеет смысл более детально изучить проблему соотношения регионального и универсального в сфере защиты прав человека на конкретном примере. Кейс Латинской Америки позволяет проследить конкретные пути формирования региональной правозащитной культуры. А заодно понять, можно ли считать универсальное — общим исключительно в формально-логическом смысле, или же соотношение общего и особенного в культурном контексте требует иного, более реалистического понимания. Если с культурфилософских позиций здесь всё относительно ясно — «общего» самого по себе не существует, всякая культура (даже глобальная) — уникальна [Смирнов, 2001: 295], то изучение правозащитной проблематики требует более развёрнутой аргументации для «примирения» двух

¹ Венская декларация и программа действий: Принятые на Всемирной конференции по правам человека 25 июня 1993 года / Управление Верховного комиссара по правам человека Организации Объединённых Наций и Департамент общественной информации Организации Объединённых Наций. — DPI/1394 Rev.2. — 2013. — Август. — 50 с. — URL: https://www.ohchr.org/Documents/Events/OHCHR20/VDPA_booklet_ru.pdf

² Там же, с. 20.

³ Там же.

теоретических подходов в современном международном праве с целью установления более надежного и чёткого понимания существующих сегодня правозащитных механизмов.

Дискуссия о противоречиях релятивизма и универсализма началась, как известно, после принятия Всеобщей декларации прав человека 1948 г. Перед членами Комиссии по правам человека тех лет встал вопрос, как соотнести универсальное с национальным, «внешнее» с «внутренним». Тогда же М. Херсковиц, ученик известнейшего антрополога (и сторонника культурного релятивизма) Ф. Боаса, подготовил так называемое «Заявление о правах человека» [Statement on Human Rights, 1947], которое стало своего рода манифестом культурного релятивизма, оспаривающим ключевую идею ООН о возможности и необходимости формировании универсальных моральных ценностей. Херсковиц полагал, что Всеобщая декларация прав человека касается уважения личности *per se* и её права на наиболее полное развитие в качестве члена своего общества. Однако с глобальной точки зрения уважение культур различных групп является не менее важным. Заявление Херсковица окончательно поделило антропологов на два теоретических лагеря — на тех, кто поддерживал идеи морального универсализма — и тех, кто во главу угла ставил уважение к культурному многообразию. Эти споры, между прочим, привели к развитию прикладных исследований роли культуры в жизни человека и в реализации его прав. Отметим: согласно Венской Декларации, такие факторы как пол, раса, этническая или религиозная принадлежность и т.д. не имеют значения для свободы и прав человека. Херсковиц же утверждал обратное, а именно, что культура определяет свободу личности. Антропологи-релятивисты таким образом не были согласны с идеей «универсальности» прав человека, поскольку она ставила под сомнение значимость местных культур и практик. Релятивисты заявляли, что зачастую местные культуры и практики являются объектами угнетения и дискриминации.

К концу 1980-х гг., когда мировое сообщество, столкнувшись с неоднозначными последствиями глобализации, зафиксировало процесс становления нового мирового порядка, дискуссия о соотношении универсализма и релятивизма обрела новый характер. С одной стороны, «победа» либеральных ценностей и глобализации, казалось бы, положила конец взглядам и системам ценностей, характерным для релятий холодной войны, о чем писал ещё Ф. Фукуяма [Fukuyama, 1989: 3]. В то же время, глобализация не привела к созданию некоего «универсального» с точки зрения культуры и морали мира, что обеспечило сохранение разрыва между культурным релятивизмом и культурным универсализмом. И, что ещё важнее, «права человека “на словах” и права человека “на деле”» [Johansson Dahre, 2017: 618] также идут по разным, не всегда пересекающимся, путям. При этом проблематика прав человека остаётся приоритетом международной и национальной политической и правовой повестки большинства государств.

Параллельно, несмотря на наличие режима защиты прав человека (к которому можно отнести действие механизмов ООН и региональных организаций, а также деятельность общественных и негосударственных организаций), реализация этих прав сталкивается с препятствиями, которые заводят в тупик попытки их универсализации в смысле позитивно-правовой формализации. Сами государства обычно «не придерживаются чисто монистического или дуалистического подхода к вопросу имплементации норм международного права», их подход зависит от множества причин и определяется «политической и юридической идеологией, особенностями исторического развития, уровнем экономики, отношением к конституционному и отраслевому законодательству и т.д.» [Карташкин, 2019: 111].

В связи с вышеописанным положением вещей многие антропологи и юристы, работающие в области международного права, прежде всего защиты и поощрения прав человека, задаются вопросами: что же такое права человека сегодня, в чём состоит их универсализация или «неунивер-

сализация»⁴; а также каково соотношение индивидуального и группового элементов внутри современной международной правозащитной концепции.

Напомним ещё раз суть универсализма. Важной целью Декларации ООН в отношении универсальных прав человека является призыв защищать личность. Защита личности рассматривается как первичный элемент всей системы защиты прав человека; неотъемлемые ценности и свободы исходят из природы человека и существуют независимо от культурной и групповой принадлежности.

Одним из теоретических ответов «универсалистам», получивших признание научного сообщества, можно считать позицию, согласно которой содержание Всеобщей декларации прав человека 1948 г. ограничено рамками западной политической и правовой мысли. Так, по мнению ученого-латиноамериканиста Я.Г. Шемякина, выдвижение на первый план юридического аспекта проблемы прав человека характерно именно для Запада, который берёт за основу «представление о некоем абстрактном индивиде, при этом предполагается, что конкретно-исторические особенности человека и той культурной и природной среды, в которых он живёт, никак не влияют на содержание правовых принципов и норм, которые также абстрактны и универсальны» [Шемякин, 2018: 6]. Близкой точки зрения придерживается российский учёный Е.А. Лукашев, который обращает внимание на неразрывную связь прав человека с такими элементами «социокультурной регуляции, как религия, нравственность, философско-нравственные учения, политика, традиции, обычаи» [Лукашева, 2009: 7]. Тем самым «в оборот» вводится культурно-цивилизационный подход, интерпретирующий «права» прежде всего в ценностно-содержательном, и лишь затем — в формально-юридическом смысле.

Латинская Америка даёт в этом смысле богатый иллюстративный материал. Тем более, что специалисты нередко выделяют её как «пограничный» цивилизационный тип [Шемякин, 2018]: стоит хотя бы вспомнить высказывания Симона Боливара о том, что народ континента «не является ни европейским, ни североамериканским; он скорее является смесью африканцев и американцев, нежели потомство европейцев, ибо даже сама Испания перестает относиться к Европе по своей африканской крови, по своим учреждениям и своему характеру. Невозможно с точностью указать, к какой семье человеческой мы принадлежим. Большая часть индейского населения уничтожена, европейцы смешались с американцами и африканцами, а последние — с индейцами и европейцами. Мы не европейцы, а нечто среднее между аборигенами и испанцами»⁵. Действительно, этническая и расовая неоднородность региона отчётливо проявляет отсутствие здесь единства в подходе к правам человека. В этом случае вполне логично поставить вопрос: можно ли в Латинской Америке строить единую региональную правозащитную систему? Именно этой теме и посвящено данное исследование.

В скобках важно отметить, что современные правовые и политические дебаты в самой Латинской Америке нередко фокусируются на проблеме соотношения правозащитного универсализма и регионализма. Сегодня здесь всё чаще звучат идеи универсализма прав человека. Однако речь идёт об особом универсализме, который отличается от европейского. Так, А. Чакон Мата считает, что для Латинской Америки больше подходит понятие «многоголосого универсализма (*plurivocista*)» [Chacón Mata, 2011], то есть такого, который признаёт множество культур, но не перечёркивает их различное историческое прошлое.

⁴ Jiménez-Piernas García A. The Role of the European Union and other International Organizations in Promoting Corporate Social Responsibility: Thesis. — Bologna, 2016. — 345 p.

⁵ Речь Симона Боливара в Ангостуре 15 февраля 1819 г. // Agitclub.ru. — URL: <http://www.agitclub.ru/museum/revolution1/latinamer1/bolivar10.htm>

Механизмы защиты прав человека, применимые к странам Латинской Америки и Карибского бассейна

Латинской Америкой и Карибским бассейном принято считать регион, в который входит 33 государства. Для начала отметим: определение «регион», то есть район с общими признаками, в данном случае используется в известной мере как метафора. И не только в силу мозаичного расового состава и полиэтничности континента. Общность и целостность региона является скорее политическим видением тех лидеров стран Латинской Америки, которые поддерживают идею политической и экономической интеграции. Если же рассуждать с юридической точки зрения, то необходимо подчеркнуть: только 20 стран региона признали юрисдикцию единого регионально-правозащитного механизма ОАГ⁶, что ещё раз подтверждает раздробленность и отсутствие единства среди латиноамериканских государств по самым важным вопросам их повестки.

Что касается конкретных механизмов защиты и поощрения прав человека, то Латинская Америка даёт уникальный сплав, где представлен и собственный региональный механизм, и универсальные правозащитные механизмы. В частности, Межамериканский суд по правам человека (Суд) и Межамериканская комиссия по правам человека (Комиссия) являются столпами межамериканской системы защиты прав человека, в которую помимо стран Латинской Америки входят США и Канада. Оба этих органа отвечают как за мониторинг и анализ ситуации в области прав человека в регионе, так и за предотвращение их нарушений. При том, что не все государства Латинской Америки являются участниками Американской конвенции о правах человека 1969 г. (Пакта Сан-Хосе), юридически обязывающий характер для стран, не подписавших Конвенцию, носит

Декларация прав и обязанностей человека 1948 г. (Американская декларация 1948 г.). Подобная децентрализация с точки зрения региональных механизмов защиты прав человека, применимых к данному региону, отсутствие исторического единства латиноамериканских народов, а также наличие двух «нелатиноамериканских» стран с совершенно иным историческим прошлым ещё больше усложняют формирование единого подхода к развитию защиты прав человека в регионе.

Универсальный уровень защиты прав человека представлен десятью Договорными органами ООН по правам человека, под юрисдикцией которых находится большинство государств Латинской Америки. Договорные органы являются органами Конвенций и Пактов ООН о правах человека, а их деятельность носит квазисудебный характер. На универсальном уровне данные механизмы борются с разными видами нарушений прав человека в Латинской Америке: насильственными исчезновениями, фемицидом, гендерной дискриминацией. Кроме того, всё больше зарегистрированных дел касается нарушений прав коренных народов.

Международные Пакты о правах человека, принятые 55 лет назад, закрепили основные права и свободы человека, что позволяет лицам, проживающим в этом регионе, прибегать к данным универсальным механизмам защиты своих прав. Тем не менее положения Пактов и Конвенций ООН сегодня продолжают обретать новые толкования и наполняются новым смыслом, создающим новую юридическую практику при принятии решений.

В своих решениях Комитеты ООН часто ссылаются на постановления Межамериканского суда по правам человека. Например, могут цитироваться решения Суда, может быть изложено толкование нарушений ряда прав человека (в случае если дела, рассматриваемые Комитетом, напоминают

⁶ ABC de la Corte Interamericana de Derechos Humanos: El qué, cómo, cuándo, dónde y porqué de la Corte Interamericana. Preguntas frecuentes / Corte Interamericana de Derechos Humanos. — San José, C.R.: Corte IDH, 2018. — P. 6. — URL: <https://www.corteidh.or.cr/sitios/libros/todos/docs/ABCCorteIDH.pdf>

судебную практику Межамериканского суда). Приведённый пример наглядно демонстрирует взаимосвязь и взаимозависимость этих двух механизмов.

Важно отметить, что правозащитный универсализм не уничтожает региональные аспекты защиты прав человека, а скорее проникает на региональный уровень и начинает там развиваться, смешиваясь с национальными и региональными особенностями и создавая новый уникальный продукт. Имеет место и обратное влияние, когда региональные инструменты и практика защиты прав человека имплементируются на универсальном уровне.

Рассмотрим один из примеров взаимодействия региональных и универсальных уровней защиты прав человека, который касается Латинской Америки. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. — «главствующий источник защиты прав женщин в мире»⁷, — определяет дискриминацию в отношении женщин как «любое различие, исключение или ограничение по признаку пола»⁸, закрепляет право женщин на защиту от любого вида дискриминации. Что касается межамериканских источников прав женщин, — в частности, Конвенции Белен-ду-Пара (Межамериканская конвенция о предотвращении, наказании и искоренении насилия в отношении женщин 1994 г.), то она направлена на устранение неравенства и защиту женщин от насилия. В Конвенции также предусмотрен запрет на дискриминацию женщин в каком-либо виде. Идея о взаимозависимости проблемы насилия над женщинами и их дискриминации нашла своё отражение в «Общей рекомендации» CEDAW №19 (Насилие в отношении женщин)⁹. Согласно Рекомендации, насилие в отношении женщин сводит

на нет «пользование женщинами правами человека и основными свободами в соответствии с общими нормами международного права или положениями конвенций о правах человека»¹⁰. Однако несмотря на то, что все права человека имеют одинаковое значение, их осуществление и их защита в отношении женщин сталкиваются с рядом преград. Это связано с тем, что женщины подвергаются серьёзным нарушениям свобод, которые подрывают их право на жизнь и личную неприкосновенность. Об этом свидетельствует статистика жалоб, направленных из стран Латинской Америки, где зафиксированы феминицид, домашнее насилие, сексуальное насилие и пытки в отношении женщин. В связи с этим толкование Конвенции ООН не может пониматься узко и применяться только в отношении случаев дискриминации. Как следствие, Комитет пришёл к выводу о том, что проявление насилия нарушает право женщин на равенство, поскольку преступления против них увековечивают неравное к ним отношение. Когда женщинам отводится более низкое и подчинённое по отношению к мужчинам положение, применение к ним насилия приобретает систематический характер. Именно поэтому Комитет поставил в один ряд насилие в отношении женщин и гендерную дискриминацию: насилие происходит тогда, когда в обществе преобладают дискриминационные идеи, и, наоборот, дискриминация существует, когда проблема насилия не искореняется государством и обществом. На данном примере мы видим, как два разных механизма — региональный и универсальный — влияли и продолжают влиять друг на друга, что приводит к новому толкованию прав женщин, закреплённому в двух вышеуказанных Конвенциях. Взаимодействие этих

⁷ Самаке Ава. Международно-правовая защита прав женщин в Африке: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.10. — Москва, 2015. — С. 15.

⁸ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года // Официальные отчёты Генеральной Ассамблеи, тридцать четвёртая сессия, Дополнение № 46, стр. 250–254. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml

⁹ Общая рекомендация №19 (Одиннадцатая сессия, 1992 г.) Насилие в отношении женщин // Комитет ООН по Ликвидации Дискриминации в Отношении Женщин. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw_handbook/cedaw_rec19.pdf

¹⁰ Там же.

двух механизмов способствует инкорпорации международных норм в национальную правовую систему стран Латинской Америки в сфере прав женщин, обогащает и расширяет сам конвенциональный механизм регуляции этой области отношений¹¹.

Права человека «на деле», а не «на словах»: коллективное измерение VS индивидуализм

Защита прав человека, — если это не просто абстракция, а реально существующая практика, которая имеет важное значение в жизни людей, — связана с местными социальными взаимоотношениями людей, политическими и экономическими проблемами и культурной идентичностью. Если права человека абстрактны, то вопрос об их сути теряет свою актуальность. Для того, чтобы права имели хоть какую-то значимость, они должны быть интегрированы в местный контекст. Всё это требует от универсализма «подстраивания» под разные культуры, только тогда универсальные права человека перестанут быть абстрактным явлением. Интересную теоретическую интерпретацию эти идеи получили в эссе исследователя С. Мерри под названием «Антропология, право и транснациональные процессы» [Merri, 1992]. Мерри показывает, что бинарная оппозиция универсального и локального в сфере защиты прав человека не так однозначна, как кажется; и делает вывод о том, что права человека не просто находятся на универсальном уровне, а, скорее, имеют «децентрализованный транснациональный культурный компонент», поскольку они определяются с точки зрения местного толкования, а их реализация происходит через национальную и культурную призму. Чтобы понять социальный и культурный процесс, необходимо изучить то пространство, которое находится между

международным и местным уровнями. Что происходит с концепцией прав человека, когда она используется на местном уровне? Мерри утверждает, что права человека не только приобретают свой собственный смысл на местном уровне, но и что местная интерпретация в свою очередь влияет на международный уровень и так называемое универсальное понимание прав человека. Ярким примером того, как развивается этот процесс, являются так называемые коллективные права. До середины 1970-х было принято считать, что права человека лучше всего функционируют как индивидуальные права. Но всплеск этнических конфликтов и стремление к коллективной идентичности изменили этот подход. Этнические меньшинства начали утверждать, что их угнетают, дискриминируют и маргинализируют. И в самом деле, отставание исключительно индивидуальных прав никак не защищает этнические меньшинства от посягательств государств на их коллективные права.

Сегодня дискуссия о коллективных правах набирает обороты. В качестве примера следует упомянуть недавно зарегистрированное Комитетом ООН по правам человека дело ава гуарани¹² от 2021 г. против Парагвая. Суть дела заключается в следующем: коренная община Парагвая Кампоагуа'э направила дело в Комитет по правам человека, заявляя о нарушении своего права на «жизнь, семью, жилище; а также права на защиту меньшинств» [Абашидзе, Шеремет. 2021]. Действительно, на протяжении многих лет на традиционный территории общины иностранные компании, получив согласие от правительства Парагвая, в ходе своей производственной деятельности проводили фумигации (опрыскивание ядовитыми веществами). Это привело к тяжелым последствиям: гибели растений и животных, загрязнению рек на территории общины и т.д. Помимо этого, в

¹¹ Борзова А.Ю. Подходы Бразилии к вопросу защиты и обеспечения прав человека // Культурные аспекты и правоприменительная практика в области прав человека в Латинской Америке. — Москва: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. — С. 25. (Препринт / Высш. шк. экономики - нац. исслед. ун-т).

¹² Название коренного народа, проживающего на территории современного Парагвая.

связи с исчезновением строительных материалов для сооружения танцевального дома *jerokuha* народ утратил возможность проведения обряда крещения *mitäkarai*. В течение двенадцати лет община Кампо-агуа'э пыталась отстоять свои права на местном уровне, обращаясь в разные административные и судебные инстанции. Бездействие местных властей побудило двух официальных представителей общины, которые имеют юридический статус её руководителей, направить от лица всей общины свою жалобу/индивидуальное обращение в Комитет ООН по правам человека, чтобы добиться правосудия и компенсации морального и физического вреда. Парагвай в ответ на жалобу заявителей ответил, что она является неприемлемой, поскольку петиция направлена двумя авторами от общины, а не от себя лично. А Международный пакт о гражданских и политических правах, как известно, защищает права индивидов, а не групп лиц. Комитет, в свою очередь, не согласился с мнением государства и напомнил, что «группы коренных народов являются коллективными правообладателями, поскольку право на пользование культурой реализуется в социальных и культурных рамках коллективного взаимодействия. Кроме того, эволюция прав коренных народов показывает, что группы коренных народов как коллективные субъекты сами приобретают правосубъектность, переставая быть простой суммой индивидов [Абашидзе, Шеремет, 2021]. Кроме того, в 2009 г. Коми-

тет ООН по экономическим, социальным и культурным правам решил, что «субъекты коренных народов должны быть наделены правосубъектностью»¹³. А по мнению судей из Межамериканского суда по правам человека, члены коренных общин, которых «объединяет особый образ жизни и самобытность, осуществляют некоторые права [...] в коллективном измерении»¹⁴. Всё это, а также такие источники прав коренных народов, как Конвенции МОТ № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах¹⁵ и Декларация ООН о правах коренных народов¹⁶, Комитет использовал в защиту своей позиции о нарушении прав коренной общины Кампо-агуа'э. Народ ава гуарани в данном случае наделён правоспособностью для защиты своих прав. Это и другие дела, связанные с нарушением прав коренных общин Латинской Америки¹⁷, указывают на усиление коллективного измерения концепции защиты прав человека.

Универсализация VS регионализация прав человека в Латинской Америке: «позитивные права» и вопрос о «моральных абсолютах»

Итак, научный спор между представителями универсализма и культурного релятивизма о подходе к правам человека идёт вот уже более 70 лет, то есть с момента создания универсальной системы защиты прав человека под эгидой ООН. Однако с изменением мирового порядка

¹³ Observación general N° 21 Derecho de toda persona a participar en la vida cultural (artículo 15, párrafo 1 a), del Pacto Internacional de Derechos Económicos, Sociales y Culturales // Naciones Unidas. — URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=E%2fC.12%2fGC%2f21%2fREV.1&Lang=es

¹⁴ Jurisprudencia constante desde Caso del Pueblo Indígena Kichwa de Sarayaku contra Ecuador, párr. 231, y puntos declarativos 2 a 4.

¹⁵ Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах [Конвенция 169]: Принята 27 июня 1989 г. Генеральной конференцией Международной организации труда на её семьдесят шестой сессии // Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией Труда, 1957–1990 годы, том 2, Международное бюро труда, Женева, 1991. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml

¹⁶ Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов Принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 года // Организация Объединенных наций. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml

¹⁷ Indigenous Peoples in Latin America // Guaranteeing indigenous people's rights in Latin America: progress in the past decade and remaining challenges, ECLAC. — URL: https://www.cepal.org/sites/default/files/styles/infographic_aspect_switcher/public/infographic/images/indigenas_ingles.jpg?itok=NjJ6qjlv×tamp=1456234097 ; Figure 1. Percentage of indigenous people in Latin America and the Caribbean [Cancer in indigenous people..., 2014]

менялись и правозащитные концепции как внутри самих обществ, так и на международном уровне. Безусловно, Международный билль о правах человека отстаивает универсальные ценности; однако история убедительно показывает, что нельзя игнорировать культурный и цивилизационный аспекты ценностного сознания. Здесь уместно вспомнить о противоречиях относительно приоритета гражданских, политических — или экономических, социальных и культурных прав между Западом и другими цивилизациями, которые наблюдались долгие годы после принятия Всеобщей декларации прав человека 1948 г. Латиноамериканские страны и советский блок тогда выступили за приоритет социальных прав, в то время как западные страны отстаивали первоочередность гражданских и политических прав, то есть «негативных прав» [Ruiloba Alvariño, 2007: 165], которые налагают на государства обязательства не действовать в ущерб правам индивидов. В то время как экономические, социальные и культурные права относятся к правам позитивным, то есть налагающим на государства обязательства, «связанные в первую очередь с реализацией финансовых усилий»¹⁸. В конце 1990-х гг. в Латинской Америке усилился тренд, связанный с выходом на первый план социальных прав, что было вызвано серией «левых поворотов» [Shemyakin, 2015: 39] в регионе. Именно в это период особенно остро вставал вопрос о культурных, социальных и цивилизационных ценностях латиноамериканских народов. Разные мнения по поводу приоритетности политических или социальных прав являются одним из элементов спора между сторонниками универсализма и культурного релятивизма.

Так как же тогда примирить две противоборствующие парадигмы? Некоторые исследователи предлагают искать золотую

середину между этими двумя концепциями, найти некий третий путь. Такая модель не потребует отказа ни от универсализма, ни от релятивизма. Чего она потребует, так это «калибровки» отношений между трактовками универсальных права человека и местной культурной практикой. Подобная попытка примирения двух контрастирующих теорий с помощью создания третьей, объединяющей их принципы в более широком независимом поле, напоминает то, что Т. Кун некогда назвал научной революцией.

И в самом деле, рождение новых парадигм позволяет посмотреть на мир по-новому. Так, новая модель, которую в своей работе описывает исследователь У. Йоханссон Даре [Johansson Dahre, 2017] и которая может быть применена к современному положению дел в области прав человека в Латинской Америке, называется «относительный (или релятивный) универсализм». Эта модель показывает, что, с одной стороны, универсализм не поглощает культурные и прочие особенности региона, а, наоборот, впитывает в себя региональные черты [Меркушев, 2005: 46]. С другой стороны, именно универсализм стоит на страже универсальных ценностей, закреплённых во Всеобщей декларации прав человека. Например, несмотря на то, что необходимо уважать культурные особенности в целом, могут существовать некоторые культурные практики, к которым нельзя относиться терпимо ни при каких обстоятельствах, поскольку они ведут к нарушению прав человека¹⁹. И если рассматривать Латинскую Америку, то примером такой практики может служить пренебрежительное отношение к женщинам и приписывание им второстепенной роли как в общественной, так и в частной сфере. Подобное отношение к женщине внутри её семьи со стороны партнёра именует-

¹⁸ Zerbini Ribeiro Leao R. Los derechos económicos, sociales y culturales en Europa y América: un estudio a partir de la construcción jurisprudencial de los sistemas europeo e interamericano de protección de los derechos humanos: Tesis doctoral inédita. — Madrid, 2008. — P. 165.

¹⁹ Криволапов П.С. Новые тенденции международного сотрудничества в области прав человека: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.10. — Москва, 2006. — С. 9.

ся термином «мачизм» (от испанского — machismo). Иными словами, мачизм — это модель социального поведения, при которой мужчина демонстрирует свою власть и превосходство над теми, кого считает ниже себя, тем самым искусственно ставя их в зависимое положение. В Латинской Америке проявление подобной агрессивной маскулинности зачастую направлено против женщин как внутри семьи, так и в профессиональных и прочих кругах. Мачизм, по сути, является ярким примером дискриминации по гендерному признаку, которая ведёт к серьёзным проблемам и подрывает физическую и психологическую безопасность женщин Латинской Америки. Искусственно созданное доминирование мужчин над женщинами в данном регионе позволяет некоторым из них наслаждаться вседозволенностью, которая зачастую стоит женщинам жизни: по статистике наибольшее число насильственных смертей женщин происходит от рук их партнёров²⁰.

Домашнее насилие — как раз та проблема, которая вызвана дискриминационной культурной практикой, характерной для данного региона. Домашнее насилие является систематической и глубоко укоренившейся проблемой общества Латинской Америки. Зачастую оно «подлежит лишь моральному осуждению»²¹. Подобный пример показывает, какую роль могут сыграть универсальные механизмы защиты прав человека, являясь отражением универсальных моральных ценностей: они помогают закрепить статус женщин как уязвимой группы населения, что позволяет бороться за права женщин [Бекашев, Микрина, 2016: 82].

Но как добиться подотчётности нарушителей прав женщин, если государства неохотно борются с проблемой насилия в отношении женщин, а устарелые стерео-

типы по-прежнему навязывают женщинам облик существ, «исполняющих второстепенную функцию» [Полутова, 2013: 66]? Как имплементировать универсальные ценности на национальном уровне? Какие социальные и экономические модели, направленные на поощрение прав женщин, можно предложить на универсальном уровне для их включения в национальную систему [Bard Wigdor, 2017]? Как заставить национальные власти отказаться от их дискриминационных взглядов, нарушающих равноправие? На эти и другие вопросы ответ пытаются найти те, кто пришёл к выводу о том, что современные международные правозащитные механизмы идут по пути относительного универсализма, одновременно примеряющего релятивизм с универсализмом и играющего роль судьи между ними.

По мнению эксперта Э. Хогеманн [Hogemann, 2020: 20], «теория и практика прав человека» должны быть направлены на развитие таких ценностей и норм, которые бы обеспечивали достоинство человеческой личности, а эталоном защиты прав человека принято считать универсальные ценности. Универсальный набор прав исходит из томистского видения личности. Согласно этому учению, человек состоит из духовной и телесной субстанции. Такое видение личности утвердило равенство всех людей, несмотря на их индивидуальные, групповые, биологические или культурные различия. Человек бесценен, его нельзя заменить ничем другим, и у него есть достоинство. Приведём слова И. Канта: «в царстве целей всё имеет или цену, или достоинство. То, что имеет цену, может быть заменено также и чем-то другим как эквивалентом; что выше всякой цены, стало быть, не допускает никакого эквивалента, то обладает достоинством» [Кант, 1994]. Следовательно, каждый человек

²⁰ Women More Likely to be Killed by Partners or Relatives: Share of victims globally by who murdered them (2017) // Statista. — URL: <https://cdn.statcdn.com/Infographic/images/normal/18913.jpeg>

²¹ Родина И.В. Социальная проблематизация насилия в семье в современной России: диссертация ... доктора социологических наук: 22.00.04. — Москва, 2007. — С. 31.

имеет достоинство, так как каждый человек обладает своей индивидуальностью, он незаменим и не может быть ни на что обменян, будучи самоцелью. Идеи Канта позволяют обосновать значение универсализма в трактовке прав человека: они показывают, что независимо от культурных ценностей, присущих любому сообществу, необходимо в первую очередь добиваться уважения к каждому человеку как таковому. Транспонируя эти идеи на современную ситуацию с правами человека в Латинской Америке, можно получить следующий вывод: при наличии культурных различий все люди обладают равным достоинством и равной ценностью. Однако люди разных цивилизаций имеют разные взгляды на отношения между личностью и коллективом, гражданином и государством, родителями и детьми, мужем и женой, а также разные взгляды на относительную важность прав и обязанностей, свободы, власти и равенства²². Такие различия являются результатом многовековой истории. Тем самым трудность достижения универсальности прав человека заключается в противоречии между историческими формами морали и так называемыми «моральными абсолютами». Но абсолюта на земле недостижим. Поэтому переосмысление проблемы прав человека означает принятие во внимание идеи защиты прав человека как продукта развития, которое должно быть одновременно инклюзивным и глобальным. Кстати, соблюдение де-факто универсальных норм прав человека, даже если они не соответствуют какой-либо культуре, приводит к выводу о том, что государства, соблюдая эти права, в определённой мере признают их необходимость в деле регулирования оборота своих самобытных культурных ценностей. Кстати, по Канту это можно рассматривать как соблюдение норм не по обязанности, а из чувства долга.

Заключение

Изучение современного состояния системы защиты прав человека в Латинской Америке позволило сформулировать следующие выводы. Во-первых, существует два противоборствующих научных подхода, изучающих современную картину правозащитной повестки данного региона. Одни учёные применяют идеи культурного релятивизма при изучении региона, настаивая на том, что генезис защиты прав человека как в Латинской Америке, так и в других регионах, происходит за счёт повышения значения культурных и цивилизационных особенностей. Напротив, сторонники идеи универсализации прав человека утверждают, что именно универсальные ценности, закреплённые в Международном билле прав человека, берут верх над культурными, страновыми, региональными и прочими особенностями.

Во-вторых, если рассматривать сами правозащитные механизмы прав человека, существующие в Латинской Америке, то очевидна неделимость и взаимодополняемость универсальных и региональных механизмов, что «придаёт большую эффективность защите прав человека»²³. Как универсальный уровень влияет на региональный, так и региональный в свою очередь влияет на универсальный; происходит своеобразное «переливание» универсальных и региональных взглядов и практик. Этот процесс напоминает создание «тропического коктейля», состоящего из нескольких слоёв: сначала добавляется один слой, затем другой, потом опять первый и так далее. Анализ новых толкований и новых судебных практик (в частности, в области защиты прав женщин) помогает понять, что имплицитное развитие теории прав человека в Латинской Америке идёт не по пути универсализации или регионализации, но реализует нечто третье.

²² Юдович И. Время выбора // Проза.ру. — 2010. — 11 ноя. — URL: <https://proza.ru/2010/11/11/1306>

²³ Международное право в 2 Ч. Часть 1: Учебник / А. Н. Вылегжанин, Ю. Н. Малеев, Ю. М. Колосов, К. Г. Геворгян. — Москва: Издательство Юрайт, 2021. — С. 206.

При этом, в-третьих, развитие системы защиты прав человека происходит по более сложной схеме, чем та, которую предлагают сторонники культурного релятивизма и универсализма. Защита прав человека в Латинской Америке сегодня обрела новые черты, которые вписываются в так называемую парадигму «относительного универсализма». Иначе говоря, если защита прав

человека и идёт по пути универсализации, она тем не менее не уничтожает локальные практики и ценности, а, скорее, проникает на этот локальный уровень, смешивается с традиционным видением: создаёт свой собственный уникальный «продукт», сохраняя культурные особенности местного сообщества.

Список литературы:

- Абашидзе А.Х., Шеремет Н.А. Особая связь коренных народов с традиционными землями (дело народа ава гуарани против Республики Парагвай) // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». — 2021. — № 7. — С. 9–16.
- Бекашев Д.К., Микрина В.Г. Особенности международно-правовой защиты трудовых прав женщин // Московский журнал международного права. — 2016. — № 4. — С. 82–92.
- Кант И. Основоположения метафизики нравов // Сочинения в 8 т. Т. 4. — Москва: Чоро, 1994. — С. 153–245.
- Карташкин В.А. Права человека и принципы международного права в XXI веке. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2019. — 148 с.
- Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. — Москва: Норма: Инфра-М, 2009. — 384 с.
- Меркушев В.Н. Права человека в контексте культурных различий: сравнительный анализ современных политологических концепций. — Екатеринбург: Ин-т философии и права УрО РАН, 2005 — 148 с.
- Полутова М.А. Методологические подходы зарубежных ученых к теории феминизма: истоки, этапы развития, основные направления // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2013. — № 11. — С. 66–79.
- Смирнов А.В. Номинальность и содержательность: почему некритическое исследование «универсалий культуры» грозит заблуждением // Универсалии восточных культур. — Москва: Восточная литература, 2001. — С. 290–317.
- Шемякин Я.Г. Тема прав человека в контексте проблемы идентичности: латиноамериканские подходы // Латинская Америка. — 2018. — № 3. — С. 5–19.
- Bard Wigdor G. "El ajuste tiene rostro de mujer": A 20 años de la plataforma de Beijing, las desigualdades se profundizan // Revista Latinoamericana de Derechos Humanos. — 2017. — Vol. 27, № 2. — P. 21. <https://doi.org/10.15359/rldh.27-2.1>
- Cancer in indigenous people in Latin America and the Caribbean: a review / S. Moore, D Forman, M. Piñeros, et al. // Cancer Medicine. — 2014. — Vol. 3, № 1. — P. 70–80. <https://doi.org/10.1002/cam4.134>
- Chacón Mata A.M. El Relativismo cultural y su tutela jurídica en el sistema internacional de protección de los derechos humanos // Revista latinoamericana de derechos humanos. — 2011. — Vol. 22, № 2. — P. 39–79.
- Fukuyama F. The End of History? // The National Interest. — 1989. — № 16. — P. 3–18.
- Hogemann E.R. Human Rights beyond Dichotomy between Cultural Universalism and Relativism // The Age of Human Rights Journal. — 2020. — № 14. — P. 19–36. <https://doi.org/10.17561/tahrj.v14.5476>
- Johansson Dahre U. Searching for a middle ground: anthropologists and the debate on the universalism and the cultural relativism of human rights // The International Journal of Human Rights. — 2017. — Vol. 21, № 5. — P. 611–628. <https://doi.org/10.1080/13642987.2017.1290930>
- Merry S.E. Anthropology, Law, and Transnational Processes // Annual Review of Anthropology. Annual Reviews. — 1992. — Vol. 21. — P. 357–379.

Ruiloba Alvaríño J. Los Pactos Internacionales de las Naciones Unidas de 16 de diciembre de 1966 // *Derecho Internacional de los Derechos Humanos*. — Madrid: Dilex, 2007. — P. 115–176.

Shemyakin Y. Volviendo Al tema de Los derechos humanos. Criterio de UN latinoamericanista // *Iberoamerica*. — 2015. — № 3. — P. 33–55.

Statement on Human Rights / The Executive Board, American Anthropological Association // *American Anthropologist*. — 1947. — Vol. 49, № 4. — P. 539–543.

References:

Abashidze, A. K. and Sheremet, N. A. (2021) 'Indigenous Peoples' Special Relationship with Traditional Territories (the case of the Ava Guaraní people v. Republic of Paraguay)', *International legal courier*, (7), pp. 9–16. (In Russian).

Bard Wigdor, G. (2017) "El ajuste tiene rostro de mujer": A 20 años de la plataforma de Beijing, las desigualdades se profundizan', *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*, 27(2), p. 21. <https://doi.org/10.15359/rldh.27-2.1>

Bekyashev, D. K. and Mikrina, V. G. (2016) 'Some Features of International Legal Framework for the Protection of Women's Labour Rights', *Moscow journal of international law*, (4), pp. 82–92.

Chacón Mata, A. M. (2011) 'El Relativismo cultural y su tutela jurídica en el sistema internacional de protección de los derechos humanos', *Revista latinoamericana de derechos humanos*, 22(2), pp. 39–79.

Fukuyama, F. (1989) 'The End of History?', *The National Interest*, (16), pp. 3–18.

Hogemann, E. R. (2020) 'Human Rights beyond Dichotomy between Cultural Universalism and Relativism', *The Age of Human Rights Journal*, (14), pp. 19–36. <https://doi.org/10.17561/tahrj.v14.5476>

Johansson Dahre, U. (2017) 'Searching for a middle ground: anthropologists and the debate on the universalism and the cultural relativism of human rights', *The International Journal of Human Rights*, 21(5), pp. 611–628. <https://doi.org/10.1080/13642987.2017.1290930>

Kant, I. (1785) *Grundlegung zur Metaphysik der Sitten*. Riga: Hartknoch. (Russ. ed.: (1994) 'Osnovopolozheniya metafiziki nravov', in *Sochineniya v 8 t. T. 4*. Moscow: Choro Publ., pp. 153–245).

Kartashkin, V. A. (2019) *Prava cheloveka i printsipy mezhdunarodnogo prava v XXI veke [Human rights and principles of international law in the 21st century]*. Moscow: Norma: Infra-M Publ. (In Russian).

Lukasheva, E. A. (2009) *Chelovek, pravo, tsivilizatsiya: normativno-tsennostnoye izmereniye [Man, Law, Civilization: Normative-Value Dimension]*. Moscow: Norma: Infra-M Publ. (In Russian).

Merkushev, V. N. (2005) *Prava cheloveka v kontekste kul'turnykh razlichiy: sravnitel'nyy analiz sovremennykh politologicheskikh kontseptsiy [Human rights in the context of cultural differences: a comparative analysis of modern political science concepts]*. Ekaterinburg: In-t filosofii i prava UrO RAN Publ. (In Russian).

Merry, S. E. (1992) 'Anthropology, Law, and Transnational Processes', *Annual Review of Anthropology*, 21, pp. 357–379.

Moore, S. P. et al. (2014) 'Cancer in indigenous people in Latin America and the Caribbean: a review', *Cancer Medicine*, 3(1), pp. 70–80. <https://doi.org/10.1002/cam4.134>

Polutova, M. (2013) 'Methodological Approaches of Foreign Scientists to the Theory of Feminism: Origin, Development, Main Directions', *Zabaikalsky State University journal*, (11), pp. 66–79. (In Russian).

Ruiloba Alvaríño, J. (2007) 'Los Pactos Internacionales de las Naciones Unidas de 16 de diciembre de 1966', in *Derecho Internacional de los Derechos Humanos*. Madrid: Dilex, pp. 115–176.

Smirnov, A. V. (2001) 'Nominal'nost' i soderzhatel'nost': pochemu nekriticheskoye issledovaniye universal'nykh kul'tury grozit zabluzhdeniyem [Nominality and meaningfulness: why an uncritical study of the "universals of culture" threatens with delusion]', in *Universalii vostochnykh kul'tur [Universals of Oriental Cultures]*. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., pp. 290–317. (In Russian).

Shemyakin, Y. (2015) 'Volviendo Al tema de Los derechos humanos. Criterio de UN latinoamericanista', *Iberoamerica*, (3), pp. 33–55.

Shemyakin, Y. G. (2018) 'The Theme of the Human Rights in the Context of the Problem of Identity: the Latin American Approaches', *Latinskaia Amerika*, (3), pp. 5–19.

The Executive Board, American Anthropological Association (1947) 'Statement on Human Rights', *American Anthropologist*, 49(4), pp. 539–543.

Информация об авторе

Наталья Александровна Шерemet — аспирант кафедры Международного права МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Natalya A. Sheremet — PhD student, The International Law Department, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 02.06.2022; одобрена после рецензирования 07.07.2022; принята к публикации 19.08.2022.

The article was submitted 02.06.2022; approved after reviewing 07.07.2022; accepted for publication 19.08.2022.

ДИПЛОМАТ, СТРАТЕГ, РАЗВЕДЧИК, ИСТОРИК — НА СЛУЖБЕ РОССИИ. КНЯЗЬ АЛЕКСЕЙ БОРИСОВИЧ ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Екатерина Сергеевна Федорова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ledentu@mail.ru <https://orcid.org/>

Аннотация. Имя Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского (1824–1896) почти не упоминалось в XX в. О нём стали вспоминать в конце первого десятилетия XXI в. Инициатором целого ряда исследований о дипломате стал его потомок князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский. Ныне подготовлена фундаментальная монография о князе Лобанове. Его международная деятельность в должности чрезвычайного и полномочного посла протекала в самых сложных на тот момент политических точках — дважды в Константинополе (1859–1863; 1878–1879), а также Лондоне (1879–1882) и Вене (1882–1895). Он умел разрешать острые проблемы современности, используя искусный дипломатический инструментарий. Пост заместителя министра внутренних дел он получил во времена сложной перестройки социально-общественных институтов — это была эпоха «Великих реформ» императора Александра II. Предложив ему эту должность, император учитывал интеллектуальный масштаб, стратегическую дальновидность и тактическую гибкость князя. За одиннадцать лет деятельности на этом поприще (1867–1878) князь Лобанов-Ростовский нередко выполнял обязанности министра. За это время значительно усовершенствовались правовые нормы государства и его взаимоотношения с обществом. В 1870 г. Алексей Борисович получает почётную должность статс-секретаря Его Императорского Величества, то есть личного докладчика императора. Эта должность предполагала личные взаимоотношения с императором. Лобанов-Ростовский оставался статс-секретарем до конца жизни. И император Александр II, и Николай II с особым теплом относились к Лобанову-Ростовскому. Лобанову удалось заключить Русско-турецкий окончательный мирный договор 1879 г., положивший конец войне России с Турцией. Этот договор дал России значительные моральные и материальные результаты. Также договор положил начало автономному княжеству Болгарскому, то есть дал жизнь болгарской государственности. Работа Лобанова-Ростовского на посту министра иностранных дел в течение 18 месяцев (1895–1896) плодотворно

отразилась на положении России на мировой арене и была высоко оценена и в России, и в мире. В статье раскрываются различные стороны незаурядной личности князя, не только дипломата, но и учёного, получившего звание почётного члена Российской академии наук. Лобанов-Ростовский был подлинным эрудитом, глубоко знавшим и любившим русскую старину; библиофилом, коллекционером, генеалогом и историком, — неоднократно находил новые документы, связанные с историей России, тщательно комментировал их и на протяжении четырнадцати лет (1871–1885) систематически публиковал в специальных исторических журналах. В статье системно проанализированы воспоминания современников и новейшие исследования об этом выдающемся деятеле российской культуры, положенные в основу книги, планируемой к изданию в конце 2022 г.

Ключевые слова: Лобанов-Ростовский, дипломат, Александр II, Александр III, Николай II, история дипломатии, меценатство

Для цитирования: Федорова Е.С. Дипломат, стратег, разведчик, историк — на службе России. Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 3. — С. 83–106. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-83-106>

Philosophical essay

THE DIPLOMAT, STRATEGIST, INTELLIGENCE OFFICER, HISTORIAN — IN THE SERVICE OF RUSSIA. PRINCE ALEXEY B. LOBANOV-ROSTOVSKY

Ekaterina S. Fedorova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ledentu@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the life and various aspects of the activities of the outstanding diplomat Prince Alexey B. Lobanov-Rostovsky (1824–1896). The name of Lobanov-Rostovsky was not mentioned in literature until the first decade of the 21st century. Then Lobanov began to be remembered thanks to the efforts of his descendant Prince Nikita D. Lobanov-Rostovsky who initiated a number of studies about the prominent diplomat. A fundamental monograph on Prince Lobanov-Rostovsky has now been prepared. His international activity as Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary took place at the most difficult political points at that time — twice in Constantinople (1859–1863; 1878–1879), as well as in London (1879–1882) and Vienna (1882–1895). He always managed to solve the most pressing problems of his time using skillful diplomatic tools. He received the post of Deputy Minister of the Ministry of Internal Affairs during the challenging period of restructuring of social and public institutions in Russia. It was the era of the so called *Great Reforms* of Emperor Alexander II. By offering him this position, the emperor took into account Prince's intellectual scale, strategic foresight and tactical flexibility. During 11 years of activity in this field (1867–1878), Prince Lobanov-Rostovsky often performed the duties of a minister. During this time, the legal norms of the state and its relations with society significantly improved. In 1870, Alexey B. Lobanov-Rostovsky received the honorary position of State-Secretary of His Imperial Majesty, that is, the emperor's personal speaker, the position he held until the end of his life. Both Emperor Alexander II and Nicholas II treated Lobanov-Rostovsky with special warmth. Lobanov-Rostovsky managed to conclude the Russian-Turkish final Peace Treaty of 1879, which put an end to the war between Russia and Turkey. This agreement gave Russia significant moral and material results and marked the beginning of the autonomous Principality of Bulgaria, that led to Bulgarian statehood. Lobanov-

Rostovsky's work as Foreign Minister for 18 months (1895–1896) brought Russia fruitful results on the world stage and was highly appreciated both in Russia and in the world. The article talks about the different sides of the prince's extraordinary personality. A true polymath, proficient in the Russian antiquity, he became a bibliophile, collector, genealogist and historian. He carefully commented on the historical documents he discovered and for 14 years (1871–1885) systematically published in special historical journals. The article examines the memoirs of contemporaries about the diplomat, as well as the latest research about him.

Keywords: Lobanov-Rostovsky, diplomat, Alexander II of Russia, Alexander III of Russia, Nicholas II of Russia, history of Russian diplomacy, diplomatic culture, philanthropy

For citation: Fedorova, E. S. (2022) 'The Diplomat, Strategist, Intelligence Officer, Historian — in the Service of Russia. Prince Alexey Borisovich Lobanov-Rostovsky', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(3), pp. 83–106. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-83-106>

В течение столетия имя крупнейшего российского дипломата почти не упоминалось. Его потомок, князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский инициировал серию исследований о своём предке, в том числе и фундаментальную монографию «Кузнец внешней политики князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский. Дипломат, министр МИД, генеалог, историк, коллекционер», которую мы ожидаем в конце 2022 г. в московском издательском доме ЯСК. Потому начнём с его пояснений:

«Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский служил министром иностранных дел полтора года. За это время он получил оценку императора Николая II и общества как лучший министр иностранных дел Российской империи. Так чем же он так сильно отличился от своих коллег? Алексей Борисович, как интеллектуал, был государственным стратегом, наподобие Амира Тимура, сочетавшего возможности военной и дипломатической стратегии.

Он предпринимал реальные шаги в действительности только после того, как имел в наличии все необходимые критерии для их выполнения, и предвидя последствия этой деятельности.

Таланты его многогранны — Лобанов был и разведчиком, посланным на тайные переговоры с Наполеоном III в Париж под псевдонимом мещанина Рубинштейна, а

также был руководителем похищения болгарского архиепископа Иосифа Сокольского и его удержания в монастыре России за то, что тот собирался вовлечь Болгарию в унияство.

Князь был и генеалогом, и историком, подлинным «героем интеллектуального труда», но и человеком, равнодушным к дамскому обществу, живым и страстным.

Много полезного можно узнать, читая о жизни и деятельности этого исключительного государственного мужа, служившего на благо России!

Вниманию читателя мы предлагаем издание, материалы которого в основном публикуются впервые и которые включают:

- Воспоминания современников о разных сторонах личности и деятельности Алексея Борисовича.
- Многоаспектные исследования последних лет, посвящённые итогам и исторической оценке различных периодов в работе Лобанова-Ростовского.
- Собрание исторических публикаций Лобанова в научной периодике последней трети XIX в.¹

I. ФИГУРА МИРОВОГО ЗНАЧЕНИЯ

Августовским утром 1896 г., выйдя из царского поезда, по приглашению императора Николая II подышать воздухом на станции, министр иностранных дел Рос-

¹ Архив автора.

сийской империи князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский упал и менее, чем через час, скончался.

«Одного уже единодушия сожалений, раздающихся во всех концах мира, было бы достаточно, чтобы понять значение потери, понесённой нашей страной», — пишет А. Уманский, биограф многих великих деятелей России, постоянный автор словарных статей самого полного многотомного издания биографий — словаря А.А. Половцева². В планируемом к выходу научном издании, в Разделе II, предполагается поместить «Некролог А.Б. Лобанова-Ростовского». Текст значительно выходит за рамки собственно некролога, а представляет собой систематический обзор мирового резонанса на смерть Лобанова и оценку его деятельности в отечественной и зарубежной периодике, даёт и обзор в целом расстановки международных сил и их отношений к России. Ибо Лобанов для такого анализа — уникальная фигура, столь значительная, что по откликам международного сообщества на его уход можно судить об истинной расстановке сил в современном для того момента мире. Приведём свидетельства:

«Алексей Борисович Лобанов-Ростоцкий принадлежал к школе тех старых бояр-дипломатов, которые с екатерининского времени сделались у нас довольно редкими. Сильные волей, знающие с детства страну свою, обогащённые разносторонним европейским образованием, опирающиеся на прочные наследственные связи, они не боялись того, что о нас скажет Европа, и сознавали, что великой стране должны неотъемлемо принадлежать великие задачи и право на великое существование в среде других европейских держав.

(...) Во время его заведывания иностранными делами «отношения держав» утратили острый характер и приняли более дружественную форму. Положение, принятое Россией в японско-китайскую войну, устранило опасность крупных стол-

кновений, а сдержанное отношение к армянским и критским делам, грозившим осложнениями всей Европе, останется памятником этой миролюбивой политики. (...)

Главное «державная воля» (...) Совершенно справедливо; но ведь исполнители державной воли бывают различны, и самые благие намерения при дурных исполнителях приводят иногда (...) хотя бы к Берлинскому трактату. (...)

Дипломатия, прежде всего, искусство и искусство очень трудное (...) князь А.Б. Лобанов был художником-дипломатом, он умел извлекать из этого искусства такие эффекты, что старый Бисмарк, внимательно следящий за всем происходящим в Европе, признал его за истинного мастера своего дела. (...)

В области славянского вопроса неизменно преследовал идею братского сближения и полной солидарности России с родственными нам по крови и по духу племенами. В этом смысле он энергично действовал на пользу благополучного завершения болгарского вопроса и способствовал тому, что сделанный Болгарией шаг к примирению был сочувственно принят Россией, и братские узы снова закрепились»³.

II. РОД ЛОБАНОВЫХ-РОСТОВСКИХ

«Лобанов-Ростовский происходил из рода удельных князей Ростовских, первым из которых был Василько, сын Владимирского великого князя Константина Всеволодовича (1185—1219). Потомок князя Василька, в восьмом колене, князь Иван Александрович Ростовский, носил прозвище Лобана и был родоначальником князей Лобановых-Ростовских. Праправнук его, князь Иван Иванович (по прозвищу *Козий Рог*), подписался на грамоте об избрании Михаила Феодоровича на царство. Старший его сын, тоже князь Иван Иванович, был боярином, а внук, князь Яков

² Уманский А.М. «Прославленные деятели». Русский министр иностранных дел князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский. — Санкт-Петербург: Типолиитография М. Пайкина, 1898. — С. 7.

³ Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский. Некролог // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. — 1896. — Т LXVI. — С. 308—311.

Иванович (ум. 23 Мая 1732 г.), комнатным стольником царей Федора, Иоанна и Петра Алексеевичей, а впоследствии, майором лейб-гвардии Семёновского полка.

Этот князь Яков Иванович⁴, в первой четверти XVIII в., оставался почти единственным представителем рода князей Лобановых-Ростовских. Он был женат два раза и имел 28 детей», — так начинает своё повествование Владимир Александрович Теплов, ближайший соратник Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского — 1 секретарь русского посольства в Турции⁵.

Генеалогические связи

Алексей Борисович — потомок *старшей* ветви князей Лобановых-Ростовских. Дед Алексея Борисовича — генерал-майор Александр Иванович Лобанов-Ростовский (1754–1830). Все ныне существующие Лобановы-Ростовские — потомки Александра Ивановича.

Александр Иванович — старший сын лейб-гвардии ротмистра Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского (1731–1791) и Екатерины Александровны, ур. княжны Куракиной (1735–1802).

А дед Александра Ивановича — назывался князь Иван Яковлевич *старший* (1687–1840) — то есть старший сын князя Якова Ивановича (1660–1732). Потому эта ветвь князей Лобановых-Ростовских доселе называется старшей.

Младший брат Александра Ивановича — Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский (1758–1838) — заметная фигура как на поле военных действий, достигший звания генерала от инфантерии (т.е. пехоты), на одну ступень ниже генерала-фельдмаршала, позволявшего его обладателю руководить крупными военными объединениями, так и государственный муж — министр юстиции, и член Государственного совета. Однажды двоюродный дед Алексея Борисовича успешно проявил дипломатический талант, за что его прозвали «Князь Мира»,

и он был награждён императором Александром I орденом Александра Невского. Любопытная родственная преемственность, военного генерала Дмитрия Ивановича Лобанова-Ростовского в 1807 г. император Александр I посылает на дипломатические переговоры с Наполеоном I в Тильзит — и переговоры завершаются успешно. Алексей Борисович Лобанов-Ростовского через полвека, в 1856 г., император Александр II отправляет подготавливать примирение с Наполеоном III, и эти тайные переговоры увенчались успехом [Федорова, 2020: 175–183].

Отец Алексея Борисовича — Борис Александрович Лобанов-Ростовский (1794–1863) штабс-ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, позже камергер, действительный статский советник и обер-прокурор 6-го департамента Правительствующего Сената. Супруга, его, Олимпиада Михайловна, ур. Бородина, из небогатого, но старого дворянского рода.

Старший брат героя нашей книги — Михаил Борисович Лобанов-Ростовский (1819–1958) — военный, участник Кавказской и Крымских войн, но и философ, окончивший философский факультет Московского университета, публицист, посвящавший исследования вопросам экономики, политики, истории, близкий приятель М.Ю. Лермонтова, оставивший о нём воспоминания [Лобанов-Ростовский, 2010: 370–373].

«С юношеским жаром...»

«С юношеским жаром отдаваясь всем существом своим работе на пользу отчизны, князь Лобанов не щадил на то ни физических, ни духовных своих сил»⁶, — пишет Теплов. Вид холодности и замкнутости, который князь принимал на себя при посторонних, обманывал лишь недальновидных. Лобанов проявлял, — говорит В.А. Теплов, — «всегдашнюю сдержанность, ко-

⁴ Яков Иванович Лобанов-Ростовский (1660–1732).

⁵ Теплов В.А. Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский. Биографический очерк с приложением портрета и вида родового дома в Москве, исполненных гелиографией. — Санкт-Петербург: Тип. А. Бенке, 1897. — С. 1–2.

⁶ Там же, с. 85.

торая была в его характере, и от которой он отрешался не сразу, а по мере самого тщательного изучения приближавшегося к нему человека. Зато, когда его сдержанность исчезала, тогда можно было видеть, до какой степени, под внешнею холодною оболочкою, был он сердечен, добр и неизменен в своих привязанностях»⁷.

**Потомок:
Никита Дмитриевич
Лобанов-Ростовский**

Князь Алексей Борисович Лобанов был горячей натурой и в исполнении любимых им дипломатических обязанностей, и на постах министра иностранных дел и замминистра внутренних дел во времена Великих Реформ императора Александра II, и в сердечных своих привязанностях. Не могу не заметить, что те же качества в высшей степени передались ему родственнику, геологу, общественному деятелю и меценату Никите Дмитриевичу Лобанову-Ростовскому. Всякому, кто знает его близко, ведомо, что он полон кипучей энергией, которая всегда завершается конкретным и воплощённым делом. А под маской хладнокровия скрываются глубокие чувства. Одним из предприятий Никиты Дмитриевича, которому он со всем жаром и настойчивостью содействовал и финансировал, и стало данное издание.

Скажем несколько слов об этом известном российском общественном деятеле. Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский так же, как и дипломат Алексей Борисович, — потомок Александра Ивановича Лобанова-Ростовского, то есть *старших* Лобановых. Никита Дмитриевич — шестое колено от него.

Алексей Борисович — двоюродный брат прадеда Никиты Дмитриевича, ротмистра гвардии Николая Алексеевича Лобанова-Ростовского (1826–1887).

Родился Никита Дмитриевич в 1935 г. в Софии. Дедушка и бабушка Лобановы-Ростовские, вынужденные бежать после революции, в 1922 г. выбрали Болгарию как православную славянскую страну (дед, И.Н. Лобанов-Ростовский, стал церковным старостой софийского собора Ал. Невско-го). В годы репрессий, в 1948 г., отец Н.Д. Ло-

банова-Ростовского был расстрелян, а его мать и он (в возрасте 11 лет) попали в тюрьму. Детство и отрочество его было полно лишений, но вопреки обстоятельствам Лобанову-Ростовскому удавалось хорошо учиться, заниматься саморазвитием; он был пионером и комсомольцем, серьёзно изучал минералогию и стал чемпионом Болгарии по плаванию в стиле брасс.

В 1953 г. с помощью дяди, Н.В. Вырубова, брата матери (доброволец армии де Голля и личный друг генерала де Голля, герой войны и кавалер высших орденов Франции), работавшего после войны в ООН, а также писателя и в то время дипломата в Болгарии Ромена Гари Лобанова-Ростовского вместе с матерью удалось переправить в Париж.

С 1954 по 1958 гг.: учеба в Оксфордском университете (специальность: геология). В 1960 г.: учеба в Колумбийском университете (магистр экономической геологии); работа преподавателем на кафедре минералогии; геологические экспедиции. С 1961 по 1963 гг.: учеба в Высшей школе бизнеса при Нью-Йоркском университете, совмещавшаяся с работой в банке. Прошёл все ступени банковского работника. В 1967 г.: помощник вице-президента компании «Пруденшиал». В 1970 г.: вице-президент и заведующий отделением по Европе, Африке и Ближнему Востоку в «Уэллс Фарго банк». В 1987 г.: работа в алмазной компании «Де Бирс». Лобанов-Ростовский постоянно содействовал устойчивому положению СССР, помогая получать займы у тех банков, где занимал руководящие должности.

С 1954 г. Лобанов-Ростовский начал собирать русскую театральную-декорационную живопись Серебряного века, сохранив для культуры 150 имен русских художников-эмигрантов. Собрание Нины и Никиты Лобановых-Ростовских считается лучшей частной коллекцией театрально-декорационной живописи в мире.

С 1970 г. Лобанов-Ростовский постоянно дарит художественные произведения и исторические документы своему Отечеству. В России регулярно проходят выставки из его коллекции: в 1988 г. — первая выставка в Музее изобразительных искусств

имени А.С. Пушкина; последние значительные выставки в 2015–2016 гг. — «Прорыв» в Театральном музее имени А.А. Бахрушина, Москва; в 2019 г. — «К 110-летию Театрального музея Петербурга».

Среди реализованных инициатив Н.Д. Лобанова-Ростовского: Памятник героям Первой мировой войны в Москве на Поклонной горе и Памятник Народного единства в Севастополе.

Дары Н.Д. Лобанова-Ростовского — в ГМИИ имени Пушкина, РГАЛИ, Доме русского зарубежья, Музее Цветаевой, Музее личных коллекций, Театральном музее Бахрушина в Москве, Театральном музее в Петербурге, Резиденции российского посла в Париже, Резиденции Посольства РФ в Лондоне, Музее-заповеднике «Ростовский кремль» и пр. За рубежом на мировых аукционах и в музеях Лобанов-Ростовский известен как видный пропагандист русского искусства, в частности является пожизненным членом Метрополитен-музея. В 2015 г. он стал почётным академиком Российской академии художеств. А с 2003 г. Лобанов-Ростовский — сооснователь Международного совета российских соотечественников, долгие годы — первый заместитель председателя совета; ныне действительный член совета. Истории поразительных поворотов судьбы князя, его воспоминания, статьи, интервью с ним Никита Дмитриевич публикует в цикле хроник «Рюрикович» [Лобанов-Ростовский, 2015, 2017, 2020].

Судьба родового московского дома Алексея Борисовича

Алексей Борисович Лобанов-Ростовский родился в Москве, в «доме славянофила Хомякова», который купил отец дипломата, — это дом № 7 на Собачьей площадке. И дома, и Собачьей площадки, к глубокому огорчению москвичей, уже не существует. Ныне на этом месте проходит Новый Арбат. О московском детстве и формировании ин-

тересов и вкусов Алексея Борисовича рассказано в очерке самого близкого ему сотрудника и единомышленника, дипломата, историка и публициста Владимира Александровича Теплова⁸. Обращаем внимание читателя на Раздел II готовящегося «Современники о А.Б. Лобанове-Ростовском». Должны добавить, что в 1920–1929-е гг. в доме на Собачьей площадке располагался музей «Дом дворянского быта 1840-х гг.». Видимо, ещё хорошо сохранялась обстановка и дух частной дворянской жизни, так что в 1929 г. ревизионная комиссия вынесла решение: впечатление от высоко культурной жизни этих людей «подавляет» отрицательное отношение к дворянству. Музей закрыли, директора арестовали. Но дом удивительным образом вновь стал приютом высокого искусства — его передали Музыкальному училищу имени Гнесиных⁹.

III ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В XX в. Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского (1824–1896) почти не вспоминали, в научных исследованиях упоминали считанные разы. На исходе первого десятилетия XXI в. стали появляться публикации, где ему было посвящено несколько страниц [Романюк, 2009].

В 2010 г. вышла книга Н.Д. Лобанова-Ростовского «Эпоха. Судьба. Коллекция», куда — среди других историй о его предках — впервые вошли сведения о деятельности и личности А.Б. Лобанова-Ростовского [Лобанов-Ростовский, 2010: 374–378].

Этапы карьеры

Алексей Лобанов стал «выпускником Царскосельского лицея со второю [малой] золотой медалью»¹⁰. Надо отметить, что к концу его обучения лицей переехал из Царского села в Петербург и стал называться Александровский, так что формально А.Б. закончил последний.

Несомненно, князь занимает почётное

⁷ Там же, с. 88.

⁸ Там же, с. 3–4.

⁹ Хорватова Е. Гибель Собачьей площадки // Livejournal. — 2013. — 27 окт. — URL: <https://eho-2013.livejournal.com/179334.html>

¹⁰ Теплов, с. 5.

место в ряду самых замечательных государственных деятелей России, управлявших Министерством иностранных дел. В возрасте всего лишь 35 лет он был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Константинополе (1859–1863 гг.). И, как утверждали его биографы-современники, на протяжении всей службы Лобанова его посылали в самые острые и тревожные «дипломатические точки».

После перерыва, о котором расскажем ниже, Лобанов был назначен гражданским губернатором г. Орла (1866–1867). Затем в течение 11 лет Алексей Борисович был товарищем (заместителем) министра иностранных дел, иногда исполняя и должность министра (1867–1878). Надо отметить, что и это поприще в эпоху т.н. «Великих реформ» в царствование императора Александра II было столь же «острой точкой», в результате них значительно расширились рамки развития капитализма и изменились в лучшую сторону правовые нормы государства и его взаимоотношения с обществом. Алексей Борисович занимался преимущественно реформой «следственной части», губернских учреждений и городского устройства.

Затем Лобанов служил Чрезвычайным и Полномочным Послом в Константинополе (1878–1879 гг.), Лондоне (1879–1882 гг.) и Вене (1882–1895). 26 февраля (10 марта) 1895 г. был призван Императором Николаем II на пост министра иностранных дел.

Итак, министр иностранных дел (1895–1896); камергер; сенатор; действительный тайный советник, статс-секретарь.

Статс-секретарь.

Особые взаимоотношения с царской семьей

Задолго до поста министра, в 1870 г., Алексей Борисович получает почётную должность «статс-секретаря Его Императорского Величества», то есть личного докладчика императора, которой обладал во-

все не каждый министр, а очень немногие. Статс-секретарём назначались только по личному «высочайшему усмотрению» государя. Эта должность предполагала личные взаимоотношения с императором, да и с царской семьей. И император Александр II, и Николай II с особым теплом относились к Лобанову-Ростовскому. Несмотря на проiski завистников вполне оценивал дарования Лобанова и император Александр III, благодаря его искусству дипломатии, «наперекор старым преданиям, сблизился с республиканскою Францией, установив с нею дружественный связи»¹¹.

Но с особым, мы бы сказали, семейным теплом, относился к Лобанову император Николай II, чему мы имеем свидетельства. Он ставил внезапную смерть Лобанова в ряду своих самых крупных роковых неудач, как считал государственный деятель, губернатор, и сенатор, впоследствии эмигрант Петр Стремухов: «— Что Вы хотите, господин посол, мы русские и, следовательно, суеверны. Но разве не очевидно, что Государь предопределён для катастроф?»

Затем Н. перечисляет все неудачи, преследовавшие Государя: Ходынка, утопающий на его глазах в Киеве пароход с тремястами зрителей, *смерть в его поезде любимого министра Лобанова*. Желая иметь Наследника, он последовательно имеет четырёх дочерей, а когда, наконец, Наследник появляется на свет, то он оказывается больным неизлечимым недугом» [Стремухов, 2017: 315].

О печали августейшей семьи сообщает и министр финансов С.Ю. Витте, называя уход Лобанова «роковым» и полагая, что не случись его, Лобанов «не допустил бы многих событий в нашей политике, которые так плачевно окончились»¹². И это при том, что отношения между Витте и Лобановым нельзя было назвать безоблачными.

Через 2 дня после внезапной смерти Лобанова, случившейся 18 августа по ст.ст. в поезде на пути в Киев, 20 августа по ст.ст. произошло освящение Владимирско-

¹¹ Там же, с. 55.

¹² Витте С.Ю. Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания: В 3 т. Т.1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 1. — Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. — С. 462.

го собора в Киеве. Художник Нестеров пишет:

«На другой день в 9 ч. мы были в соборе. К 10 ч. приехал митрополит, вел. князь, министры и проч. Ровно в 10 звон колоколов оповестил о прибытии государя и государыни. Они прошли в предшестве Владыки. Государь грустный и бледный, грустна была и государыня. Она, говорят, много плакала перед тем по кн. Лобановой-Рост[овской]; а государь будто бы сказал: «Не везёт мне!»»¹³.

В данном контексте расшифровка записи художника Нестерова выглядит безусловно опечаткой. Конечно, следует читать: *по кн. Лобанову-Рост[овскому]*. К тому же в августе 1896 г. никакая Лобанова-Ростовская не ушла из жизни.

В связи с трауром царской семьи по Лобанову иллюминацию в честь приезда государя в Киев отменили, как сообщает В.А. Теплов¹⁴.

Приведём ещё мнение князя Дм.Дм. Оболенского, предводителя дворянства и шталмейстера двора Александра II, писавшего в эмиграции интересные исследования об эпохе имп. Николая II.

«Состав русского правительства вовсе не был плохим при Николае II, и в общем выдающихся сотрудников он находить умел. Русское правительство при нём было не хуже, чем при его предшественниках, и часто лучше, чем в западноевропейских государствах с их парламентаризмом или без парламентаризма. *Такие министры иностранных дел, как кн. А.Б. Лобанов-Ростовский, А.П. Извольский, С.Д. Сазонов и Н.Н. Покровский, встречаются не каждый день, им завидовали и в Англии, и во Франции, и в Германии. Их политика была удачной, иногда даже блестящей...*» [Оболенский, 2017: 119].

Войну с Японией неизменно и до сих пор ставят на счёт Николаю II, утверждая, что он является её виновником. Так пишется история. Можно и в самом деле поду-

мать, что Россия объявила войну Японии, по крайней мере послала в своё время вызов. Между тем, как известно: Япония бросилась на Азиатский материк ещё в 1894 г., за десять лет до войны с Россией напад на беззащитный Китай, захватив Корею и Квантунг и создавая угрозу нашему, тогда вовсе беззащитному Дальнему Востоку. Могла ли Россия остаться к этому безучастной? Россия выступила против Японии и выступила не одна, но в союзе с Францией и Германией (при противодействии Англии). *Этот союз также был идеей Императора Николая II. В то время он имел у себя блестящего помощника — министра иностранных дел кн. Лобанова-Ростовского, сменившего бесцветного Н.К. Гирса. Князь Лобанов сумел объединить, казалось, не объединимое: Германию с Францией, и направить это объединение на пользу России. Соединенный флот (под командой русского адмирала) принудил Японию (без объявления ей войны и без боевых действий) прекратить войну с Китаем и пойти на уступки. Японию не допустили тогда на материк. Ей пришлось удовольствоваться островом Формозой и контрибуцией (с Китая)»* [Оболенский, 2017: 149].

Впервые публикуем единственное систематическое исследование

И.С. Кушнарева

Единственное систематическое исследование 2008 г., всесторонне охватывающее деятельность дипломата, до настоящего издания существовало «на правах рукописи», как диссертационное сочинение¹⁵. Оно написано в жанре «научная биография»

Привлекая обширный корпус разнообразных документальных свидетельств, в том числе, архивы МИД, исследователь убедительно показывает достижения дипломата, заполняя «пустые страницы» историческим документальным материа-

¹³ Нестеров М.В. Письмо А.А. Турыгину от 28 августа 1896 г. // М.В. Нестеров. Письма. — Москва: Искусство, 1988. — С. 145.

¹⁴ Теплов, с. 96.

¹⁵ Кушнарев И.С. Жизнь и государственная деятельность А.Б. Лобанова-Ростовского: 1844-1896 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Кушнарев Иван Сергеевич; [Место защиты: Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского]. — Саратов, 2008. — 247 с.

лом, впервые представленным, и конкретно иллюстрируя, какие черты личности и характера дипломата способствовали успешному решению сложных вопросов. В этом смысле исследование можно назвать учебным пособием для современных дипломатов.

Окончательный мирный договор 1879 г. разработал и подписал со стороны России А.Б. Лобанов-Ростовский

До сих пор остаётся малоизвестной деятельность А.Б. Лобанова-Ростовского по заключению окончательного Русско-турецкого мирного договора 1879 г. Этот договор дал России значительные моральные и материальные результаты. Также договор положил начало автономному княжеству Болгарскому, то есть дал жизнь болгарской государственности.

Особое место в данном издании, Раздел III, уделяем до сих пор замалчиваемой роли А.Б. Лобанова-Ростовского в успешном подписании окончательного Константинопольского мирного договора с Турцией, в результате чего образовалось независимое болгарское государство.

Издание «Всемирная иллюстрация», в 1878 г. посвятив дипломату очерк и опубликовав его портрет, писало:

«В первое своё пребывание в Константинополе князь Лобанов-Ростовский отличался *примирительным образом действий* и умел заслужить общее расположение, а потому в дипломатических кружках надеются, что назначение его послом в Константинополь будет способствовать сближению России с Портою»¹⁶.

Н.Д. Лобанов-Ростовский инициировал дискуссию по поводу роли окончательного мирного договора с Турцией в Доме русского зарубежья¹⁷. Свои соображения высказали историки, общественные деятели, журналисты, как с российской, так и болгарской стороны (в частности, Румен Пет-

ков, председатель партии «Альтернатива болгарского возрождения»). Дискуссии посвящён III Раздел будущей книги, где будет опубликован и полный текст договора.

Н.Д. Лобанов пишет:

«Война 1877–1878 гг. между Россией и Турцией — явление большого международного значения. Она, во-первых, велась из-за восточного вопроса, тогда чуть ли не самого взрывоопасного из вопросов мировой политики, и, во-вторых, завершилась европейским конгрессом, который перекроил политическую карту в регионе, тогда едва ли не самом «горячем», в «пороховом погребе» Европы, как говорили о нём дипломаты.

Война была вызвана подъёмом национально-освободительного движения на Балканах и обострением в связи с этим международных противоречий. Результатом войны стало освобождение балканских народов от Османского владычества, обретение независимости Сербией, Румынией, Черногорией, формирование болгарской государственности.

Эта война стоила России 140 000 убитых и 60 000 раненых. Зато 140 лет тому назад была заложена основа современной Болгарии...

80 лет тому назад я пел эту песню в детской школе в Болгарии.

От Черного моря до озера Охрид

От Дуная до Эгейского моря

Проживает единый народ.

Эти слова из текста Сан-Стефанского мирного договора (13.02.1878), который был подписан через три недели после соглашения о прекращении огня 19-го января. Этот договор был неприемлем для Англии из-за того, что он давал России влияние на берегах Босфора и Дарданелл. Англия потребовала встречи в Лондоне 18-го мая 1878 г. для обсуждения договора. В результате Сан-Стефанский договор был сильно изменён, включая потерю Болга-

¹⁶ Князь А.Б. Лобанов-Ростовский, русский посол при турецком дворе // Всемирная иллюстрация. — 1878. — 3 июн. (№ 491). — С. 1.

¹⁷ Константинопольский мирный договор 1879 г. Круглый стол к 140-летию заключения Константинопольского мирного договора. Дом русского зарубежья. Москва. 8 февраля 2019 г. Публикация Н.Д. Лобанова-Ростовского. Лондон, апрель 2019.

рией две трети своей намеченной территории.

Соглашение между Россией и Англией вошло в обсуждение на Берлинском конгрессе (июнь – июль 1878 г.). Спустя 8 месяцев (08.02.1879) был подписан Константинопольский мирный договор. За Россию подписал мой родственник Алексей Борисович Лобанов-Ростовский, который был в 1878–1879 гг. чрезвычайным и полномочным послом в Константинополе при султане Абдул-Хамиде II, с турецкой стороны договор был подписан оттоманским министром иностранных дел Александром Каратеодори-пашой и Али-пашой, министром, председательствующим в Государственном совете.

На основании этого договора было основано автономное Княжество Болгария и 16 апреля 1879 г. была создана первая болгарская конституция.

Заслуга Лобанова-Ростовского заключается в том, что он успешно провёл переговоры в пользу болгар по выработке договора. Он включил в него статьи, которые не подлежали рассмотрению на Берлинском конгрессе 1878 г. Он также закрепил замену условий Берлинского трактата статьями Сан-Стефановского договора (1878), которые были отменены и заменены на Берлинском конгрессе. Ему это удалось, ибо он пользовался доверием и уважением султана Абдул-Хамида, основанные на их близкой дружбе, установленной во те времена, когда Абдул-Хамид был престолонаследником, а Лобанов-Ростовский — молодым послом в Константинополе»¹⁸.

IV ЛИЧНОСТЬ И УВЛЕЧЕНИЯ

Искусство и полнота жизни

Известно, что Алексей Лобанов с юных лет проявлял артистические способности и участвовал в лицейских театральных постановках [Кобеко, 2008: 339]. Однаж-

ды актёрское дарование прямо помогло достигнуть успеха в тайных переговорах с Францией, когда Лобанову удалось органично войти в роль — в качестве «нелегала-переговорщика» проникнув в страну в обличье «мещанина»:

«Выдающиеся способности молодого дипломата были замечены, и об нём составилось столь выгодное мнение, что когда после Крымской кампании в 1856 г. стали обнаруживаться признаки желания императора Наполеона¹⁹ примириться с Россией, князь Алексей Борисович был послан с секретным поручением в Париж, куда он приехал под именем мещанина Рубинштейна, и вместе с Саксонским графом Зеебахом вёл тайные предварительные переговоры о мире, чем подготовил почву к окончательному соглашению»²⁰.

С воодушевлением относился князь к истории угасших родов, к сохранению памяти о старинных дворянских семействах, вылившаяся в генеалогические этюды.

Выработав в себе привычку к сосредоточенным каждодневным занятиям — служебным или научным, Лобанов обладал и «умением жить», часто посещал художественные выставки, антикварные салоны, домашние спектакли, слушал итальянскую музыку, цыганское пение, любил присутствовать в собраниях, посвящённых старине, и вёл оживлённые беседы, ей посвящённые, поражая собеседников эрудицией и пониманием сущности явлений. Наконец, участвовал в медвежьей охоте или любил отдыхать на курортах Франции. Он умел любить и дружить. Как известно, всё бросил к ногам возлюбленной, решительно пойдя на грандиозный скандал ради чувства к жене французского посла в Турции Жюльетт де Буркне. Алексей Борисович, как оказалось, обладал достоинством и твёрдостью принять поворот судьбы — вспыхнувшее обоюдное чувство, умел оградить и уважать свою личную жизнь в

¹⁸ Кузнец внешней политики князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский. Дипломат, министр МИД, генеалог, историк, коллекционер». — Москва: Изд. Дом ЯСК, 2022. (Рукопись).

¹⁹ Наполеон III, Шарль Луи (1808–1873), племянник Наполеона, первый президент Второй Французской республики и последний монарх Франции — Второй империи.

²⁰ Теплов, с. 6.

той же мере, в какой имел силу воли и профессиональную честь, чтобы успешно отстаивать интересы Отечества. Счастливые влюблённые провели три года в уединённой вилле Лобанова во Франции. А затем её постигла ранняя смерть.

Потеряв Жюльетт, Лобанов не предал своё чувство и этот странный период своей жизни вспоминал благодарно. Забегая вперед, скажем — прожил он, начиная с бегства с возлюбленной, случившееся в 1863 г., «тридцать лет и три года». Три года было отмерено Алексею Борисовичу дышать радостью любви, а тридцать затем — вновь служить, служить, служить. Он увлекался, заводил романы, по некоторым сведениям, имел дочь от возлюбленной-француженки. Но узам брака он ни с кем не соединялся, жил холостяком...

Лобанов был в дружеских отношениях не только с замкнутым дипломатическим или аристократическим обществом, но и с художественной богемой. Неудивительны его дружественные отношения с людьми из совершенно разных кругов — от вел. Князя Владимира Александровича до писателя и секретаря Общества поощрения художеств Дмитрия Григоровича, автора «Гуттаперчевого мальчика», или критика Владимира Стасова, историка искусства и архивиста, человека весьма передовых взглядов на искусство того времени. Так, Стасов пишет художнику В.В. Верещагину:

«У меня был на этих днях Ваш брат Сергей раза 2, и потом уехал в Вологду, а сегодня утром я уже исполнил его желание и послал ему туда, *poste-restante*, рекомендацию к обоим губернаторам: вологодскому и архангельскому — *и притом рекомендацию очень хорошую, от товарища министра внутренних дел кн. Лобанова-Ростовского, моего хорошего знакомого*»²¹.

Князь хорошо разбирался в разнообразных вопросах. Так, например, в бытность свою заместителем министра внутренних дел ему пришлось разбираться с проблемой сектантства в России, весьма сложной,

небезопасной для настроений в обществе и имевшей глубокие корни в мировоззрении разных слоёв общества.

Или, его постоянное взаимодействие с предметами искусства заставило его так же хорошо представлять себе структуру, классификацию и особенности памятников искусства:

«В 1876 г. была образована особая комиссия при Министерстве народного просвещения для обсуждения и доработки проекта II Археологического съезда [по классификации памятников]. В её состав под *председательством товарища министра внутренних дел А.Б. Лобанова-Ростовского* вошли представители императорских академий (художеств и наук), «Известий Археологической Комиссии» и Синода»²².

Словом, князь умел жить разносторонней и полной разнообразных впечатлений жизнью, в любой сфере, к которой оказывался причастен, проявляя активное действие, при всей склонности к созерцательности исторического прошлого.

V. ОЦЕНКИ СОВРЕМЕННИКОВ. ФОРМУЛА ЛОБАНОВА

Раздел II нашего издания, как упомянуто, представляет собой собрание мнений современников о личности и деятельности Лобанова. Государственный секретарь А.А. Половцов даёт «формулу» поведения Лобанова-дипломата: «весел, радушен, ровен и твёрд в отношениях» [Половцов, 2005а: 323]. С Половцовым Лобанова связывают самые близкие и непринуждённые отношения, когда возможно уехать самому, оставив гостя у себя дома: «1887 г. 24 марта. Уезжаю в Париж, оставляя у себя гостить Лобанова» [Половцов, 2005b: 49].

Половцова интересует внутренний мир Лобанова и образ его мыслей. «1883 г. 24 мая. Вторник. Продолжительный разговор с Лобановым о том грустном положении, в котором находится управление нашими

²¹ Стасов В.В. — В.В. Верещагину. СПб, Надеждинск[ая], 9; 3 июля [18]76. // Переписка В.В. Верещагина и В.В. Стасова. Т. I. 1874 — 1878. / Под. ред. А.К. Лебедева. — Москва: ГИЗ «Искусство», 1950. — С. 119.

²² Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII — начало XX вв. — Москва, 1978. — С. 101.

внутренними и внешними делами. Самодержавие, о котором так много толкуют, есть только внешняя форма, усиленное выражение того внутреннего содержания, которое отсутствует. В тихое, нормальное время дела плетутся, но не дай бог грозу, не знаешь, что произойдет» [Половцов, 2005a: 108].

Как современно звучат эти слова сегодня. Несомненно, Лобанову была присуща смелость и независимость суждений, трезвый взгляд на окружение и двор, только высказывать он себе позволял это в кругу доверенных лиц, к которому, бесспорно, принадлежал Половцов, например: «1886 г. 16 марта. Завтракаю у Гагариных с Лобановым и Паленом. Воспоминания о прошедшем, и, разумеется, не в пользу настоящего. Поголовное нерасположение к Победоносцеву, обвиняемому в узкости взглядов, мелкоте поповских предвзятых страстишек...» [Половцов, 2005a: 441].

Лобанов предстаёт внутренне независимым человеком, упрямо проводящим свою линию, умевшим быть объективным при личной неприязни. Так, (1888 г. 18 марта), князь «очень недоволен ходом дел в нашем Министерстве иностранных дел, говорит, что если бы мы в болгарском вопросе стали (год тому назад) на ту точку, на которой стоим теперь, то не было бы никакого болгарского вопроса. Беда в том, что Гирс по своей бесхарактерности не пользуется никаким авторитетом в глазах государя. Лобанов при отсутствии всякой симпатии к берлинскому послу Шувалову сознаётся, что его назначение министром иностранных дел принесло бы пользу делу» [Половцов, 2005b: 99].

Считая роль императрицы Марии Федоровны в политике пагубной, он высказывал мнение о ней ближайшим друзьям, которым доверял, резко и прямо: «1889 г. 3 апреля. В 8 час. концерт окончился, и все отправились в так называемую арсенальную залу, где был накрыт стол на сорок приборов. Лобанов как старший сидел по правую руку императрицы, от коей не слышал ни единого путного слова. Какая глупая, бездарная женщина!» [Половцов, 2005b: 194].

Лобанов не боялся писать «неприятных» докладов: «1891 г. 29 ноября. О моём

друге Лобанове отзыв такой, что он опустил, равнодушен, ничего серьёзного не пишет. Я мог бы на это отвечать, что Лобанов не пишет, потому что, по его мнению, не стоит писать Гирсу, который никогда дельного слова не ответит.

Спрашиваю Шишкина, каким порядком составляются те выписки из иностранных газет, кои представляются государю. Ответ: «Занимающийся этим человек имеет от Гирса приказание не помещать ничего неприятного для государя для того, чтобы он не был в дурном расположении духа в те дни, когда Гирс имеет у государя всеподданнейший доклад» [Половцов, 2005b: 194].

Половцов уважал Лобанова прежде всего за то, что он не относится к чиновникам, «кои под внешним образованием имеют одну лишь заботу — устройство своих делшек всякого рода» [Половцов, 2005b: 473]. А также за его хорошее воспитание и умение держать себя так, что в любой стране к нему возникает симпатия высших особ: «1892 г. 8 апреля. Обед у Абазы в честь Лобанова. Обеды эти повторяются ежегодно, но участники в них всё сокращаются числом. На этот раз обедают Тимашев, Убри, Балашев, а из новых людей появляется Дурново, бывший плохим губернатором в те годы, когда Лобанов управлял Министерством внутренних дел. Из новых людей, во власти обретающихся, этот ещё может быть принят в обществе людей благовоспитанных, но у Филиппова, Витте, Вышнеградского, Островского такие ухватки, что их и в дворницкую еле пустить можно». [Половцов, 2005b: 474].

Теплов описывает жизнь Лобанова со знанием дела, у него не взгляд издалека, как у Карцова, который, видимо, в существо дел посвящён не был, и о воспоминаниях которого ниже, а взгляд очевидца. Именно Теплов, как первый секретарь посольства в 1878–1879 гг., привез в Петербург для ратификации окончательный русско-турецкий мирный договор, подписанный князем Лобановым. Его воспоминания, поэтому, обладают наибольшей ценностью. И надо сказать, что Теплов, при всём очевидном восхищении князем, вполне объективно рассматривает особенности его историче-

ских заметок, отмечая как скрупулезность, так и сухость, и необработанность до конца материалов. Надо отметить, что его воспоминания о князе Лобанове мы впервые публикуем — спустя 125 лет после первой публикации.

Почему мы в Разделе II среди других помещаем воспоминания явного антогониста Лобанова — Карцова? Взгляды этого человека, крайнего консерватора, кажутся нам предосудительными, недаром он был членом «Союза Михаила Архангела», как мы знаем, черносотенной организации. Он и вообще осуждал гибкую политику взаимодействия России с другими странами и культурами, считая, что призвание России — держаться обособленно. И поэтому, в частности, не мог приязненно относиться к успехам дипломатии Лобанова в сближении с Болгарией. Мы получаем подтверждение из уст близкого сотрудника Лобанова В.А. Теплова, почему мемуар Карцова выстроен не без негативного подтекста:

«Назначение князя Лобанова министром вызвало в своё время беспокойство партии славянофилов, опасавшихся, что, под влиянием долгого пребывания в чужих краях, он совершенно поддался западноевропейским взглядам на Славянский вопрос.

Не будучи славянофилом в общепринятом смысле, подразумевающим скорее задорный, наступательный характер, князь Лобанов ценил дружественные сношения со всеми славянскими народностями; но, будучи прежде всего истинно русским человеком, во всём и всегда ставил он на первый план интересы России, не забывая, что если и славяне имеют значение для России, то в тысячу крат большее значение имеет для славян сама Россия, одним фактом своего существования прикрывающая, как мощным щитом, самостоятельное развитие славянских народностей; ослабление же её неминуемо отразилось бы неблаго-

приятно на политических судьбах Славянства вообще»²³.

Карцов изощренно выстраивает свои воспоминания так, что нелцеприятные высказывания в адрес Лобанова он вкладывает в уста других людей. Карцов пытается обрисовать все недостатки князя. И высветить только их. В вину Лобанову ставится даже то, что его привлекали дамы, близкие ему по возрасту, а не молодые девицы. Это выглядит чрезмерным и неуместным для «дипломатических» воспоминаний. Но и название книги Карцова демонстрирует лукавство — «воспоминания политические и личные». Решительно всё не устраивает Карцова в Лобанове, ни его коллекционерство, ни его любовь к исторической детали и факту. Он ставит ему в упрёк даже то, что является главной целью дипломатии — «поддержание добрых отношений с державами запада и, конечно, на первом плане: с Австро-Венгрией и Германией»²⁴ или личную симпатию к первому князю автономной Болгарии, князю Александру Баттенбергу, и то, что последний высказывался о Алексее Борисовиче так же благосклонно: «Князь Лобанов это положительно перл русской дипломатии»²⁵. Во всех этих упреках Лобанову — скрытый намёк к якобы излишней приверженности Западу, что лаконично опровергает Владимир Александрович Теплов:

«Пребывание же его в те годы, когда ум отличается наибольшею впечатлительностью, в Москве с её памятниками седой древности, с её истинно русским духом, наваяло на него страсть к нашему историческому прошлому, заложило в нём прочное основание сознательной любви к своему отечеству. Он гордился быть русским, и это чувство нисколько не ослабело в нём потом, ни под влиянием широкой европейской образованности, ни от долговременного пребывания в чужих краях»²⁶.

²³ Теплов, с. 53.

²⁴ Карцов Ю. Семь лет на Ближнем востоке. 1879–1886. Воспоминания политические и личные. — Санкт-Петербург: Экономическая типолитография, 1906. — С. 12.

²⁵ Там же, с. 11.

²⁶ Теплов, с. 4.

Мемуарист Карцов допускает даже малозначимые непроверенные слухи, вложив в уста своих собеседников, как-то: что мать Лобанова была купчихой, оттого, мол, подчёркнутое высокомерие князя. На самом деле, мать его О.М. Бородина была из обедневшего, но вполне древнего дворянского рода. Или он утверждает явную ложь, например, что Александр III Лобанову не доверял и не быть бы ему министром, если бы не смерть императора. Это опровергается тем, что император предупреждал Лобанова, отправив его послом, что это последнее его пребывание за границей, ибо следующий его пост — министр иностранных дел, сообщает В.А. Теплов. И продолжает: сам Алексей Борисович «неоднократно называл себя лишь продолжателем политики Александра III»²⁷.

Итак, «отрицательный» портрет написан. И что же мы видим? — при всем желании даже у недоброжелателя Карцова не получилось выдать из тюбика своего яда ничего серьёзного, что бы могло опорочить фигуру князя-дипломата, кроме обычных житейских слабостей, присущих любому человеку. Например, «Человек тщеславный и snob от головы до ног»²⁸.

Лобанов умел быть разным. Как дипломат Карцов не мог не понимать, что сдержанность, замкнутость и отстранённость — необходимые качества для дипломата, если угодно, маска. Его холодность, нежелание пустить ни одного даже русского странствующего в стены русского посольства в Константинополе диктовалась осторожностью. Ибо, как пишет 1-й секретарь посольства Теплов: «Положение Русского посла в Царьграде и в обычное время крайне тяжелое, боевое. Город этот служит центром скрещивающихся всевозможных интриг иностранных представителей, все свои старания направляющих к противодействию или даже к искоренению русского влияния на Порту и к стремлению увлечь Турцию в Западноевропейскую орбиту, заполучив, конечно, в собствен-

ную пользу львиную часть всех выгод... и против такого-то единодушного натиска должен бороться русский представитель, почти всегда одинокий, никем не поддерживаемый. В то же время, он должен преодолевать ухищрения уклончивой и двоедушной политики Порты, самую свою слабость осуждённой на постоянный увёртки, в надежде, что никогда не прекращающееся взаимное соперничество между державами даст ей возможность как-нибудь ускользнуть от исполнения своих обязательств, на которые она так щедра на словах и даже на бумаге. При таких условиях, защита наших интересов в Турции и преследование наших исконных целей на Востоке, в связи с заботами, вытекающими из нашего, освящённого веками, покровительства единоверцам и единоплеменникам, налагают на русского посла при Султанах тяжкое бремя и требуют неослабного и крайнего напряжения всех умственных сил»²⁹.

Подобные мемуары противников, как Карцов, действуют наоборот. Наполненные негативными мелочами, они показывают, что мелочи — это и есть всё, что за душой мемуариста. Таким образом, утверждают в целом положительную оценку исторической фигуры Лобанова. Зато у нас есть живой образ князя, возможность вообразить себе эту своеобразную и уникальную личность, не оставяя среди безликих фигур в истории дипломатии.

Но даже Карцов не мог не признать успехов Лобанова в заключении Константинопольского мирного договора, подсознательно точно воспроизводя единственно возможную и правильную политику Лобанова: «Он не тормозил турок, как это делали другие послы, не возбуждал новых вопросов, а держался главных линий данных ему инструкций. Такою манерою приобрёл он расположение Султана Абдул-Гамида, как ни один посол, ни до, ни после него». Но как Карцов её своеобразно объясняет? Не дипломатическим умом и опыт-

²⁷ Там же, с. 55.

²⁸ Карцов, с. 175.

²⁹ Теплов, с.24–25.

ностью посла, а — «По своему ленивому индифферентному характеру, князь Лобанов как раз отвечал всеобщей потребности замирения»³⁰.

О, зависть, смешанная с чувством недосягаемости князя! Это явственно прорывается во фразе, когда увидел, в каком порядке следовала царская семья и кто был наиболее приближён: «ближайшие родственники Царя, а за ними, князь Лобанов и прочие *dii minores*³¹...»³².

На это мнение Карцова исчерпывающе ответил Теплов, назвав Лобанова «человеком, умевшим лишь распределять свой день, причём работа служебного характера чередовалась с научными занятиями»³³. Он отмечает: «ничто не было так противно складу его характера, как вмешиваться в мелочи: для главы посольства или министерства нужно, по его понятию сохранять за собою лишь общее руководство, намечать лишь главные штрихи, дающие ясное понятие об основной идее, которая никогда не должна теряться из виду; раскраска же фона и выписка деталей — это не дело министра, так как, поступая иначе, он неминуемо потонет в море подробностей и, из пристрастия к второстепенному упустит главное...»³⁴.

Мелководье мысли Карцова, приправленное недоброжелательностью, лишь оттеняют взгляд В.А. Теплова на те же события: «По окончании Русско-турецкой войны и восстановлении сношений с Портою, необходимо было послать в Константинополь опытного дипломата, в тонкости знакомого с Востоком и с особенностями дипломатической там деятельности, который в состоянии был бы распутать несколько узлов, составлявших наследие минувшей войны, изменившей все прежние соотношения как между Турцией и соседними с нею государствами, так и между народностями, населяющими Балканский

полуостров, где частью окончательно освободились, частью возникли новые политические организмы, со своими обособленными стремлениями. Для согласования всего этого с видами России требовалось воздействие мягкое по форме, но твёрдое по существу»³⁵.

Впрочем, и в некоторых других абсолютно положительных достижениях дипломатического искусства Лобанова Карцов ухитряется бездоказательно менять плюс на минус. Но при всей неприязни, сквозящей в очерке, Карцов находит в себе силы дать очень высокую оценку Лобанову-министру, подчеркнуть силу характера, «калибр», как он пишет, личности, достойной должности, неподкупность, утверждая князя «звездой первой величины» на дипломатическом небосклоне, — как Карцов имел обыкновение, не своими, а устами А.И. Нелидова. Замечает и что другие сотрудники посольства, которые ранее вели роскошную жизнь, при Лобанове «в своих расходах» вынуждены были «сократиться»³⁶. А было с кем сравнивать твердость Лобанова. А.А. Половцев в дневнике пишет: «Вечер с Лобановым, который захворал. Гирс не имеет мужества даже на то, чтобы показывать государю депеши Лобанова, когда они выражаются смело» [Половцов, 2005а: 98–99].

VI. ИСТОРИК

Генеалог, библиофил, коллекционер

Лобанов растёт в среде московских вельмож, увлекается их рассказами о старине, записывает их с детства. XVIII в. и эпоха императора Павла особенно вызывают у него интерес, его предки играли при дворе той эпохи видные роли. Так, дядя его прабабушки Екатерины Александровны Лобановой-Ростовской, ур. княжны Куракиной — граф Никита Панин — наставник

³⁰ Карцов, с. 9–10.

³¹ Младшие боги, лат.

³² Карцов, с. 237.

³³ Теплов, с. 54.

³⁴ Там же, с. 53–54.

³⁵ Там же, с. 23.

³⁶ Карцов, с. 30.

и воспитатель вел. князя Павла Петровича, отец же Екатерины Александровны, князь Александр Борисович Куракин был в силе при царице Анне Иоанновне. Лобанов начинает интересоваться родословными, их родственными переплетениями, ролью этих родов в стране и в мировых событиях. Он предается «уяснению родовых отношений высшего русского дворянства» потому, что оно «в то время играло первенствующую роль в политической и культурной жизни России»³⁷, — как пишет В.А. Теплов.

Несколько статей Лобанова в «Русском архиве» и «Русской старине», приведенных в нашем издании в будущем издании, демонстрируют тщательность генеалогической росписи Лобанова. Сказалось и благородство натуры Лобанова, он посвящал себя изучению угасших родов и для того, чтобы оставить память о тех, кого уже с нами не будет никогда. Желание выяснять родственные связи — характерная черта русского дворянства, особенно московского, дожившее даже до наших дней у сохранившихся по всему миру потомков. Думается, Алексей Борисович бескорыстно любил это занятие, был к нему душевно привязан — к византийской вязи бесконечных фамильных переплетений. Это было столь коренной привычкой дворянского бытия, что поэт Алексей Апухтин посвятил шуточное, пародийное, но в целом соответствующее правде стихотворение, в своё время очень известное и популярное; из уст в уста, как присказка, передавались первое и последнее четверостишие:

Иван Иванович Фандерфлит
Женат на тетке Воронцова.
Из них который-то убит
В отряде славного Слепцова...

И справками, в конце концов,
Одна лишь истина добыта:
Иван Иванович Воронцов
Женат на тетке Фандерфлита (1902 г.)

С такой же любовью собирал Алексей Борисович сведения о старинных родах торговых и промышленных, буквально по лоскуткам, ибо данных о них было гораздо меньше, чем о дворянских фамилиях. И не может сдержать исследовательской радости: «Я до того благодарен доброй старушке за генеалогические сведения, которые она нам передаёт, что готов ей верить во всём на слово и не справляться с канцелярским хламом...»³⁸.

История и современное общество

Не в последнюю очередь занятия историей, способность «жить среди фактов седой старины» воспитали в дипломате глубокое видение общественных событий современности. В силу понимания их последствий он занимал по отношению к текущему дню активную позицию и стремился укреплять позиции русского дворянства. В 1873 и в 1875 гг. Лобанов издает труд в 2-х томах «Русская родословная книга». Мы предлагаем читателю в V разделе настоящей публикации подробное исследование Антона Сергеева о генеалогических этюдах Лобанова.

Итак, из детской любви к истории вырастает интерес к книге, к генеалогии и геральдике, наконец, к коллекционированию не только печатных изданий, но и рукописей, портретов, монет.

Нумизматическая коллекция князя

Нельзя не упомянуть о Лобанове как о знатоке монет, собравшем значительную их коллекцию, особенно в бытность свою в Константинополе. Специалисты называют «восточную коллекцию» (2000 монет) князя «одним из наиболее значительных нумизматических собраний» в этой области. Оно было приобретено Эрмитажем у наследников через год после смерти министра. В коллекции были русские и византийские редчайшие экземпляры. В

³⁷ Теплов, с. 16.

³⁸ Лобанов-Ростовский А. Б. Земский и Затрапезные, представители именитых купеческих фамилий в XVIII веке (письмо к редактору «Русской старины» М.И. Семевскому) / сообщ. кн. А. Б. Лобанов-Ростовский // Русская старина. — 1884. — Т. 41. — С. 217.

странах, где Лобанов был чрезвычайным и полномочным послом, он требовал от подчинённых не только обычных отчетов о политической, экономической и торговой деятельности, но и этнографические и археографические обзоры [Гурулева, 2001].

Найденные Лобановым новые документы по истории России

В течение 1873–1888 г. в журналах «Русская старина» и «Русский архив» публикуются найденные Лобановым документы, новые для современных ему историков, посвящённые известным историческим лицам, и тщательные комментарии к ним. В нашем издании мы посвящаем публикациям Лобанова VI раздел. Современниками научная деятельность князя была оценена высоко, что сказалось, в частности, в избрании его в 1876 г. почётным членом Императорской академии наук.

«Человек долга, труда и опыта»

Лобанов был, как сам он написал в очерке о светл. князе П.П. Лопухине, «ревностным любителем отечественной старины»³⁹. Как автор, он скромно оценивал свою роль, не всегда подписывал свои корреспонденции в исторической периодике, иной раз отмечал инициалами, иногда ограничивался одной буквой. Он охотно отдавал собранные материалы другим авторам с тем, чтобы они издали исторические сочинения под своим именем.

Карцов пишет: «Князь Лобанов занимался... историографией, работал над Историей Императора Павла I, издавал письма г-жи Куаньи, корпел в British Museum над злополучною долею Марии Стюарт. И что же? гора разрешилась мышью: всё свелось к библиографии, к коллекционерству, к историческому анекдоту»⁴⁰.

Это прямая неправда. Смолоду, как свидетельствует однокашник Лобанова

по лицу, князь Лобанов-Ростовский был «чужд сословных предрассудков, стремясь к воссозданию исторического прошлого в его неприкрашенной правде»⁴¹. Как учёно-историку ему претила приблизительность. В то же время «в своих исторических исследованиях князь Алексей Борисович увлекался более всего деятелями, в жизни которых было что-то загадочное, не вполне до настоящего времени выясненное, или же интересовался лицами, над которыми тяготел фатум, злой рок»⁴², — пишет В.А. Теплов. Добавим, по подбору публикуемых им документов Лобанова, бесспорно, интересовали те крутые моменты в российской истории, которые могли бы стать провозвестниками ограничения абсолютной монархии: дело Лопухиных, Артема Волынского, братьев Грузиновых.

Мы наблюдаем и в области науки верность Лобанова самому себе: как в дипломатии он оказывался в самых острых точках настоящего, непостижимым образом распутывая сложные ситуации, так и в прошлом занимался самыми «неудобными» для публикации историческими моментами и фигурами. Теплов даёт общую значительную оценку исторических занятий Лобанова.

Лобанов писал исторические очерки. Так, в нашем издании представлен психологически пронизательный портрет Е.И. Нелидовой и её эпохи. Но чаще дипломат оставался анонимным автором. Так:

«Судьба графа Н. П. Панина, этого выдающегося по своим дарованиям, а по обстоятельствам своей жизни несчастного государственного человека, прожившего более 30 лет в опале, не могла не заинтересовать князя Лобанова... Князь Лобанов приложил все старание, чтобы доискаться до истинных причин постигшей графа Панина немилости и путём расспросов лиц, близко стоявших к Дугинскому изгнаннику и тщательного разыскания писем того времени,

³⁹ Лобанов-Ростовский А.Б. Светлейший князь П[авел] П[етрович] Лопухин, 1788-1873 гг. : [некролог] / сост. кн. А. Б. Лобанов-Ростовский // Русская старина. — 1873. — Т. 7. — С. 729.

⁴⁰ Карцов, с. 12.

⁴¹ Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский (к портрету князя Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского / Грав. К. Адт) // Русская старина. — 1896, Т. 88. — С. 691.

⁴² Теплов, с. 42.

ему удалось открыть долго хранившуюся тайну. Составленная им монография «Граф Никита Петрович Панин» *представляет значительный интерес, но по заключающимся в ней сведениям не могла быть напечатана, и князь читал её только в кругу близких своих друзей и знакомых.* Она, несомненно, была сообщена Брикнеру, который и воспользовался ею при издании «Материалов для жизнеописания графа Никиты Петровича Панина». Не соглашаясь иногда вполне с мнением или догадкой князя Лобанова, Брикнер *приводит*, тем не менее, *дословно его рассказ, не указывая, однако, на источник*⁴³.

Анонимно Лобанов принял огромное участие в публикации уникальной коллекции, писем французских исторических фигур конца XVIII в. «Частная переписка графа де Водрёя и графа Д'Артуа⁴⁴ во время эмиграции (1789–1815 гг.)»⁴⁵. Он практически подарил «всю авторскую честь», по выражению Теплова, Леонсу Пинго. Анонимно изданы и «Письма маркизы де Куаньи»⁴⁶. Не подписал Лобанов и некролог о светл. князе П.П. Лопухине, очень личный по тону.

«Вообще должно заметить, что князь Лобанов не принадлежал к числу тех людей, которые собранные ими данные ревниво хранят под семью печатями. Наоборот, когда исследователи или историки обращались к нему за советом, указанием или справкою, он охотно делился с ними всем своим знанием, сообщал добытые им сведения или же свои догадки, предположения, словом, не скупился делиться с ними всем собранным им с такою любовью и редким умением богатым историческим материалом»⁴⁷, — замечает Теплов.

Тем более, Лобанов не мог обнародовать никакой правдивой книги о Павле I и его эпохе, имея на руках секретные сведения Дома Романовых. Он мог лишь представлять на суд читателей документы и надеяться на их ум и анализ. В дневниках Половцова, фрагменты которых представлены в данном издании, видны отголоски тайны, которая витала над убийством императора Павла — царствование этого императора было особым центром исторических интересов князя. Из самой подборки документов эпохи Павла I, представленных Лобановым для публикации в «Русской старине», мы видим, сколь он желал обратить внимание читателей излишнюю строгость его рескриптов или порой на их абсурдность ...

Мемуарист Уманский свидетельствует: Лобанов собрал «сборники материалов, относящихся к истории царствования Павла I, которым особенно любил заниматься. Памятником этих занятий остались в рукописи два огромных тома «Дневника» этого царствования, где, на основании сведений, почерпнутых из камер-фурьерских журналов⁴⁸, рукописного дневника Ростопчина⁴⁹ и других материалов, воспроизведена, день за днем, внешняя история царствования Павла I. Книги и рукописи князя Лобанова-Ростовского испещрены его собственноручными, подчас весьма ценными, историческими и библиографическими замечаниями. Владея столь обширными познаниями и коллекциями, князь, сравнительно с его долголетнею жизнью, опубликовал немного; с одной стороны это объясняется тем, что служебная деятельность князя мешала ему сосредоточиться на обработке сырых, им добытых исторических

⁴³ Теплов, с. 44.

⁴⁴ Граф Франсуа Водрёй (1740–1817) дворянин времен короля Людовика XVI, входивший в круг приближенных Мари Антуанетты, и личный друг графа Д'Артуа — будущего короля Карла X. Во время Великой Французской революции покинул Францию, после падения империи Наполеона вернулся и участвовал в реставрации Бурбонов. Карл Д'Артуа (1757–1836) был королем Франции в 1824–1830 гг.

⁴⁵ Correspondence intime de comte de Vaudreuil et du Comte d'Artois pendant l'Émigration (1789-1815), publiée avec introduction, notes et appendices par Léonce Pingaud. — Paris, 1889.

⁴⁶ Lettres de la Marquise de Coigny et de quelques autres personnes appartenant à la société française de la fin du XVIII siècle. — Paris, 1884.

⁴⁷ Теплов, с. 45.

⁴⁸ Камер-фурьерский журнал — хроника жизни царственных особ и двора, которая велась камер-фурьерами.

⁴⁹ Федор Васильевич Ростопчин (1763–1826), граф, фаворит императора Павла I, руководитель его внешней политики.

данных; с другой стороны — качество собранных им рукописных свидетельств часто не позволяло ему, по многим соображениям, предать их печати»⁵⁰.

Лобанов выступает и *переводчиком*, если нужно преподнести интересные исторические факты читателю, как в публикации «Принц Карл Эрнст Курляндский» в «Русской старине»⁵¹, так и переводчиком рукописи Августа Коцебу об убийстве Павла I. Он ограничивает своё мнение кратким предисловием, которое мы приводим в данной книге, не высказывая своё мнение. Но оно очевидно из одной только фразы: «Не подлежит сомнению, что совершившееся смертоубийство не будет оправдано; но нельзя ожидать оправдания и для несчастного Павла»⁵².

Ясно, что с таким взглядом на вещи Лобанов никак не смог бы развернуть свои мысли в подробное исследование. Надо отметить, Лобанов и принципиально чужд «гиперопеки» над читателем. Он предлагает те факты, которые его самого поражают. Показателен внешне «сухой» рассказ о губернаторе Кривцове, который отличился тем, что нещадно бил слуг и подчинённых, был уволен, однако следствие ничем не закончилось, а Кривцов был через некоторое время *вновь принят на службу*⁵³. Бурю эмоций дипломат оставлял при себе, но анализ подборки исторических фактов и документов, помещённых в разделе VI, говорит о том, что буря была и личное отношение проявлено. Так же, выявив документ «О закреплении девушки священнику» — при запрете белому духовенству иметь крепостных, — Лобанов публикует бесхитростный текст получения несчаст-

ной девушки с полной властью любого наказания над ней новым «духовным» хозяином, и выражает свой протест и неприятие лишь в скобках, под документом, передразнивая его «высокий стиль»: «Явлено «сие письмо», 20-го мая 1803 г., в Тихвинском уездном суде самим помещиком Качаловым...»⁵⁴. Читателю должно быть ясно.

Мастер детали, поклонник микроистории, историк-коллекционер, филолог-текстолог и переводчик

Помимо цензурных соображений мы должны отметить и природную научную склонность Лобанова-историка. Среди двух групп историков, которые одинаково важны для развития науки, первая стремится к интерпретациям, пространным спекуляциям и главное место отдаёт идеям, а вторая предпочитает тщательно представлять факты, выявляя вокруг них всю полноту контекста. Безусловно, Лобанов относится ко второй категории учёных.

Его талант — *фактолога-комментатора*, его страсть — выверенное до конца отдельное историческое событие. Ибо как профессионал он понимал — если нет чёткости каждой детали, всё здание исторического сочинения может предстать сомнительным. А также и то не всегда доступное современным историческим изданиям соображение, что без комментариев исторический текст тускнеет, может оказаться непонятным, а следовательно, неинтересным читателю. Так, при всей занятости Лобанов берётся сделать сноски к пространному «Журналу путешествий Зиновьева», нимало не заботясь о скромности своей роли⁵⁵.

⁵⁰ Уманский, с.21–22.

⁵¹ Лобанов-Ростовский А.Б. Принц Карл-Эрнст Курляндский в Бастилии. 8 января — 24 апреля 1768 г. // Русская старина. — 1888. — Т. 59. — С. 739–750.

⁵² Лобанов-Ростовский А. Б. Предисловие // Записки Августа Коцебу. Неизданное сочинение Августа Коцебу об императоре Павле I. Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников / А.Ф.Ф. фон Коцебу. Перевод и примечания А.Б. Лобанова-Ростовского. — Санкт-Петербург: А.С. Суворин, 1908. — С. 319.

⁵³ Лобанов-Ростовский А.Б. Н.И. Кривцов: Кривцовы. Биографический очерк // Русская старина. — 1888. — Т. 60. — С. 730.

⁵⁴ Лобанов-Ростовский А.Б. Закрепление девушки священнику. [Документ] 1803 г. / сообщ. Кн. А. Б. Лобанов-Ростовский // Русская старина. — 1874. — Т. 11. — С. 178.

⁵⁵ Лобанов-Ростовский А.Б. Журнал путешествия Василия Николаевича Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии, 1784–1790-е гг. / сообщ. Н. П. Барышников и А.Б. Лобанов-Ростовский; примеч. Н.И. Барышникова и кн. А.Б. Лобанова-Ростовского // Русская старина. — 1878. — Т. 23. — С. 207–240, 399–440, 593–630.

Корреспонденции Лобанова интересны и тем, что показывают живое общение историков на страницах «Русской старины» и «Русского архива», которые публикуют свои соображения, утонения и новые материалы сообразно с текущим моментом, с тем, что на данный момент занимает других публикаторов. Часто Лобанов, постоянный читатель журнала, именно в ответ публикациям присылает уточнения, найденные в документах своей коллекции. Князь откликается очень быстро. Так, вопрос задан автором из Дрездена в октябре — ответ Лобанова опубликован в ноябре. Или, Лобанов использует трибуну «Русской старины» как совместный поиск с коллегами ответов на микроисторические лакуны — случай с предложенным им вопросом о князе Щербатове, — насколько не беспокоясь показать неосведомленность — лишь бы был найден ответ. «Июня 1802 года происходила дуэль между князем Зубовым и кавалером Иосифом Саксонским... Секундантом князя Зубова был князь Щербатов... Который это князь Щербатов? Не князь ли Александр Феодорович... Я был бы весьма обязан тому из читателей «Русской Старины», который принял бы на себя труд разрешить этот вопрос»⁵⁶.

Он, бесспорно, имел талант *историка-редактора* и даже корректора. Особенно князь пристрастен к исправлению неточностей, описок, опечаток, пропущенных мелких сведений, выверяя каждое слово в текстах, которые изучал в исторической периодике, тщательно следя за материалами журналов. И он скорее бросался их исправлять своей публикацией. Перефразируя классика театра, можно сказать: Лобанов любил не себя в науке истории, а науку в себе. Потому брался за все виды незаметной, но насущной исторической работы, «чёрного труда» историков.

Лобанов — *коллекционер-историк*. Он относится к историческому факту, который он добыл в старинных источниках и

который неизвестен его современникам-читателям, как самодостаточной находке, любуясь ею и представляя в должной опра-ве комментариев и уточнений.

Каждая его сухая фактологическая заметка имеет множество ценных исторических аспектов, побочных эффектов, нужных другим исследователям — Лобанов всегда смотрит в будущее науки. Так, опубликованный им «Табель жен первых 5-ти классов»⁵⁷ представляет также точную географию мест жительства видных фигур того времени, а также географию церковей конца XVIII в., и попутно — тайн рождения известных особ. Или он даёт точное библиографическое описание книги, с мнением о литературном и историческом качестве книги, а также гипотезой, кем на самом деле написано данное сочинение. Всё умещается на одной странице — как отчёт, ровно как в дипломатической работе — князь приучал сотрудников уметь выделять и представлять только главное.

Надо сказать, что некоторые редкие документы и объяснения к ним Лобанова и до сих пор остаются первоисточником, который положен в основу современных исследователей.

Иногда Лобанов выступает одновременно как историк и как *филолог-текстолог*, как в случае публикации комментариев к рукописи «Записок Дашковой», представив идеальное описание их особенностей, как внешних, так и языковых, включая описки, ошибки, вычеркнутые фрагменты, даёт оригиналы текстов, а затем свои переводы. Материал организован так, как бы сделал и сегодня профессиональный текстолог.

Высказывает он и мнение о принципах перевода — в связи с английским текстом «Записок Дашковой», удивительным образом предвосхитив мнение, через полвека высказанное В.В. Набоковым, что «самое большое — зло в цепи грехопадений переводчика, когда он принимается полировать и приглаживать» подлинника:

⁵⁶ Лобанов-Ростовский А.Б. Вопрос о князе Щербатове // Русская старина. — 1886. — Т. 52. — С. 228.

⁵⁷ Лобанов-Ростовский А.Б. Ведомость о находящихся в Москве первых пяти классов женска пола персонах в 1775 г. / сообщ. А. Л. [кн. А. Б. Лобанов-Ростовский] // Русская старина. — 1873. — Т. 8. — С. 94–97.

«я... нисколько не заступаюсь за английский перевод г-жи Брайфорд, — пишет Лобанов. — Она постоянно увлекается желанием сгладить шероховатости подлинника и придать более приличный вид тому, что ей кажется слишком резким или смелым, мало заботясь о сохранении точности и энергии выражений кн. Дашковой. Но этот недостаток у неё общий почти со всеми переводчиками её времени, и было бы, по моему мнению, крайне несправедливо требовать от этой почтенной дамы

тех учёных приёмов, к которым мы теперь привыкли и которых мы вправе ожидать от всякого сколько-нибудь опытного переводчика или издателя»⁵⁸.

И уже упомянутое кредо Лобанова содержится в предисловии к Запискам Дашковой — уважение к уму и проницательности читателя: издавая отдельные исторические факты и не выявляя своего мнения, «предоставить самому читателю принять или отвергнуть»⁵⁹.

Список литературы:

- Гурулева В.В. Русские коллекционеры памятников нумизматики (Вторая половина XIX – начало XX века) // Пилигримы: историко-культурная роль паломничества. — Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. — С. 165–178.
- Кобеко Д.Ф. Императорский Царскосельский лицей: наставники и питомцы. — Москва: Кучково поле, 2008. — 446 с.
- Лобанов-Ростовский Н. Д. Рюрикович на переломе эпох: князь Никита Дм. Лобанов-Ростовский: зэк, "вор", чемпион-пловец, геолог, банкир, меценат. — Москва: Минувшее, 2020. — 837 с.
- Лобанов-Ростовский Н.Д. Михаил Борисович — военный // Эпоха. Судьба. Коллекция. — Москва: Русский путь, 2010. — С. 370–373.
- Лобанов-Ростовский Н.Д. Рюрикович в XXI веке: князь Никита Дм. Лобанов-Ростовский: статьи, интервью, письма, рецензии. — Москва: Минувшее, 2017. — 589 с.
- Лобанов-Ростовский Н.Д. Рюрикович в эмиграции. Князь Никита Лобанов-Ростовский: статьи, интервью, рецензии. — Москва: Полиграф-Плюс, 2015. — 656 с.
- Оболенский Д.Д. Император Николай II и его царствование (1894–1917) // Царь и Россия. Размышления о Государе императоре Николае II. — Москва: Отчий дом, 2017. — С. 116–164.
- Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: в 2 т. Т 2: 1887–1892. — Москва: Центрполиграф: Московская типография, 2005b. — 639 с.
- Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: в 2 т. Т. 1: 1883–1886. — Москва: Центрполиграф: Московская типография, 2005a. — 603 с.
- Романюк С.К. Русский Лондон: первый и единственный путеводитель по местам, связанным с пребыванием русских в британской столице. — Москва: АСТ: Астрель, 2009. — 479 с.
- Стремухов П.П. Император Николай II и русское общество в конце его царствования в освещении иностранцев. // Царь и Россия. Размышления о Государе императоре Николае II. — Москва: Отчий дом, 2017. — С. 288–409.
- Федорова Е.С. Наполеон. Тильзит 1807 // Рюрикович на переломе эпох: князь Никита Дм. Лобанов-Ростовский: зэк, "вор", чемпион-пловец, геолог, банкир, меценат. — Москва: Минувшее, 2020. — С. 175–183.

⁵⁸ Лобанов-Ростовский А.Б. Еще о «Записках» княгини Дашковой. Князя А. Б. Лобанова // Русский архив. — 1881. — Вып. 1–2. — С. 379.

⁵⁹ Там же.

References:

- Fedorova, E. S. (2020) 'Napoleon. Til'zit 1807 [Napoleon. Tilsit 1807]', in *Ryurikovich na perelome epokh: knyaz' Nikita Dm. Lobanov-Rostovskiy: zek, 'vor', chempion-plovets, geolog, bankir, metsenat* [Rurikovich at the turn of the era: Prince Nikita Dm. Lobanov-Rostovsky: convict, 'thief', champion swimmer, geologist, banker, philanthropist]. Moscow: Minuvsheye Publ., pp. 175–183. (In Russian).
- Guruleva, V. V. (2001) 'Russkiye kollektsionery pamyatnikov numizmatiki (Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Russian collectors of numismatic monuments (Second half of the 19th – early 20th century)]', in *Pilgrims: the historical and cultural role of pilgrimage*. Saint Petersburg: Ermitazh Publ., pp. 165–178.
- Kobeko, D. F. (2008) *Imperatorskiy Tsarskosel'skiy litsey: nastavniki i pitomtsy* [Imperial Lyceum in Tsarskoye Selo: mentors and pupils]. Moscow: Kuchkovo pole Publ. (In Russian).
- Lobanov-Rostovsky, N. D. (2010) 'Mikhail Borisovich — voyennyy [Mikhail Borisovich — a military man]', in *Epokha. Sud'ba. Kolleksiya. [Epoch. Fate. Collection]*. Moscow: Russkij Put' Publ., pp. 370–373. (In Russian).
- Lobanov-Rostovsky, N. D. (2015) *Ryurikovich v emigratsii. Knyaz' Nikita Lobanov-Rostovskiy: stat'i, interv'yu, retsenzii* [Rurikovich in exile. Prince Nikita Lobanov-Rostovsky: articles, interviews, reviews]. Moscow: Poligraf-Plus Publ. (In Russian).
- Lobanov-Rostovsky, N. D. (2017) *Ryurikovich v KHKHI veke: knyaz' Nikita Dm. Lobanov-Rostovskiy: stat'i, interv'yu, pis'ma, retsenzii* [Rurikovich in the XXI century: Prince Nikita Dm. Lobanov-Rostovsky: articles, interviews, letters, reviews]. Moscow: Minuvsheye Publ. (In Russian).
- Lobanov-Rostovsky, N. D. (2020) *Ryurikovich na perelome epokh: knyaz' Nikita Dm. Lobanov-Rostovskiy: zek, 'vor', chempion-plovets, geolog, bankir, metsenat* [Rurikovich at the turn of the era: Prince Nikita Dm. Lobanov-Rostovsky: convict, 'thief', champion swimmer, geologist, banker, philanthropist]. Moscow: Minuvsheye Publ. (In Russian).
- Obolensky, D. D. (2017) 'Imperator Nikolay II i yego tsarstvovaniye (1894-1917)', in *Tsar' i Rossiya. Razmyshleniya o Gosudare imperatore Nikolaye II* [Tsar and Russia. Reflections on the Sovereign Emperor Nicholas II]. Moscow: Otchiy dom Publ., pp. 116–164. (In Russian).
- Polovtsov, A. A. (2005a) *Dnevnik gosudarstvennogo sekretarya: v 2 t. T. 1: 1883–1886* [Diary of a Secretary of State: in 2 vols. Vol. 1: 1883–1886]. Moscow: Tsentrpoligraf: Moskovskaya tipografiya Publ. (In Russian).
- Polovtsov, A. A. (2005b) *Dnevnik gosudarstvennogo sekretarya: v 2 t. T. 2: 1887–1892* [Diary of a Secretary of State: in 2 vols. Vol. 2: 1887–1892]. Moscow: Tsentrpoligraf: Moskovskaya tipografiya Publ. (In Russian).
- Romanyuk, S. K. (2009) *Russkiy London: pervyy i yedinstvennyy putevoditel' po mestam, svyazannym s prebyvaniyem russkikh v britanskoy stolitse* [Russian London: the first and only guide to places associated with the stay of Russians in the British capital]. Moscow: AST: Astrel Publ. (In Russian).
- Stremukhov, P. P. (2017) 'Imperator Nikolay II i russkoye obshchestvo v kontse yego tsarstvovaniya v osveshchenii inostrantsev [Emperor Nicholas II and Russian society at the end of his reign in the coverage of foreigners]', in *Tsar' i Rossiya. Razmyshleniya o Gosudare imperatore Nikolaye II* [Tsar and Russia. Reflections on the Sovereign Emperor Nicholas II]. Moscow: Otchiy dom Publ., pp. 288–409. (In Russian).

Информация об авторе

Екатерина Сергеевна Федорова — доктор культурологии, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков, факультет иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, 119991, Москва, Ленинские горы 1, стр. 13 (IV гуманитарный корпус) (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Ekaterina S. Fedorova — doctor of Culture Studies, PhD in Philology, Professor, Professor at the Department of Theory in Teaching Foreign Languages, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Bldg. 13-14, 1, Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 08.07.2022; одобрена после рецензирования 03.08.2022; принята к публикации 14.09.2022.

The article was submitted 08.07.2022; approved after reviewing 03.08.2022; accepted for publication 14.09.2022.

КСЕНОЛОГИЯ ПОРОХОВОГО ПОГРЕБА ЕВРОПЫ: ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ДИХОТОМИИ «СВОЙ — ЧУЖОЙ» В БАЛКАНСКОЙ МОДЕЛИ МИРА В КСЕНОПЕЙОРАТИВНОЙ ЛЕКСИКЕ ЯЗЫКОВ БАЛКАНСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА — К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Евгений Владимирович Романин

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
st027419@student.spbu.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается отражение особенностей дихотомии «свой — чужой» в балканской модели мира в ксенологической пейоративной лексике языков Балканского языкового союза: албанского, аромунского, болгарского, новогреческого, македонского, румынского и сербскохорватского. Производится краткий обзор историко-культурной и геополитической специфики Балкано-Карпатского региона, оказавшей влияние на представления местных народов о чужаках; излагаются также некоторые традиционные мифологические воззрения балканцев, относящиеся к концептуальному полю инаковости. На основании ана-

лиза внутренней формы слова предпринимается попытка сформулировать основные модели построения уничижительных наименований для чужаков, а затем — сравнить данные по различным балканским языкам и по мере возможностей выстроить целостный образ концепта «чужой» в балканской концептуальной картине мира. По результатам исследования ксенопейоративная лексика языков Балканского языкового союза демонстрирует значительное сходство как с точки зрения формы, так и с точки зрения содержания. Абсолютно преобладают пейоративы с недифференцированной оценочностью, что объясняется богатством балканской словообразовательной морфологии и большим количеством лексических заимствований в каждом из языков; широко представлены также пейоративы с указанием на внешность, особенности языка и поведения, однако первые референциально ограничены, вторые и третьи же универсальны, из чего делается вывод, что прототипический балканский чужак — это тот, кто иначе говорит и иначе ведет себя. В то же время наиболее частой мишенью для пейо-

ративной лексики в балканских языках среди всех чужаков выступают цыгане, что связано как с рядом стереотипных представлений о физических и поведенческих отличительных чертах данной этнической группы, так и с исторически сложившейся обособленностью, вызванной кочевым образом жизни и закрытостью цыганского сообщества от посторонних.

Ключевые слова: свой, чужой, Балканы, Балканский языковой союз, ксенологический пейоратив, ксенофобия

Благодарности: автор желает выразить признательность Вуку Опанчине и Дарье Мечкарь за консультации по поводу сербскохорватских и болгарских языковых и культурных особенностей.

Для цитирования: Романин Е.В. Ксенология порохового погреба Европы: отражение особенностей дихотомии «свой — другой» в балканской модели мира в ксенопейоративной лексике языков Балканского языкового союза — к постановке проблемы // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 3. — С. 107–125. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-107-125>

Research article

THE XENOLOGY OF THE POWDER KEG OF EUROPE: THE REFLECTION OF THE PECULIARITIES OF OWN — ALIEN DICHOTOMY IN THE BALKAN MODEL OF THE WORLD IN THE XENOPEJORATIVE VOCABULARY OF THE LANGUAGES OF THE BALKAN SPRACHBUND — ARTICULATION OF ISSUE

Evghenii V. Romanin

Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
st027419@student.spbu.ru

Abstract. The article discusses the reflection of the features of the *own* — *alien* dichotomy in the Balkan model of the world in the xenologic pejorative vocabulary of the Balkan sprachbund languages: Albanian, Aromanian, Bulgarian, Modern Greek, Macedonian, Romanian and Serbo-Croatian. The author gives a brief review of the historical, cultural and geopolitical specifics of the Balkan-Carpathian region, which influenced the local peoples' ideas about strangers; some traditional mythological beliefs of the Balkanians related to the conceptual field of otherness are also presented. Based on the analysis of the internal history of the word, an attempt is made to define the main models for constructing derogatory names for strangers in order to compare the data for various Balkan languages and, to the extent possible, build an integral image of the concept of *alien* in the Balkan conceptual worldview. According to the results of the study, the xenopejorative vocabulary of languages of the Balkan sprachbund shows significant similarities both in terms of form and content. Pejoratives with undifferentiated evaluativity absolutely predominate, which could account for the richness of the Balkan derivational morphology and a large number of lexical borrowings in each of the languages; pejoratives with an indication of appearance, features of language and peculiarities of behavior are

also widely represented, however, the first are referentially limited, while the second and the third are universal, from which it is concluded that the prototypical Balkan alien is someone who speaks differently and behaves differently. At the same time, the most common target for pejorative vocabulary in the Balkan languages among all strangers is Roma people, which is bound both to a number of stereotyped ideas about the physical and behavioral distinctive features of this ethnic group, and to the historical isolation caused by the nomadic way of life and the closedness of the Roma community from outsiders.

Keywords: own, alien, the Balkans, Balkan sprachbund, xenologic pejorative, xenophobia

Acknowledgements: the author wishes to express his gratitude to Vuk Opančina and Daria Mecicari for their guidance on Serbo-Croatian and Bulgarian linguistic and cultural peculiarities.

For citation: Romanin, E. V. (2022) 'The Xenology of the Powder Keg of Europe: the Reflection of the Peculiarities of *Own* — *Alien* Dichotomy in the Balkan Model of the World in the Xenopejorative Vocabulary of the Languages of the Balkan Sprachbund — Articulation of Issue', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(3), pp. 107–125. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-107-125>

Введение

Дихотомия «свой — чужой» — одна из фундаментальных оппозиций в картине мира культурных сообществ. Исследование данной оппозиции с точки зрения лингвокультурологии представляет интерес на примере любой культурной группы, однако некоторые сообщества в силу своей историко-географической и этнокультурологической специфики обещают показать особенно любопытный результат. К таким сообществам, вне всякого сомнения, относятся народы, населяющие Балканский полуостров.

Балкано-карпатский ареал — один из интереснейших в культурном плане регионов Европы, но вместе с тем и один из самых проблемных на сегодняшний день с политической точки зрения. К изучению балканских культур, в том числе — к изучению оппозиции «свой — чужой» в этих культурах, так или иначе обращались многие отечественные и зарубежные исследователи. Среди прочих можно выделить имена А.В. Десницкой, Т.В. Цивьян, А.Н. Соболева, Н.Г. Голант, М. Тодоровой, Т. Стояновича и др. Ясно, что в силу куль-

турно-исторической специфики региона образ «чужого» на Балканах тоже окажется довольно специфическим.

Объект настоящего исследования — пейоративная лексика концептуального поля «чужое» в языках Балканского языкового союза (далее — БЯС). В качестве главного критерия для отнесения культуры в число балканских использовалось не физико-географическое положение (ибо Румыния, например, практически полностью находится за пределами собственно Балканского полуострова, если за его северную границу считать Дунай), а лингвистическая характеристика — принадлежность к БЯС. Наиболее веским доводом в пользу валидности такого подхода должно служить то, что объектом исследования в нашем случае является именно языковой материал — пейоративные лексемы балканских языков, тем или иным образом относящиеся к сфере дихотомии «свой — чужой» (а выявленные в итоге закономерности можно будет считать не только культурными, но и языковыми — лексическими и лексико-семантическими балканизмами). Истриотский и мегленитский языки¹ решено было исключить из рассмотрения

¹ Или — с точки зрения румынской лингвистической традиции — истрорумынский и мегленорумынский диалекты румынского языка.

по причине их недостаточной задокументированности и малочисленности носителей. Таким образом, в статье сравниваются КП семи языков: албанского, аромунского, болгарского, греческого, македонского, румынского и сербскохорватского². Предмет исследования — общие закономерности моделей оппозиции «свой — чужой» в балканских языках. Рабочей гипотезой исследования является предположение о том, что представления о чужаке, существующие в культурном сознании, материально выражаются в экспрессивной номинации для чужаков, а следовательно, опираясь на данные лексики подобного рода, можно попытаться построить модель образа «балканского чужого». Цель исследования — провести сравнительный анализ ксенологических пейоративов (далее — КП; под этим термином здесь и далее подразумевается пейоративная лексема, прямо называющая «чужого» по какому-либо из признаков либо имеющая отношение к концептуальному полю чуждости) в языках БЯС и на этом основании вывести общие и частные черты в образе «чужого» в этнокультурной картине мира балканских народов.

Научная новизна работы определяется фактом отсутствия сравнительных исследований по балканской ксенологии на материале ксенопейоративной лексики (либо нам о них ничего не известно). С теоретической точки зрения данное исследование будет интересно широкому кругу специалистов — этнографов, этнологов, культурологов, антропологов, лингвистов; прежде всего балканистов, но также и других специалистов, в чей круг научных интересов попадает дихотомия «своего» и «чужого». С практической точки зрения исследование обещает послужить более глубокому пониманию и более успешному поиску средств для решения этнокультурных и этноконфессиональных конфликтов в Карпато-Балканском регионе.

Историко-культурная и геополитическая специфика Балкано-Карпатского региона

Балканский полуостров, много сотен лет находившийся на стыке границ великих империй прошлого, обладает непростой противоречивой историей. Неслучайно его называли «пороховым погребом Европы» — несколько столетий народы Балкан находились в зависимости от Османской Порты; на протяжении всего XX в. регион сотрясали (и продолжают сотрясать в XXI в.) многочисленные этнические, религиозные и прочие конфликты; в настоящий момент наиболее острыми являются три из них: «македонский вопрос», албанский национализм и противостояние сербов и албанцев в Косове [Ламаш, 2021]. Помимо споров, связанных с принадлежностью той или иной территории (скажем, вокруг Косова или Трансильвании), можно выделить также конфликты, касающиеся вопросов идентичности. Так, например, болгарское правительство отрицает существование македонцев как отдельного этноса и македонского как отдельного языка [Кирчанов, 2021]; правительство Греции в течение многих лет на официальном уровне отрицало право Македонии на это имя, в связи с чем название государства было в итоге изменено на «Северная Македония» [Парастатов, 2010; Колосков, 2011]; шовинистически настроенные сербы не признают существования хорватов и боснийцев, считая их, соответственно окатоличенными и омусульманенными сербами, причём интересно, что исторически и среди хорватских шовинистов бытовало симметричное мнение об отсутствии какой-либо самостоятельной сербской нации и идентичности [Беляков, 2010]. Политические потрясения привели к тому, что сам термин «балканизация» в смысле дробления некогда монолитной территории на отдельные независимые образования,

² Подробнее о составе БЯС [Lindstedt, 2000, Friedman, 2008].

находящиеся в состоянии конфликта друг с другом, стал нарицательным в рамках международного политического дискурса. Наличие большого числа неразрешенных противоречий и постоянного этнополитического напряжения теоретически влечёт за собой высокую потребность в психологической защите, разрядке и как минимум в элементарной вербализации ressentiment — отсюда следует, что в балканских языках должно существовать большое количество КП, достаточное для построения на их основе модели балканского «чужого».

Подобное состояние вытекает из специфики Балканского полуострова, начиная от природных факторов и заканчивая историческими перипетиями этого края. Полуостров как географически, так и культурно находится в точке схождения Европы и Азии, отсюда общее название для территорий к востоку и западу от Босфора — *Eurasia Minor*, Малая Евразия. С другой стороны, изрезанность ландшафта — фактор изоляции, приводящий к большой культурно-языковой дробности [Соболев, 2013: 75]. А.Н. Соболев отмечает: «особенностью географических границ Балкан является их проницаемость и лёгкая преодолимость для человека» — граница там скорее не разделяет, а связывает. Соответственно в регионе отмечается сравнительно большая доступность торговых и культурных контактов.

Если говорить о региональной специфике дихотомии «свой — чужой», исследователи выделяют «характерную для балканцев открытость к чужому, лёгкость перехода и как бы изначально заложенные способности к языковым контактам, к коммуникации в сложных условиях...» [Цивьян, 1999: 99], создавшиеся в результате пестрой культурно-языковой палитры. Помимо этого, как считает Т.В. Цивьян, на Балканах «свой — чужой» в особой степени «оказываются включёнными в круг пространственно-временных оппозиций» [Цивьян, 1999: 1], а само балканское пространство характеризуется «системой нестабильных противопоставлений [...] от жёсткого бинаризма до его категорического отрицания» — суша там как бы не до конца суша, ибо полуостров с трёх сторон омы-

вается водой, а море — не совсем море, ибо испещрено многочисленными островами. Можно сказать, что это природное географическое «взаимопроникновение» противоборствующих стихий находит отражение и в культуре: как в языке (собственно, без этого взаимопроникновения не было бы смысла говорить о языковом союзе), так и в быту, в обычаях, даже в религии: скажем, албанские женщины-мусульманки наносят на тесто для хлеба изображение креста, на могилы исламских святых-дервишей приносятся в качестве подношений христианские иконы, а в одном из македонских православных монастырей имеется специально отведённое помещение для мусульман [Соболев, 2013: 135]. Все эти свойства, указывающие на зыбкость границы между «своим» и «чужим» в условиях постоянного культурного обмена, вне всякого сомнения, должны были наложить отпечаток на модель балканского чужака.

Между тем образы чужака, чужой земли, чужого языка занимают важное место в фольклорно-мифологической картине мира балканских народов, проявляясь в легендах, преданиях и приметах. Так, к примеру, у той же Т.В. Цивьян приводятся румынские поверья, связанные с чужими народами: «*армянин* (здесь и далее курсив наш — Е.Р.) — название проклятого народа. В их земле режут скотину и даже людей и бросают в пропасть дракону. В обмен на это драконы делают им драгоценные камни [...] На крыльях саранчи написано *порусски*, сколько ей лет и сколько лет она будет есть посевы» [Цивьян, 2006: 119]. Согласно верованиям румынской области Олтения, имеющим параллели у болгар и сербов, *евреи (jidovi)* населяли Землю до потопа, обладали огромным ростом и исполинской силой [Голант, 2013]. У румын и черногорцев распространены этиологические легенды о происхождении пищевых запретов среди евреев, турок, а иногда — даже венгров: якобы тот или иной народ не употребляет в пищу свинину из-за того, что когда-то кто-то из его соплеменников был превращён в свинью, отчего теперь представители данного этноса рискуют съесть своего родственника [Голант, 2012]. Представительницы «чужих» этносов вхо-

дят в состав группы демонических существ (обычно трёх), предрекающих судьбу младенца в момент его рождения, — у румын это, как правило, *венгерка* либо *еврейка* и *цыганка* (правда, иногда наряду с румынкой) [Голант, 2016]; у болгар Южной Болгарии и Добруджи демоны, в которых превращаются души умерших рожениц и беременных, называются *арменки*, *арменци*, *ерменки*, *ерменлийки* [Плотникова, 2009], те же, которыми становятся души некрещенных младенцев, зовутся *еврейче*, *помаче*, *циганче* [Трефилова, 2020: 175] — нетрудно заметить, что оппозиция «единоверец — иноверец» прямо ассоциируется с оппозицией «человек — не человек». Таким образом, в балканском народном сознании явно прослеживается связь чужака с областью нечеловеческого. Во-первых, с миром животных (причем зачастую вредных, например, с насекомыми — губителями хлебов; также примечательно, что в приведенном румынском поверье упомянута именно саранча, относящаяся к идее гетеротопии, так как прилетает, как правило, откуда-то извне). Во-вторых, с хтоническим миром и населяющими его чудовищами (и здесь уместно вспомнить о точке зрения некоторых специалистов, согласно которой ядро концепта «чужого» составляет именно образ монстра [Фуко, 2005; Романова, 2015]). Наконец, в-третьих, с миром духов и нечистой силой — при этом чужак, возможно, и сам наделяется сверхъестественными способностями. Все вышперечисленное также должно обуславливать специфику балканской ксенологии.

Методология исследования

Поиск материала производился путём обращения к толковым и этимологическим онлайн- и офлайн-словарям, а также, в случае сербскохорватского и болгарско-

го языков, путём интервью с носителями языка. Вероятно, этим и объясняется сравнительно небольшое количество найденных лексем (суммарно — 125 единиц): экспрессивная лексика с инвективным зарядом неохотно включается лексикографами в словари и не всегда охотно сообщается носителями, которые попросту стыдятся, смущаются либо желают представить свой язык в более выгодном свете; с тем же связана непропорциональность данных по языкам: так, в новогреческом языке выявлено всего 10 КП-единиц — пренебрежимо малое количество по сравнению с 48 КП, найденными в румынском³.

По выделении из лексического фонда указанных языков КП-лексики был произведён анализ заложенных в неё смыслов на основании учения А.А. Потебни о внутренней форме — о том, что строение слова свидетельствует о ходе мысли того, кто его породил, а следовательно, хранит память о мировоззрении предков нынешних носителей языка [Потебня, 1989].

Следующим шагом методологии стало разбиение КП на семантические группы с точки зрения их внутренней формы. Отечественным исследователем С.Н. Якушенковым была предложена, а О.С. Якушеновой — детально разработана концепция трёхчастной модели образа «чужого», согласно которой тремя главнейшими составляющими или же гранями отражения чужака (маркерами чуждости) в картине мира следует считать алиментарность (пищевые пристрастия «чужого»), вестиментарность (способ одежды «чужого») и сексуальность (особенности половой жизни и брачного поведения «чужого»)⁴. Такая модель представляется структурно неполной: нетрудно заметить, что перечисленные О.С. Якушеновой параметры можно описать одним словом — поведение, тогда как даже из самой её работы видно, что для

³ Здесь стоит оговориться, что автор неодинаково владеет исследуемыми языками — и в оценке достоверности примеров из албанского и греческого языков приходилось полагаться на переводные материалы и собственную языковую интуицию.

⁴ Якушенкова О.С. Образ чужого в гетеротопных пространствах фронта : диссертация ... кандидата философских наук : 24.00.01. Астрахань, 2014. 213 с

создания образа чужака не менее важными являются телесность и языковая характеристика.

Поэтому мы приняли решение дополнить и расширить данную трёхчастную модель и на основании того, какой именно признак положен в основу мотивировки КП, разбить материал на:

- телесные (с подмоделями «внешность» и «дегуманизация»);

- языковые (с подмоделями «фонетика», «лексика» и «ономастика»);

- поведенческие (с подмоделями «алиментарность», «вестиментарность», «сексуальность» и «другое» — в последнюю включаются все прочие особенности поведения: способы ведения хозяйства, архитектура, традиционные занятия, нравственные характеристики, не связанные с вопросами сексуальности и т.д.).

Практический этап, впрочем, показал, что и этих моделей недостаточно для полноценного анализа; по этой причине были введены следующие модели:

- гетеротопическая (связанная с идеей принадлежности чужака иному пространству, и выделенная В.Г. Лысенко [Лысенко, 2009]);

- прецедентная (связанная с прецедентными феноменами различного рода, в частности, с историческим опытом взаимодействия с представителями «чужой» группы);

- недифференцированная (мотивирующий признак невозможно выделить из-за затемнённости внутренней формы либо нерасчлённно-отрицательной оценочности, выраженной грамматически — чаще всего при помощи экспрессивного суффикса).

Мы вынуждены также обратить внимание читателя на то, что в рамках исследования не бралась в расчёт конкретная экспрессивная наполненность каждого отдельно взятого КП — в качестве материала для анализа в равной степени использо-

вались иронические, пренебрежительные и прямо оскорбительные лексемы, снабженные отрицательной коннотацией. В противном случае для уточнения результатов понадобилось бы проводить ещё и дискурс-анализ, то есть изучать каждый из примеров в контексте, что во много раз увеличило бы объём материала, вряд ли существенно повлияв на полученные результаты.

Результаты анализа

Разобравшись с методологией, перейдём непосредственно к результатам и посмотрим, какие модели и в каком количестве представлены в каждом из балканских языков.

Максимальное количество КП — 48 единиц — получено для румынского языка (в силу наибольшей доступности данных и сравнительно большей проработанности темы в румыноязычных публикациях). Из них к телесной модели относятся такие единицы, как *balaoacheș* (сложение *bălai* 'светловолосый' + *oacheș* 'чернявый' — скорее всего, ироническое) — цыган, *ciorânglav* — цыган (< слав. *черноглавъ*, но могло возникнуть и независимо на румынской почве из *cioară* 'ворона' + *glavă* 'башка', заимствованная ранее из какого-то южнославянского языка⁵), *încărbunat* 'обугленный' — цыган (ср. рус. *уголёк*, *копчёный* — негр), также с меньшей очевидностью — *bahniță* 'грязнуля', вероятно, от *bahnă* 'болото, топкая грязь' — цыган и *gașper* (Каспар — один из волхвов, приехавших поклониться младенцу-Иисусу, по преданию, отличавшийся темным цветом кожи⁶) — тоже цыган. Тремя пейоративами этой группы, не связанным с цыганами, являются *șonț* 'хромой' — немец (ср. венг. *sánta*, *sántika* 'хромой'⁷; с/х., болг. *шантав* 'хромой, парализованный' — возможно, впрочем, что происходят они независимо от одного и того же источника или вооб-

⁵ Săineanu L. Dicționar universal al limbei române, ediția a VI-a. — 1929.

⁶ Ibidem.

⁷ Ibidem.

ще не родственны друг другу), *parhă* 'парша' (с вариантами *parhal*, *parhal*, *harhal* и *harhar*) — еврей и *ciutac* 'обрубок' — турок (этот КП, по-видимому, отсылает к обычаю обрезания, а стало быть, должен быть отнесён и к поведенческим).

Подмножеством телесной модели следует считать дегуманизационную, к которой относятся *balaur* 'змей' — цыган (мотивированный, похоже, фонетическим сходством с *balaoaches*), *cioară* 'ворона' — цыган, реже негр, *cioroi* 'воронище, большая ворона, самец вороны' (но не ворон — рум. *corb*)⁸ — цыган; *coțofană* 'сорока' — цыганка (мотивирующий признак тут скорее поведенческий, но факт дегуманизации имеет место), *gărvan* (< болг. *гарван* 'ворон') — цыган (ср. *cioară*, *cioroi*), *graur* 'скворец' — цыган, *cioropină* (*cioroi* + *arapină* 'арап' + увеличительный суффикс *-ină*, согласно этимологии, приводимой А. Скрибаном⁹) — цыган. Как можно убедиться, в основном происходит уподобление различным птицам с тёмным оперением, преимущественно из семейства врановых, основанное на приписываемом цыганам сходстве с ними во внешности и поведении.

Языковая модель представлена КП, указывающими на стереотипные имена: *honț* — от «Ганс» — трансильванский саксонец, *iuhtan* — еврей — по-видимому, воспроизводит стереотипное звучание ашкеназских фамилий на *-ман*¹⁰; использованием автоэтнонима в качестве отрицательно-окрашенной номинации: *poleac* — поляк (нейтрально — *polonez* либо устаревшее *leah*); указание на особенности звучания акцента: *maldafan* — молдаван (молдаван считают «русифицированными румынами», отсюда утрированное отражение русского акцента — безударные /о/ заменены на /а/; нейтральный же эт-

ноним пишется *moldovean*); подражание звучанию языка, характерным фразам: *danci* — цыганенок (< цыг. *dan ci* 'дай мне что-нибудь'); *rapales* (вероятно, 'заика': внутренняя форма затемнена, но, скажем, А. Скрибан усматривает здесь подражание косноязычному иностранному произношению¹¹) — грек, особенно бродячий торговец (ср. рус. *офеня* — согласно одной из версий, происходящего от названия города Афины). Возможно, сюда же относится *bozgor* — венгр, если верна этимология от *boscordi* 'ворчать, бормотать' (венгерский язык непонятен для румыноязычных) или версия венгерского историка Ш. Силадьи, который предполагает, что это слово представляет собой композит венгерского ругательства *baszd meg* (буквально «отымей меня») и румынского нейтрального этнонима, обозначающего венгра (*ungur*), а также, вероятно, многочисленные единицы с затемнённой этимологией: *ștronț* — немец, венгр; *șoangher*, *șoanghină*, *boanghen* (если только это не славянизм от *жгринь*, *вагринь*) — венгр — всё это могут быть подражания звучанию непонятного языка.

К поведенческим КП относятся алиментарные: *broscar* 'лягушатник', *macaronar* 'макаронник' — итальянец, *orezar* 'рисовод, рисоед' — азиат, по преимуществу китаец, *pilafgiu* 'пловодел' — турок (последние два КП представляют собой совмещение алиментарной и деятельностной модели). К вестиментарным недвусмысленно можно отнести лишь *șalvaragiu* 'шароварник' — турок; из прочих сюда относится уже неоднократно упомянутое *bozgor*, если верить наиболее правдоподобной версии его происхождения от диалектного произношения венг. *bocskor*, что означает определённый вид обуви без подошвы, в которой ходили балканские пастухи [Brubaker, 2006], и другой упоминавшийся уже этно-

⁸ Суффикс *-oi* совмещает в себе аугментативное, маскулитивное (с его помощью образуются наименования самцов животных: *pisoi* 'кот', *broscoi* 'самец лягушки', *lebedoi* 'лебедь' etc.) и общепейоративное значение.

⁹ Scriban A. Dicționarul limbii românești. — Iași: Presa Bună, 1939.

¹⁰ У А. Скрибана приводится версия происхождения от нем. ругательства *Jauchemann* 'навозный человек' (золотарь?) — однако здесь неочевидна связь с евреями. Также для данного КП следует отметить, вероятно, вторично возникшее значение «чёрт, вампир».

¹¹ Scriban.

ним *coțofană* — цыганкам, как и сорокам, приписывается преувеличенная любовь к блестящим украшениям и вообще дурной вкус. На другие особенности поведения и характера указывает лишь то же *coțofană* (цыганам, как и сорокам, приписывается страсть к воровству) и, возможно, *cioropină*, которое, по нашей догадке, может быть искаженным *cere-pâine* 'проси-хлеба' (ср. *danci*, а также семантически и структурно сходный вариант в разделе, посвящённом арумунскому языку). К обычаям и традициям отсылает упоминавшееся ранее *ciutac*.

Чистых примеров гетеротопической модели в румынском почти не нашлось. В сочетании с прецедентной её можно обнаружить разве что в КП *faraon* — цыган (отсылает как к народному поверью о происхождении цыган из Египта, так и к конкретному эпизоду библейской истории — цыганам приписывается родство с войском того самого фараона, который утонул в водах Красного моря, преследуя евреев). Другим весьма условным исключением здесь может считаться вышеуказанное *bozgor*. Среди неспециалистов широко распространено мнение, что данный этнопейоратив якобы переводится с венгерского как «человек без родины» или «без страны»¹². Несмотря на свой явно мифический характер («человек без родины» по-венгерски — *hazátlan ember*, «человек без страны» — *hontalan ember*) эта версия в любом случае заслуживает упоминания, так как данное представление само по себе является важной частью картины мира тех, кто словом, собственно, пользуется. Стоит отметить, что эта мифологема относится к давнему спору румынского и венгерского историко-мифологических нарративов о том, кто из двух народов первым занял Семиградье, тем самым получив историческое право им владеть, в частности, к тому, что венгры — это якобы кочевники, пришедшие откуда-то из диких азиатских степей и лишённые

собственной территории [Лучканин, 2014]. Другая ненаучная версия прямо выводит *bozgor* из турецкого *bozkır* 'степь'. Таким образом, обе эти фольклор-этимологии, хотя и не имеют ничего общего с реальным происхождением слова, тем не менее отражают существующие в румынской концептуальной картине мира представления о чужаках-мадьярах как о пришельцах извне, с территории бескрайних равнин Центральной Азии.

Наконец, многие КП-единицы румынского языка не поддаются анализу на синхронном срезе, так как заимствованы из каких-то третьих языков, скажем, *pet* — чех, заимствование из нем. *Böhm* [Борисов, Пилипенко, 2020]; *șoacăț* — немец или венгр, заимствование из с/х. *шокац* (см. ниже); *liftă* — католик, скорее всего, от искаженного «Литва»; *hahol* — украинец (< рус. *хохол*), *cifut*, *jidov*, *jidan*, *târtan* — различные пейоративные обозначения для евреев, заимствованные соответственно из турецкого, старославянского и немецкого языков (последнее из них само по себе обладает любопытной этимологической историей, так как происходит от немецкого *Untertan* 'подданный'¹³: первоначально оно, по-видимому, эвфемистически подразумевало евреев — подданных австрийской монархии, которой исторически принадлежала Трансильвания, однако ничего не сообщает об образе чужака), либо не несут значимой информации для исследования, так как уничижительное значение выражено в них недифференцированно, при помощи уменьшительного, увеличительного или просто общепейоративного суффикса (*bulgăroi* — болгарин, *grecoței*, *grețușor* — грек, *negrotei* — негр, темнокожий, *nemțâlău* — немец, *rusnac* — русский, *papistăș* — католик).

В болгарском языке удалось выявить 19 пейоративных лексем, имеющих отношение к полю «чужого»¹⁴. КП с указанием внешности не фиксируются, дегумани-

¹² Dicționar explicativ al limbii române. — URL: <https://dexonline.ro>

¹³ Ibid.

¹⁴ Речник на българския език. — URL: <https://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg>

зации пока тоже наблюдать не удалось. Единственное, что как-то можно сюда при-вязать, это *мангал* — цыган с вариантами *манго* и *мангасар*. Скорее всего, эта лексема относится к языковой модели, но носители языка связывают это уничижительное прозвище со словом «мангал» в значении «жаровня» с обоснованием: мангал — это нечто закопчённое, тогда как стереотипный образ цыгана подразумевает черноту и грязь (ср. рум. *încărbunat*).

К языковой модели относится *дойчовец* — немец (от самоназвания *Deutsch*), а также, возможно, *мужик* — русский, представляющее собой заимствование из русского языка.

К алиментарной модели однозначно относится *жабар* ‘лягушатник’ — итальянец и *мамализгар* ‘мамалыжник’ — румын; к вестиментарной — *фес* ‘феска’ и *пискюл* ‘кисточка’ — турок (характерные элементы традиционного турецкого национального костюма). Сексуальная модель фиксируется среди политических пейоративов и представлена одним примером: *гербераст* — член или сторонник националистической партии *ГЕРБ + педераст*. К поведенческим, фиксирующим религиозные обычаи, следует отнести *рязан* ‘обрезанный’, *рязан пищов* ‘обрез, короткоствол’ — турок; *катунар* ‘таборщик’ — цыган — указывает на кочевой образ жизни; *апаш* (в смысле «жулик») с тем же референтом [Lesnichkova, 2020] демонстрирует стереотипно приписываемую цыганам склонность к воровству.

Исторически-прецедентная модель имеет в основе этнонимы и катойконимы, когда-то бывшие вполне нейтральными, но со временем приобретшие отрицательную коннотацию: *византиец*, *фанариот* — грек (эти два КП содержат импликацию лицемерия и коварства¹⁵, однако из их внутренней формы это никак не следует), *арнаутин* — албанец, *прусак* — немец.

К недифференцированным относятся заимствования: *чифут/чифутин* — еврей

(< тур. *çifut*), *рашгн* — русский и *джипси* — цыган (< англ. *Russian* и *Gypsy*). Здесь с некоторой натяжкой можно было бы говорить о языковой модели, но даже если это и так, проявляется она очень косвенно, через иностранное звучание самой лексемы.

В сербскохорватском языке (поскольку набор пейоративной лексики один и тот же, было принято решение не разделять здесь его на сербский, боснийский, хорватский и черногорский) выявлен 21 КП, немалая часть которых имеет отношение к внутриюгославским этноконфессиональным конфликтам.

Дегуманизационная модель телесной модели представлена КП *товар* ‘осел’, употребляемым по отношению к далматинцам — по-видимому, с коннотацией «рабочей скотины» (см. далее *шкунтур*).

Языковую модель можно наблюдать на примере КП *шунтар* — албанец, происходящем от автоэтнонима *shqiptar*; очевидно, к этой же группе следует отнести лексему *балија*, применяемую по отношению к туркам и югославским мусульманам (бошнякам) и происходящую, по-видимому, от османского личного имени (тур. *Bâli*), которое, в свою очередь, происходит от арабского *بالي* (*bālī*, ‘изношенный, ветхий’)¹⁶. Кстати говоря, сам этноним бошняк воспринимается частью носителей как пейоративный, поскольку ошибочно связывается с тур. *boş* ‘ничто, ничтожество’.

КП с алиментарной моделью представлены тем же самым жабар с тем же референтом «итальянец»; КП с сексуальной моделью — лексемой *козојерб* — албанец, босниец, также, по-видимому, вообще мусульманин; общеповеденческая (в данном случае — деятельностьная) модель — КП *коњушар* ‘конюх’ — хорват или словенец (возможно, с импликацией «прислужник» — словенцы и хорваты воспринимаются как предавшие православие и свободу и пошедшие в услужение к католикам-Габсбургам, те, кто, согласно сербской поговорке, *мења веру за вечеру*,

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Викисловарь — многоязычный открытый словарь. — URL: <https://wiktionary.org>

то есть променяли веру на ужин), *шкуртор/шкуртур* (аллегровая форма от *егзекутор* 'исполнитель [какой-либо грязной работы]', австрийский прислужник, подхалим')¹⁷ — далматинец и *чергар/чергаш* 'палаточник' т.е. не имеющий постоянного пристанища, бродяга, скиталец — цыган.

Важную роль у народов бывшей Югославии играют всевозможные исторические обиды, что приводит к важному положению исторически-прецедентной модели: среди сербов к хорватам применяется прозвище *усташа* (усташи — хорватская фашистская ультраправая организация, действовавшая с 1929 по 1945 гг.), тогда как сербы среди хорватов и боснийцев именуется *четници* (ед. *четник* — по названию национал-монархических сербских ополченческих формирований первой половины XX в.). Также к прецедентным могут быть отнесены такие единицы, как *шваба* — немец, австриец, *шокац* (от немецкого диалектного произношения этнонима *Sachse* 'саксонец') — немец, также католик, *влах* (в значении «иноземец, иноверец»: католики-хорваты называют так православных, мусульмане-боснийцы — всех вообще христиан) и *латин* — католик.

Наконец, к недифференцированным КП относятся суффиксально образованные *црнчуга* (негр от *црни* — чёрный; КП содержит указание на телесную особенность — цвет кожи, однако носителем оценочности следует, наверно, полагать именно суффикс, ср. *љенчуга* 'лентяй') и *србенда* (серб вообще и сербский ура-патриот в частности)¹⁸, а также заимствованные из третьего языка *бодул* — далматинец (< ит. *bodolo*)¹⁹, *габель* — цыган (< алб. *gabel* — см. ниже), *чифутин/чивутин* — еврей (< тур. *çifut*) и *каур* — неверный, немусульманин, ср. рус. *гяур* (< тур. *gâvur*)²⁰.

Особо стоит выделить лексему *потурица/потурченик/потурченьак* — потурченец (человек, принявший ислам и таким образом «ставший турком»), которая находится вне выделенных моделей, эксплицитно указывает на акт смены идентичности, при этом к такой смене демонстрируется явно отрицательное отношение, а конфессиональная идентичность прямо увязывается с этнической (мы считаем, что эта особенность чрезвычайно важна для понимания сербской картины мира).

В македонском набор схож, с одной стороны, с болгарским, а с другой — с сербскохорватским языком и насчитывает 9 единиц. Заметна та же алиментарная модель, представленная той же самой лексемой *жабар* (с тем же референтом «итальянец»). К языковой модели относится *шинтар* (албанец — ср. в с/х.) и производное от него *шинец*, а также, вероятно, *манга* (цыган — ср. в болгарском, также в зависимости от этимологии, может быть отнесён к телесной) и не всегда воспринимающийся как обидный этноним *цинцар* — аромун, происходящий либо конкретно от аром. *tsintsi* 'пять', либо от общего впечатления от звучания аромунского языка, переполненного сочетаниями [tʃi], [tʃe] в тех позициях, где в других балканороманских языках обычно произносится [tʃi], [tʃe] либо [ji], [je]²¹. К гетеротопической модели, вероятно, стоит отнести КП *џуптин* ('египтянин', т.е. цыган — по происхождению аналогично англ. *gypsy* и рум. *faraon*). К недифференцированным следует относить суффиксальные образования: знакомое по сербскохорватскому *црнчуга* с тем же значением и политический КП *комунар* — коммунист, а также *јенки* 'американец' — очевидный англицизм (ср. рус. *янки*)²².

¹⁷ Српски дијалектолошки зборњик. Књига LXII. Расправе и грађа. — Београд: Српска академија наука и уметности и институт за српски језик САНУ, 2015.

¹⁸ Автор считает целесообразным включение данного КП в материал для исследования, поскольку его референт относится к полю «чужого» как с точки зрения хорватов и боснийцев (являясь этническим), так и с точки зрения сербов, не разделяющих ура-патриотические убеждения (являясь политико-идеологическим КП).

¹⁹ Hrvatski jezični portal. — URL: <https://hjp.znanje.hr>

²⁰ Речник српскога језика. Измењено и поправљено издање. — Нови Сад: Матица Српска. — 2011.

²¹ Capidan Th. Aromâniî. Dialectul aromân. — Bucureşti: Academia Română, 1932.

²² Дигитален речник на македонскиот јазик. — URL: <http://drmj.eu>

Для албанского языка (13 единиц) фиксируется наличие телесной модели (*manga* — цыган: ср. болг., макед.), алиментарной модели (*zhabar* ‘жабод’ — итальянец; возможно, что и готовое заимствование из какого-нибудь соседнего славянского языка, однако внутренняя форма явно ощущается носителями за счёт наличия в албанском слова *zhabe* — собственно, ‘жаба’), общеповеденческой модели (*cergar/cergatar* ‘палаточник’, странник — цыган; *gabel* ‘обманщик’ — цыган²³) и недифференцированных суффиксальных образований (*grekoman* — грек, *turkoshak* — турок) и заимствований (*jenki* — американец). Из суффиксальных образований, впрочем, небезынтересна для рассмотрения лексема *shipuc* (буквально ‘албанчик’, но на практике обозначающая албанофоба — чаще всего из числа сербов или македонцев). Этот КП представляет собой фонетически искажённую версию автоэтнонима *shqip*; но с выпавшим [с] (на письме — *q*), как в южнославянском уничижительном этнониме *shinpar* (который был заимствован из албанского *shqiptar* и вошёл в сербскохорватский как *shhunepar*, но данная форма стала архаизмом, форма же без *h* воспринимается как уничижительная самими албанцами) в соединении с диминутивным суффиксом *-uc*. Ещё один сложный и неоднозначный случай демонстрирует КП *viç* ‘телёнок’ — серб, черногорец. На основании буквального значения внутренней формы его следует отнести к дегуманизационным, однако это *-viç* представляет собой намёк на распространённое окончание сербских фамилий *-вич* (с/х. *-вић*) и конкретно на Слободана Милошевича, то есть данный пейоратив обладает также признаками языкового и исторически-прецедентного. Кроме того, *viç* используется с независимо возникшим пейоративным значением «глупец, неда-

лекий человек» и, возможно, вызывает соответствующие ассоциации, но здесь их, очевидно, не стоит брать в расчёт по причине вторичности. Для цыган отмечается лексема *arixhi* ‘медвежий вожак’, которая должна быть внесена в графу общеповеденческих КП. Также по отношению к цыганам в албанском употребляются КП *katal*, *kurbat* (турецкого происхождения) и *magjup/maxhup* с затемнённой внутренней формой: о первом сложно сказать что-то определённое, второе, согласно М. Койновой, вероятно, имеет отношение к идее изгнанничества (тур. *gurbet* ‘чужбина’)²⁴ и, стало быть, говорит о наличии гетеротопической модели, третье же как-то связано либо с приписываемым цыганам египетским происхождением, либо с предполагаемыми магическими способностями — таким образом, его следовало бы отнести либо к гетеротопической, либо к поведенческой модели, однако наиболее осторожным решением будет оставить его среди недифференцированных. В заключение стоит отметить, что знакомое нам по другим балканским языкам слово *çifut* имеется и в албанском, но не несёт какой-либо отрицательной окраски²⁵, а стало быть, выходит за рамки нашего предмета исследования.

Для аромунского языка (11 единиц) отмечается физическая модель (*subtsāri* ‘худые, тонкие’, *limbā-subtsāri* ‘тонкий язык’ — греки, *groshi* ‘толстые’ — болгары, *lāvoshi* ‘грязные’ — сербы), алиментарные (*macaronari* ‘макаронники’ — итальянцы) и общеповеденческий КП *purintsā* ‘язычники’ — помаки. Кроме них, также *zdaŋgaŋi* с не совсем ясной внутренней формой — болгары и/или македонцы (в румыноязычном источнике указан перевод этого этнонима как «mojic» — «мужики» в смысле «деревенщина»). Для греков, подобно албанскому, используется прозвище *gricumani*.

²³ Согласно альтернативной версии, которую приводит М. Койнова это слово — буквально значит «чужак, иноземец» и восходит к некоему неназванному «средиземноморскому корню», вероятно, через латинское посредство. В данной работе мы придерживаемся другой версии как более прозрачной, однако считаем необходимым привести также и эту (Koinova M. Minorities of Southeast Europe: Roma of Albania // CEDIME-SE, 2000. — URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/46231/Koinova_RomaofAlbania.pdf?sequence=1&isAllowed=y).

²⁴ Ibid.

²⁵ Fjalor i gjuhës shqipe (ASHSH 2006). — URL: <https://fjalorthi.com/>

Эпитеты «тонкие» в отношении греков и «толстые» в отношении болгар любопытным образом перекликаются со строками Михая Эминеску (румынского поэта эпохи романтизма, одного из пантеона «отцов нации» и наиболее мифологизированных историко-литературных фигур [Кирчанов, 2016]): «*Și apoi în sfatul țării se adun să se admire // Bulgăroi cu ceafa groasă, grecotei cu nas subțire...*»²⁶: «А потом в государственном совете собираются покрасоваться // *Болгарище с толстым затылком, грекотей с тонким носом...*» (перевод подстрочный — в существующем поэтическом переводе И. Миримского данный момент опущен). Похоже, представление о какой-то особой тонкости черт лица у греков и полноте у болгар является если не константой, то, по крайней мере, устойчивым стереотипом среди восточнороманских народов. Также П. Папахаджи²⁷ приводятся несколько этнонимов, употребляемых по отношению к цыганам — о них не указано «прозвища» (*porecle*), однако по своим семантическим признакам это именно КП: *fusari* ‘веретенники’, *ursari* ‘медвежьи вожаки’, *tsirăpânj* (у Папахаджи дано в дакорумынской орфографии — *Țirăpînj*) — буквально ‘проси-хлеба’ т.е. «попрошайки»²⁸; все эти лексемы следует отнести к общеповеденческой модели.

Для новогреческого языка (10 единиц) фиксируется наличие общеповеденческой модели среди политических КП (*Κατοαπλιάς* ‘вор, грабитель’ — боец ЭЛАСа, Греческой народно-освободительной армии²⁹), в основном же доминирует исторически-прецедентная модель и недифференцированные КП. К первой можно отнести КП *Αράπης* с вариантом *αραπάκι*, осложнённым уничижительным суффиксом, ‘арап’ — негр; араб (тур. *агар*; примечательно тем, что помимо реального референта означает также

некоторое сверхъестественное существо, которым пугают детей)³⁰, *Αγαρηνός* ‘агарянин’ — турок, араб (по-видимому, вообще мусульманин), *Φράγκος* ‘франк’ — католик и производный от него *Κουτόφραγκος* ‘тупой франк’ — западноевропеец (очевидно, по преимуществу турист — ср. исп. *guiri*), ко второй же — *Αμερικανάκι* ‘америкашка’, *Ελληναράς* ‘гречище’ — великогреческий шовинист³¹ и *Τουρκαλάς* — турок. Особняком стоит *Καράγυφτος* — цыган, в котором пейоративная коннотация передана приставкой турецкого происхождения со значением «чёрный», однако в греческом эта приставка приобрела общеоценочное значение, например, *καραπουτάνα* — ‘проститутища’, то есть данный КП тоже скорее следует отнести к разряду недифференцированных. Вышеуказанное *Αράπης* может быть дополнено производным от него *Σκυλάραπας* ‘сучий арап’ (*σκύλα* ‘сука’), который можно было бы записать в дегуманизационные, однако это, судя по всему, такая же десемантизированная обобщенно-пейоративная приставка, как и *καρα-*. Говоря о греческих пейоративах, нельзя не отметить нейтральный на первый взгляд термин *Σκοπιανός* ‘скопьянец (житель Скопья)’ [Колосков, 2011], не попадающий ни под одну из моделей и применяемый в качестве уничижительного названия для всех македонцев вообще — тем самым подчёркивается отсутствие у них какой-либо преемственности с античной Македонией и исторического права на это имя (в качестве параллели можно вспомнить КП *московит*, которым некоторые националистически настроенные жители Украины именуют русских, имея в виду, что право на топоним «Русь» на самом деле якобы принадлежит Украине).

При сравнении КП-фонда разных языков БЯС в глаза бросаются следующие осо-

²⁶ Eminescu M. Scrisoarea a III-a. — URL: https://www.mihaieminescu.eu/opere/poezii/scrisoarea_III.html#_YoPabIRBzIU

²⁷ Papahagi P. Numiri etnice la Aromâni. — București, 1925.

²⁸ Ibid.

²⁹ Викисловарь.

³⁰ Dictionary of Standard Modern Greek. — URL: https://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides/search.html?lq=%CE%91%CF%81%CE%AC%CF%80%CE%B7%CF%82&dq=

³¹ Мотив включения в материал КП *Κατοαπλιάς* и *Ελληναράς* аналогичен приводимому ранее КП *србенда*: референт является чужаком по отношению к носителям греческого, не разделяющим его политические убеждения.

бенности:

— наличие формально и семантически совпадающих элементов (как в близкородственных — с/х. и макед. *црнчуга*, *шинтар*, — так и в отдалённо-родственных языках: ср. алб. и с/х. *габель/gabel*, *чергар/cergar*, макед., болг. и алб. *мангал/манга/manga*, с/х., макед., болг. и алб. *жабар/zhabar*, с/х., макед., болг. и рум. *чифут/cifut*);

— наличие общих ареальных поверий о происхождении иных народов (гр. *Καράυυφτος*, макед. *џуптин* и рум. *faraon*) и стереотипов (алб. *arixhi* и аром. *ursar*), в том числе не совпадающих со стереотипами, бытующими в других культурных регионах (например, с/х., болг., макед. и алб. *жабар/zhabar*, рум. *broscar* говорят о том, что поедание лягушек приписывается не французам, а итальянцам);

— малая представленность сексуальной модели по сравнению, например, с данными русского и английского языков (это можно объяснить пуританством местных лексикографов, так как в балканских культурах по-прежнему сильно традиционное мышление, лексемы же данной семантической группы, если таковые имеются, несут, должно быть, особую степень табуированности).

Таким образом (на текущий момент — с новыми данными неизбежно будут и новые цифры) можем наблюдать, что наиболее часто встречаемыми моделями в пределах БЯС являются языковая (6/7) и общеповеденческая (6/7), несколько уступает им алиментарная (5/7), несомненным лидером же оказываются телесная (7/7) и недифференцированные КП (7/7, в основном разного рода суффиксальные образования с обобщенно-отрицательным значением — неудивительно, так как все балканские языки обладают богатой словообразовательной морфологией, а также заимствования — что опять-таки не является таким уж большим сюрпризом, учитывая высокую степень языкового синкретизма в рамках БЯС). Сексуальная (1/7), гетеротопическая (3/7) и прецедентная (4/7) модели представлены относительно

слабо. Наблюдается, впрочем, асимметрия относительно представленности моделей в языках Балкан и широты охвата номинируемых групп: языковая и общеповеденческая модели по сравнению с телесной обладают большей универсальностью, так как применимы к обширному кругу референтов, в то время как телесная — преимущественно (за редкими исключениями) к единственному этносу.

Среди недифференцированных пейоративов, тем не менее, интересен пласт турецких заимствований (например, *чифут/cifut*), так или иначе имеющийся во всех балканских языках (по словам И.А. Седаковой, «наличие турцизмов — существенная черта словарей всех языков, входящих в балканский языковой союз. Изучение турцизмов, по мнению многих учёных, является одной из самых актуальных задач балканистики» [Седакова, 2014]). Сам по себе этот пласт с точки зрения внутренней формы ни о чём не свидетельствует, поскольку у заимствований в языке-реципиенте редко когда можно говорить о наличии вообще какой-либо внутренней формы, — однако вписывается в существующую тенденцию: среди пейоративов в балканских языках много тюркизмов, часто нейтральное слово автохтонного происхождения имеет тюркский синоним с экспрессивной составляющей (ср. рус. пару *голова* — *башка*), и, может быть, само тюркское происхождение, таким образом, можно трактовать как маркер отрицательной коннотации. По мнению ряда специалистов, это действительно так: как пишет, например, Н.И. Стоянова, о болгарском языке, «большой частью турцизмы осознаются носителями языка как иностранные слова и не употребляются в литературном языке. Часто они используются как средство выражения особого, пейоративного отношения» либо «для создания особой экспрессии, шутливо-иронического тона»: например, в значении «разрешение, удостоверение» болгарин может использовать тюркизм *тапия*³² [Стоянова, 2007] — по-

³² Стайнова М. За пейоризацията на турцизмите в българския език. // Български език. — 1964. — № 3. — с. 183— 186.

добно тому, как русскоязычный в подобном случае может сказать *аусвайс*.

Неожиданно слабо оказалась представлена дегуманизация — даже в отношении народов, с которыми имели место вооруженные конфликты; принимая во внимание отмеченную в мифологической картине мира балканских народов связь чужака с понятиями хтонического и потустороннего, теоретически следовало бы ожидать появления дегуманизации демонического типа, то есть уподоблений сверхъестественному существу — однако, к нашему удивлению, таковой тоже не наблюдается. Исключение, как и в случае с пейоративами, связанными со внешностью, составляют лишь немногочисленные прозвища для цыган (рум. *cioară, coțofană, balaur*) и изолированный албанский этноним *viç* с многослойной семантической структурой. Как нам представляется, это кажущееся несоответствие можно объяснить тем, что мифологические представления относятся к области архаики, пассивного слоя концепта, если пользоваться терминологией Ю.С. Степанова³³, тогда как употребляющиеся в языке КП хоть и отражают в некотором смысле мифологическое мышление, но в большей степени опираются на синхронные представления, т.е. активный слой концепта.

Существенной проблемой для отнесения того или иного КП к одной конкретной модели оказалась своего рода «лексическая синтетосемия», то есть тенденция к совмещению в одном и том же слове (или даже корне) нескольких взаимосвязанных мотивирующих признаков. К примеру, румынский КП *coțofană* содержит в себе одновременно уподобление животному (дегуманизацию, т.е. проявление телесной модели), нравственно-поведенческую характеристику и указание на вестиментарный паттерн — по этой причине данный этнофолизм попадает сразу в три строки таблицы, тем самым осложняя статистические подсчёты.

Ещё одной, даже более существенной, проблемой является недостаточная задо-

кументированность (а некоторых языков, например, аромунского, это касается не только в отношении КП, но и лексики в целом) — отсюда ограниченность данных, с которыми приходится работать. Скажем, данные по аромунскому взяты из одного-единственного труда П. Папахаджи, и вывод здесь может быть лишь один — необходимость дальнейших исследований, в том числе (и даже главным образом) — полевых.

Подобный результат — многочисленность телесных пейоративов, но узконаправленность самой модели по сравнению с алиментарной и общеповеденческой — может иметь следующее объяснение. Образ жизни у балканских народов примерно одинаковый (когда-то одни были преимущественно полукочевыми пастухами, другие — оседлыми земледельцами, третьи — рыбаками, торговцами и мореплавателями, однако со временем этносы всё больше перемешивались, перенимая друг у друга хозяйственный уклад и быт), внешность — тоже более-менее схожая за счёт большого числа межэтнических браков (исключение, как в плане образа жизни, так и в плане внешности, составляют цыгане — и надо ли удивляться, что именно они и являются референтами большинства телесных и поведенческих пейоративов!). Получается, что ключевыми факторами разделения становятся язык, религия (и связанные с ней обычаи — хотя они тоже проявляют высокую степень синкретизма), кухня и разного рода исторические обиды (прецедентная модель, как правило, связана именно с ними, ср. пару *усташе — четници*), а прототипический балканский чужак — это тот, кто иначе выглядит, иначе ведёт себя, иначе живет, молится и питается, но прежде всего — иначе говорит.

Выводы

Исследование образа «чужого» в картине мира балканских народов на основе сравнительного анализа внутренней формы КП, употребляемых в соответствую-

³³ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. — Москва: Академический проект, 2004. — 989 с.

щих языках, показало, что наиболее часто применяемым моделями являются (по возрастающей) общеповеденческая, алиментарная, языковая, телесная и недифференцированная, а следовательно, прототип чужака в балканской картине мира — это, с одной стороны, тот, кто иначе выглядит, а с другой — тот, кто иначе говорит и поступает, причём последняя из этих моделей гораздо более активна по количеству референтов. Вероятно, это связано с тем, что в условиях чересполосного проживания, межэтнических браков, заимствования друг у друга элементов костюма, обычаев, кухни и образа жизни язык оставался одним из самых мощных идентифицирующих факторов, по которым одна общность могла противопоставить себя другой (исключением здесь выступают народы бывшей Югославии, говорящие фактически на одном идиоме — конкретно между ними на первое место вышла бы прецедентная модель). Наиболее же важным референтом, «значимым иным», если судить по количеству пейоративов, следует считать цыган (а вовсе не турок, как мы предполагали изначально) — именно цыгане долгое время

жили в Балкано-Карпатском регионе, не смешиваясь с другими народами, сохраняя отличный от соседей внешний облик, свой особенный (кочевой) уклад и практику поведение, порицаемое с точки зрения оседлых народов. Сказалась здесь, несомненно, также многовековая закрытость цыганского сообщества от посторонних, в связи с чем реальные представления об их образе жизни во многом оказались замещены мифами.

Наши выводы можно охарактеризовать как предварительные, с появлением нового материала либо более однозначной системы классификации их оценка, скорее всего, изменится в ту или иную сторону. И всё же мы выражаем надежду, что данное исследование если и не поспособствует смягчению этнополитического напряжения на Балканах (полагать так было бы слишком наивно и самонадеянно), то как минимум сделает его корни более понятными, а дальнейшее развитие этнополитической ситуации в регионе — более предсказуемым, а стало быть — более управляемым.

Список условных сокращений:

Алб. — албанский язык, англ. — английский язык, аром. — аромунский язык, болг. — болгарский язык, БЯС — Балканский языковой союз, венг. — венгерский язык, гр. — греческий язык, ед. — единственное число, ит. — итальянский язык, КП — ксенологический пейоратив, макед. — македонский язык, мн. — множественное число, нем. — немецкий язык, рум. — румынский язык, рус. — русский язык, с/х. — сербскохорватский язык, тур. — турецкий язык, цыг. — цыганский язык.

Список литературы:

- Беляков С.С. Сербы — «чужак» № 1 // Вопросы национализма. — 2010. — №3. — С. 128-140.
- Борисов С.А., Пилипенко Г.П. Чешско-сербско-румынские языковые контакты в румынском Банате на материале полевого исследования // Вестник Томского государственного университета. — 2020. — № 459. — С. 15-26. <https://doi.org/10.17223/15617793/459/2>
- Голант Н. Библийские сюжеты в румынском фольклоре и мифологические представления румын о евреях // Устное и книжное в славянской и еврейской культурной традиции. — Москва: Издательство Пробел-2000, 2013. — С. 220-226.
- Голант Н. Обычаи, обряды и образ жизни евреев в зеркале румынских мифологических представлений // "Старое" и "новое" в славянской и еврейской культурной традиции. — Москва: Издательство Пробел-2000, 2012. — С. 314-323.

Голант Н.Г. Мифологические представления румын Олтении и Мунтении (по материалам экспедиций в вылчу, Горж, Мехединц и Бузэу) // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. — 2016. — Т. 12, № 3. — С. 27-40.

Кирчанов М.В. «Культура незнания» как форма исторического воображения и политической культуры русского и болгарского национализма // *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. — 2021. — Т. 5, № 3. — С. 357-366. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2021-5-3-357-366>

Кирчанов М.В. Воображая Румынию пространственно и телесно: «Национальный локус» и «Национальное тело» как изобретаемые традиции раннемодерной румынской идентичности второй половины XIX века // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. — 2016. — № 2. — С. 169-192. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu19.2016.211>

Колосков Е.А. Македонско-греческий спор о названии: аспекты, этапы и поиски решения // *Славянский альманах*. — 2011. — Т. 2010. — С. 186-203.

Ламаш М.В. Балканский полуостров: особенности геополитических и межнациональных процессов // *Русская политология*. — 2021. — № 1. — С. 90-99. <https://doi.org/10.51180/RPS.2021.18.1.007>

Лучканин С.М. Дискуссионные проблемы румынского этно- и глоттогенеза в контексте политико-идеологических факторов и румыно-венгерской межкультурной коммуникации в Трансильвании // *Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации*. — 2014. — Т. 27, № 1-1. — С. 20-24.

Лысенко В.Г. Познание чужого как способ самопознания: Запад, Индия, Россия (попытка ксенологии) // *Вопросы философии*. — 2009. — № 11. — С. 61-77.

Парастатов С.В. «Македонский вопрос» в контексте современного геополитического процесса на Балканах // *Правовая политика и правовая жизнь*. — 2010. — № 1. — С. 128-133.

Плотникова А.А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. — Москва: Институт славяноведения, 2009. — 154 с.

Потебня А.А. Слово и миф. — Москва: Правда, 1989. — 622 с.

Романова А.П. Амбивалентность образа монстра в современной культуре: дихотомия «свой — чужой» // *Евразийский союз ученых*. — 2015. — № 10-3. — С. 52-54.

Седакова И.А. Балканизмы и турцизмы: новые подходы к проблеме // *Славянский альманах*. — 2014. — Т. 2013. — С. 553-562.

Соболев А.Н. Основы лингвокультурной антропогеографии Балканского полуострова. — Санкт-Петербург; München: Наука; Verlag Otto Sagner, 2013. — 264 с.

Стоянова Н.И. Турцизмы во фразеологизмах болгарского языка // *Вестник Дагестанского государственного университета*. — 2007. — № 6. — С. 102-107.

Трефилова О.В. Болгарская народная демонология: краткий обзор // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. — 2020. — Т. 15, № 3-4. — С. 160-181. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2020.15.3-4.11>

Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году. — Санкт-Петербург: Наука, 2005. — 431 с.

Цивьян Т.В. Движение и путь в балканской модели мира. — Москва: Индрик, 1999. — 376 с.

Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. — Москва: URSS, 2006. — 279 с.

Friedman V. Balkan Slavic dialectology and Balkan linguistics: Periphery as center // *American contributions to the 14th International Congress of Slavists, Ohrid, September 2008. Vol. 1. Linguistics*. — Bloomington: Slavica, 2008. — Pp. 131—148.

Lesnichkova L. The Notion of the Foreign in Hungarian and Bulgarian Phraseologisms // *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*. — 2017. — Vol. 9, № 2. — P. 27—36. <http://doi.org/10.1515/ausp-2017-0015>

Lindstedt J. Linguistic Balkanization: Contact-induced change by mutual reinforcement // *Languages in Contact. Studies in Slavic and General Linguistics*. — Amsterdam; Atlanta, GA: Rodopi, 2000. — pp. 231-246. <http://doi.org/10.2307/40997168>

References:

- Belyakov, S. S. (2010) 'Serby — "chuzhak" №1 [Serbs – the alien No 1]', *Voprosy nacionalizma*, (3), pp. 128–140. (In Russian).
- Borisov, S. A. and Pilipenko, G. P. (2020) 'Czech-Serbian-Romanian Language Contacts in Romanian Banat Based on a Field Research', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (459), pp. 15–26. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/15617793/459/2>
- Foucault, M. (1999) *Les anormaux*. Paris: Gallimard. (Russ. ed.: (2005) *Nenormaljnye: Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1974—1975 uchebnom godu*. Saint Petersburg: Nauka Publ.).
- Friedman, V. (2008) 'Balkan Slavic dialectology and Balkan linguistics: Periphery as center', in *American contributions to the 14th International Congress of Slavists, Ohrid, September 2008. Vol. 1. Linguistics*. Bloomington: Slavica, pp. 131–148.
- Golant, N. (2012) 'Obychai, obrjady i obraz zhizni evreev v zerkale rumynskih mifologicheskikh predstavlenij [The Jews' customs, rituals and way of life as reflected in Romanian mythological ideas]', in «The Old» and «The New» in Slavic and Jewish Cultural Tradition. Moscow: Probel-2000 Publ., pp. 314–323. (In Russian).
- Golant, N. (2013) 'Biblejskie sjuzhety v rumynskom foljklore i mifologicheskie predstavlenija rumyn o evrejah [Biblical plots in the Romanian folklore and mythological ideas of the Romanians about the Jews].', in *Oral and Written in Slavic and Jewish Cultural Tradition*. Moscow: Probel-2000 Publ., pp. 220–226. (In Russian).
- Golant, N. (2016) 'Mifologicheskie predstavlenija rumyn Oltenii i Muntenii (po materialam ekspedicii v vylchu, Gorzh, Mehedinc' i Buzeu [Mythological ideas of the Romanians of Oltenia and Muntenia (a case study of the expedition to Vâlcea, Gorj, Mehedinți and Buzău)]', *Acta linguistica petropolitana*, 12(3), pp. 27–40. (In Russian).
- Kirchanov, M. V. (2016) 'Imagining Romania spatially and bodily: «national locus» and «national body» as inventing traditions of Romanian identity in the second half of the 19th century', *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 20(2), pp. 169–192. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu19.2016.211>
- Kirchanov, M. V. (2021) "'Culture of unknowledge" as a form of historical imagination and political culture of Russian and Bulgarian nationalism', *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political science. International relations*, 5(3), pp. 357–366. (In Russian). <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2021-5-3-357-366>
- Koloskov, E. A. (2011) 'Macedonian-Greek polemics on the name: aspects, stages and search for a solution', *Slavanskij al'manah (Moskva)*, 2010, pp. 186–203. (In Russian).
- Lamash, M. V. (2021) 'The Balkan Peninsula: features of geopolitical and interethnic processes', *Russian Political Science*, (1), pp. 90–99. (In Russian). <https://doi.org/10.51180/RPS.2021.18.1.007>
- Lesnichkova, L. (2017) 'The Notion of the Foreign in Hungarian and Bulgarian Phraseologisms', *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*, 9(2), pp. 27–36. (In Russian). <http://doi.org/10.1515/ausp-2017-0015>
- Lindstedt, J. (2000) 'Linguistic Balkanization: Contact-induced change by mutual reinforcement', in *Languages in Contact. Studies in Slavic and General Linguistics*. Amsterdam; Atlanta, GA: Rodopi, pp. 231–246. <http://doi.org/10.2307/40997168>
- Luchkanyan, S. (2014) 'Historico-linguistic disputes about latin danube and the continuity of the roman element in ethno- and glottogenesis of Romania', *Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications*, 27(1–1), pp. 20–24. (In Russian).
- Lysenko, V. G. (2009) 'Knowledge of Another's as the Way of Self-Knowledge', *Voprosy Filosofii*, (11), pp. 61–77. (In Russian).
- Parastatov, S. V. (2010) "'The Macedonian Question" in the Context of Modern Geopolitical Process in Balkans', *Pravovaâ politika i pravovaâ žizn'*, (1), pp. 128–133. (In Russian).
- Plotnikova, A. A. (2009) *Materialy dlya etnolingvisticheskogo izuchenija balkanoslavjanskogo areala [Materials for the ethnolinguistic study of Balkanoslavic area]*. Moscow: Institut slavyanovedenija Publ. (In Russian).
- Potebnya, A. A. (1989) *Slovo i mif [Word and myth]*. Moscow: Pravda Publ. (In Russian).
- Romanova, A. P. (2015) 'A Monster image ambivalency in the contemporary culture "Own-Alien" dichotomy', *Eurasian Union of Scientists*, (10–3), pp. 52–54. (In Russian).

- Sedakova, I. A. (2014) 'Balkanisms and Turkisms: new approaches to the problem', *Slavânskij al'manah (Moskva)*, 2013, pp. 553–562. (In Russian).
- Sobolev, A. N. (2013) *Osnovy lingvokulturnoj antropogeografii Balkanskogo poluostrova [The foundations of linguocultural anthropology of the Balkan Peninsula]*. Moscow ; München: Nauka Publ.; Verlag Otto Sagner. (In Russian).
- Stoyanova, N. I. (2007) 'Turcizmy vo frazeologizmah bolgarskogo jazyka [Turkisms in the phraseological units of the Bulgarian language]', *Herald of Daghestan State University*, (6), pp. 102–107. (In Russian).
- Trefilova, O. V. (2020) 'Bulgarian Folk Demonology: A Brief Overview', *Slavic World in the Third Millennium*, 15(3–4), pp. 160–181. (In Russian). <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2020.15.3-4.11>
- Tsivyan, T. V (1999) *Movement and path in the Balkan world model*. Moscow: Indrik Publ. (In Russian).
- Tsivyan, T. V (2006) *Modelj mira i ejo lingvisticheskie osnovy [Model of the world and its linguistic foundations]*. Moscow: URSS Publ. (In Russian).

Информация об авторе

Евгений Владимирович Романин — аспирант Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 7-9 (Россия).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Evghenii Romanin — PhD-student of the Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya embankment, Saint Petersburg, Russia, 199034 (Russia).

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 17.06.2022; одобрена после рецензирования 23.07.2022; принята к публикации 12.09.2022.

The article was submitted 17.06.2022; approved after reviewing 23.07.2022; accepted for publication 12.09.2022.

ВОСПРИЯТИЕ ИННОВАЦИЙ ПЕДАГОГАМИ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: КЕЙС-СТАДИ БИЛИНГВАЛЬНЫЕ КЛАССЫ В МОСКВЕ И ОБЛАСТИ

Алина Алексеевна Королева¹, Анастасия Николаевна Никифорова²,
Лия Дмитриевна Новикова³

^{1,2} МГИМО МИД России, Москва, Россия

³ Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

¹ a.koroleva@inno.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0325-9486>

² nikiforova.a.n@my.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9858-8898>

³ novikova.ld@mail.ru

Аннотация. В статье на примере конкретной образовательной практики открытия билингвальных классов в начальной школе рассмотрено соотношение таких форм культурной динамики, как традиции и инновации. Обзор научных публикаций, вышедших за 2020 и 2021 гг., показал, что исследовательский интерес к этой теме наиболее характерен для русскоязычных и

испаноязычных авторов, что позволяет при анализе соответствующей проблематики учесть международный (преимущественно испанский) опыт. Как известно, смысл билингвального обучения состоит в двуязычной подаче образовательного материала при разнообразии структуры сочетания собственно языкового материала (официальный и миноритарный языки; официальный язык и язык мигрантов; официальный и иностранный). В ходе исследования подтвердилась гипотеза, согласно которой для продвижения проекта открытия билингвальных классов в Москве и области наиболее перспективную группу составляют преподаватели начального звена обучения. В начальных классах школы действует система, где за преподавание большинства дисциплин отвечает один преподаватель. Это позволяет внедрять проект поэтапно, без задействования большого количества педагогических кадров. Педагог, ведущий уроки в билингвальном классе, имея высокую степень методической свободы, что требует от него определённых личностных и профессиональных качеств. Результаты проведённого нами интервьюирования показали, что со стороны педагогов существует запрос на продви-

жение указанного проекта. Педагоги начальной школы региона достаточно мотивированы осваивать новшества, включая изучаемое, обращаясь при этом за помощью к специалистам-консультантам.

Ключевые слова: традиции и инновации в образовании, билингвальное образование, начальное образование, культурная динамика

Для цитирования: Королева А.А., Никифорова А.Н., Новикова Л.Д. Восприятие инноваций педагогами начального образования: кейс-стади билингвальные классы в Москве и области // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 3. — С. 126–140. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-126-140>

Research article

PERCEPTION OF INNOVATIONS BY PRIMARY EDUCATION TEACHERS: CASE STUDY OF BILINGUAL CLASSES IN MOSCOW AND MOSCOW REGION

Alina A. Koroleva¹, Anastasia N. Nikiforova², Liya D. Novikova³

^{1,2} MGIMO University, Moscow, Russia

³ Russian State Social University, Moscow, Russia

¹ a.koroleva@inno.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0325-9486>

² nikiforova.a.n@my.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9858-8898>

³ novikova.ld@mail.ru

Abstract. The article considers the balance of tradition and innovation as forms of cultural dynamics using the example of education. The review of scientific publications published in 2020-2021 has found that the research interest in the topic is characteristic both of Russian- and Spanish-speaking authors, which allows us to refer to international experience, mainly Spanish, for comparison. In this research the authors focus on the project of bilingual classes in primary schools in Moscow and Moscow region. The idea of bilingual education is that educational material is presented in two languages, yet the language pairs can vary: official and minority, official and migrant, official and foreign languages. In the context of the case study, teachers of primary education constitute the most promising group due to the structural features of this level. The system in which one teacher is responsible for most of the subjects allows the project to be implemented gradually without involving a large number of pedagogical staff. At the same time, a teacher of a bilingual class has an opportunity to develop an independent teaching strategy, demonstrating a high level of methodological freedom. The survey among the teachers found that while there is a demand for counseling on their part, they are motivated and receptive to innovations.

Keywords: traditions and innovations in education, bilingual education, primary education, cultural dynamics

For citation: Koroleva, A. A., Nikiforova, A. N., Novikova, L. D. (2022) 'Perception of Innovations by Primary Education Teachers: Case Study of Bilingual Classes in Moscow and Moscow Region', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(3), pp. 126–140. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-126-140>

Механизмы культурной динамики находят выражение в сочетании двух на первый взгляд противоречивых трендов. Первый — сохранение традиций; второй — введение инноваций, внутренне трансформирующих культурные процессы. Не секрет, что именно сочетание традиций и инноваций создаёт уникальный путь развития культуры. Наиболее общие вопросы, касающиеся данного парадокса, разберём ниже.

Для начала в рабочем порядке определим инновации как эффективные внедрённые новшества, значительно отличающиеся от предшествующих феноменов. В отличие от новаций, такие новшества со временем обязательно занимают своё место в символическом капитале культуры, используются в деятельности человека. Нередко на первом этапе внедрения инновации встречают непонимание и неприятие: на уровне обыденного сознания закрепилось мнение, что им «сопротивляются» традиции. Однако помимо того, что сами традиции могут существовать только через постоянное обновление, нельзя упускать из виду тот факт, что и традиции, и инновации представляют собой часть культурного наследия. Поэтому при разговоре о нелинейной зависимости традиций и инноваций, во-первых, речь всё чаще идёт о «сохранении связи с объектами наследия, унаследованными от прошлых поколений, что выражено во французском концепте *patrimoine*, а во-вторых, о сохранении этих объектов для потомков, что характерно для английского — *heritage*» [González-Monfort, 2019: 125]. В то же время, в наши дни закрепилось устойчивое выражение «культура инноваций». Считается, что её носители находятся в авангарде общественного развития. Структура культуры инноваций — тема отдельного исследования. Подчеркнём лишь, что её носители могут быть выходцами из разных социальных групп; объединяет их свободный творческий поиск новых идей, норм и способов деятельности, стремление к открытиям и изобретениям.

Культура инноваций в образовательной сфере имеет как своих приверженцев, так и противников. Отрицающие ценность

традиций обычно аргументируют свою позицию тем, что традиции слишком привязывают нас к прошлому, мешают движению вперёд. Признающие преимущественную ценность традиций часто получают от них ярлык консерваторов и рассматриваются как враги прогресса, развития и инноваций. С другой стороны звучат голоса, утверждающие, что в образовании, несмотря на стремительный рост числа новых идей и вещей (с которыми, по сути, оно должно помогать человеку справляться, что невозможно без инноваций в самом образовании), полный разрыв с традициями — очень плохая идея. Не удивительно, что «альтернативный консерватизм» предлагает иное понимание традиций: опора на традиции позволяет «поддерживать связь времён» и поколений, ведь без прошлого нет будущего. Именно об этом пишут английский философ-консерватор Р. Скрутон [Scruton, 2006] и Р.С. Питерс, специализирующийся на психологических аспектах образования [Peters, 1965].

Учитывая, что опыт дистанционного образования во время пандемии Covid 19 ускорил процесс внедрения цифровых инноваций во всем мире, что в свою очередь ещё более остро поставило вопрос об инновациях в сфере образования, авторами данного исследования были проанализированы научные публикации по данной проблематике, вышедшие за 2020 и 2021 гг. Оказалось, что общетеоретический ракурс, касающийся сочетания традиций и инноваций в сфере образования, представляют интерес прежде всего для русскоязычных авторов; сам концепт «традиции и инновации» превратился в русскоязычной научной литературе в расхожее клише. Зарубежные авторы чаще пишут о культуре инноваций в сфере образования и о конкретных областях внедрения инноваций [Educational impact evaluation..., 2021; Pantea, 2021]. При этом русскоязычный сегмент информационного поля с ключевыми словами «традиции и инновации в образовании» включает более 150 релевантных работ, проиндексированных в РИНЦ, в Scopus по данным ключевым словам проиндексировано около 100 публикаций по социальным и гуманитарным наукам, но

релевантных намного меньше, к тому же треть авторов из России, стран СНГ и постсоветского пространства.

Обращает на себя внимание, что около четверти релевантных публикаций, проиндексированных в Scopus, написаны на испанском языке; причём для испанских авторов исследовательский вопрос соотношения традиций и инноваций в образовании остаётся актуальным [Amilburg, 2021]. Верно и то, что за последние два века система образования в Испании пережила взрыв идей, подходов, тенденций, моделей и педагогических течений, которые провозглашают себя альтернативными или инновационными [Гранцева, 2016; 2020]. Тем не менее, в результате проведённого исследования М. Мартин-Санчес пришёл к выводу: сегодня в Испании высока актуальность альтернативных образовательных практик; но речь идёт скорее о «ретро», чем «нео»: это скорее «хорошо забытое старое», чем новое [Martín-Sánchez, 2021]. В этом (и других) смыслах испанский опыт инноваций в сфере образования, как и испанский опыт исследования этого опыта, даёт богатый материал для сравнения при изучении процессов, имеющих место в других странах, и прежде всего — в интересующей нас России.

Вернёмся к русскоязычному сегменту исследования. Около половины массива русскоязычных публикаций посвящены общим вопросам педагогики и системы образования в Российской Федерации [Егорычев, 2021]. Международному опыту, преимущественно КНР, посвящено около 10 публикаций [Кокин, Лозовская, Пургина, 2020]. Примечательно, что треть из них касается темы музыкального образования в КНР. Остальные работы можно разделить по уровням образования: высшее, среднее, начальное. Большую часть составляют публикации, посвящённые высшей школе и преимущественно гуманитарному образованию.

Очевидно — в России, как и во всём мире, на данный момент образовательный процесс непрерывно модернизируется, нововведения внедряются на всех уровнях образования. В рамках данного исследования авторы обращаются к инновационному

проекту открытия билингвальных классов в начальной школе Москвы и Московской области. Напомним: смысл билингвального обучения состоит в двуязычной подаче образовательного материала (помимо изучения языка/языков как таковых).

Наше обращение к теоретической рамке «культуры инноваций» позволило сделать вывод, что готовность к восприятию педагогами инновационных процессов включает в себя способность к восприимчивости новых знаний, а также интерес к личностному и профессиональному росту. Наиболее проблемным в наше время оказался вопрос самого отношения педагогических работников к любым видам инноваций, а не только в сфере образования, что подразумевает отношение педагогов и к своей работе, и к своим рабочим обязанностям в целом, которые не легки в современных условиях, в которых обеспечение самой деятельности всех видов подразделений и структур в сфере образования порой затрудняет индивидуальную самооценку не только отдельно взятого индивида, но и общую самоорганизацию и дисциплину, где не многие обладают способностями для восприятия инноваций как вынужденных перемен, что влияет на изменение роли личности в общем течении процесса обучения.

Результаты пилотного опроса отношения педагогов к инновациям, опубликованного в 2021 г., показали, что что студентов педагогических специальностей не интересуют инновационные процессы, что, возможно, связано с тем, что низкий процент выпускников идёт работать по специальности и не обладает опытом работы. Около 50—70 % респондентов, работающих в дошкольных образовательных учреждениях и педагогов в школах, заинтересованы в нововведениях, но для них важнее финансовая составляющая и стимулирующие выплаты. Педагогам-стажёрам старше 50 лет свойственно подвергать все нововведения сомнениям и чаще использовать старые технологии и методы в работе общего педагогического аппарата [Новикова, 2021].

Оказалось также, что, несмотря на растущую представленность билингвов в мире, исследования мнений педагогов о

билингвальном образовании скудны [Oh, Mancilla-Martinez, 2021; Поваляева, 2021].

Отталкиваясь от полученных результатов, на данном этапе исследования методом экспертного опроса авторы проверили гипотезу, что педагоги преимущественно положительно относятся к освоению конкретных инноваций. Однако в случае с проектом открытия билингвальных классов в начальной школе прежде всего стоит вопрос в определении самого понятия билингвальный класс.

Билингвизм в контексте мультилингвального государства

Учитывая, что еще одним механизмом культурной динамики является культурная диффузия, при которой происходит взаимное проникновение элементов разных культур, первая ассоциация, которую вызывает билингвизм, связана с тем, что некоторые страны официально мультилингвальны. О билингвальном образовании говорят в тех случаях, когда в регионе, где используются два языка разного статуса, в школе вводится миноритарный язык и выделяются ресурсы для его преподавания. Обычно речь идёт о ассимиляционной и плюралистической моделях языкового образования. Ассимиляционная модель по своему содержанию является переходной, её цель состоит в том, чтобы облегчить учащимся адаптацию к требованиям системы образования, не поощряющей двуязычие. Миноритарный язык используется в качестве средства обучения на начальном этапе, а затем постепенно заменяется языком большинства или доминирующим языком. Плюралистическая модель поддерживает и поощряет языковой билингвизм, пытается искоренить негативное отношение общества к миноритарному языку. В этой модели язык меньшинства имеет большее значение, чем язык большинства в школь-

ной программе, и используется в качестве средства обучения не только в начальной школе, но и в более старших классах¹.

В России с 2018 г. регламентировано изучение миноритарных языков: «возможность получения образования на родных языках из числа языков народов Российской Федерации, изучения государственных языков республик Российской Федерации, родных языков из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка»².

Ряд исследователей обращаются к моделям и принципам билингвального образования в России [Мкртчян, Сергеева, 2021; Лушникова, Нехаева, Халыпина, 2021], методологии преподавания конкретных предметов двуязычным детям [Перевощикова, Фадеева, 2020; Ван-Чан-жоу, Руженцева, 2021]. Авторскую педагогическую систему интеллектуального развития обучающихся-билингвов предлагают представители Адыгейского государственного университета М.Б. Богус и Б.М. Джандар [Богус, Джандар, 2020]. В статье А.Б. Созаева, А.А. Созаевой и М.К. Бориевой описаны проблемы, возникающие в обучении русскому языку у учащихся начальной национальной школы в условиях двуязычия Кабардино-Балкарии. В одних национальных школах республики начальное образование осуществляется на русском языке (родной язык — предмет изучения), в других — на родных (русский язык как обязательный предмет изучения) и с 3 класса в данных образовательных учреждениях русский язык остаётся не только объектом изучения, но уже и становится языком обучения [Созаев, Созаева, Бориева, 2021]. Отдельный интерес представляют исследования международного опыта, например, российские исследователи анализируют поликультурное образование в США и Канаде [Ханипова, 2020; Елизарова, 2021], Латвии [Зверев, 2021].

¹ Educación bilingüe // Diccionario electrónico de enseñanza y aprendizaje de lenguas. — 2019. — URL: <https://www.dicenlen.eu/es/diccionario/entradas/educacion-bilingue>

² Федеральный закон "О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации" от 03.08.2018 N 317-ФЗ // КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304090/

В данной связи, как уже отмечалось, заслуживает отдельного внимания опыт Испании. Известный факт — единая национальная идентичность испанцев, основывающаяся на одной культуре, одном языке и одной религии, была навязана сверху во времена Франко. На современном этапе (уже официально) на территории Испании признаны и существование различных языков, и существование локальных культур³. Испанский (или кастильский) является официальным языком для всей страны, но в шести регионах Испании также используются миноритарные языки: это Каталония, Страна Басков, Галисия, Навара, Валенсия и Балеарские острова. При этом нельзя говорить о полном билингвизме населения этих регионов, учитывая, что территориальное устройство современной Испании — Государство Автономий — построено не на этническом принципе, а на основе исторически сложившихся регионов, в которых миноритарными языками владеет далеко не всё население. В то же время, знание миноритарного языка считается основой локальной идентичности и поддерживается на уровне автономных областей. Обычно речь идет о трёх вариантах общего языкового образования: кастильский — основной язык обучения, а миноритарный изучается несколько часов в неделю; основной язык обучения — миноритарный, а кастильский изучается несколько часов в неделю; билингвальное обучение — обучение ведётся на обоих языках в равной степени.

Билингвизм в контексте мультикультурализма

С признанием в развитых обществах идеи культурного плюрализма в мире кардинально изменились взаимоотношения «своих» и «других». Однако дополнительная сложность, замеченная в западном

мире на уровне известных политических деклараций, заключается в том, что «другой», сохраняющий свою идентичность, может представлять реальную угрозу как для культурной безопасности, так и для сохранения идентичности принимающего общества⁴. В Европе, как нигде в мире, на сегодняшний день отчётливо видны противоречия между идеей мультикультурализма и его практическим воплощением. Беспорядки, вызванные угрозами культурной безопасности в странах Западной Европы со стороны иммигрантов, растут в арифметической прогрессии. Социокультурная идентичность наций Запады всё больше размывается под действием мультикультурализма. А новая европейская идентичность находится на стадии становления. Теоретически мультикультурализм должен был стать одним из её базисов, но его ресурсы оказались ограниченными, и он явно не справляется с назначенной ролью. На практике мы всё чаще имеем дело с панъевропейско-арабским или христианско-мусульманским противостоянием⁵.

Современные миграционные процессы ускорили действие этого механизма культурной динамики. В частности, в мире наблюдается значительный рост количества детей-билингвов, испытывающих трудности на начальном этапе обучения на неродном языке. Большой процент детей мигрантов — инофонов, обучающихся в российских школах, актуализирует педагогическую задачу обучения русскому языку как неродному. Например, Е.А. Железнякова отмечает, что в образовательном процессе ещё не определено место для данного предмета; она предлагает инновационный проект «корректировочного курса, не заменяющего, но дополняющего традиционные уроки русского языка» [Железнякова, 2021].

Впрочем, ещё в 1999 г. вышло первое издание знаменитой книги П. Вудса, М. Бойл

³ Королева А.А. Трансформация социокультурной идентичности в условиях перехода к сетевому обществу: сравнительный анализ опыта России и Испании: диссертация ... кандидата культурологии: 24.00.01. — Москва, 2015. — С. 45.

⁴ Королева, 14–28.

⁵ Королева, 152.

и Н. Хаббард «Мультикультурные дети в раннем возрасте творческое и осмысленное обучение» [Woods, Boyle, Hubbard, 2020], в которой авторы, исследуя ценности и убеждения английских учителей и то, как они пытаются применить их на практике, предлагают много практических идей, актуальных по сей день.

Профессор Университета Торонто Дж. Камминс также разработал ряд весьма влиятельных теоретических концепций, в том числе гипотезу порога и взаимозависимости, а также идею различия между разговорной беглостью и академическим владением языком. В книге «Переосмысление образования многоязычных учащихся: критический анализ теоретических концепций» представлено 40 лет развития этих идей и их критики [Cummins, 2021].

В книге «Миграция, многоязычие и образование: критические взгляды на инклюзивность» рассматривается вопрос о том, как справедливое и инклюзивное образование может быть реализовано в разнородных классах, где языки и культуры учащихся отражают социальную реальность массовой миграции и повседневного многоязычия [Mary, Krüger, Young, 2021].

Ряд исследований приводят доводы в пользу необходимости введения инноваций в образовательный процесс (как и в мониторинг оценки методов обучения) билингвов. Например, изучение уместности стандартизированных оценок экспрессивной грамматики и словарного запаса дошкольников-билингвов на Ямайке привело к выводу о необходимости подхода, учитывающего культурные различия [Karem, Washington, 2021].

Снашей точки зрения, для анализа инновационных процессов в области образования первоочередной интерес представляет метод case-study. Обращение к конкретным ситуациям в обучении раскрывает нюансы, недоступные при обширных обобщениях, но несомненно значимые для понимания глубинных процессов в области образования. В числе подобных кейсов выделяется исследование Л. Шепард-Кэри, в котором два начинающих мультиязычных ученика второго класса столкнулись с трудностями при построении логически связного рас-

суждения, предполагающего получение самостоятельных выводов на основании имеющихся знаний. Особенно заметной оказалась очевидная контекстуальная зависимость построения аргументации от базовых знаний на родном языке. Правда, достаточно часто учащиеся всё же справлялись с поставленной задачей и пытались рассуждать самостоятельно; но трудности всё равно возникали при подборе нужной лексики. Кроме того, учащиеся столкнулись с трудностями содержательного характера — отсутствием необходимых базовых знаний для работы с пояснительным текстом на неродном языке. Шепард-Кэри называет все эти трудности «упущенными возможностями обучения», размышляя о перспективах интеграции первого (родного) языка в многоязычную педагогику. Она приходит к выводу, что нельзя блокировать процесс построения умозаключений на родном языке учащихся и обосновывает точку зрения, согласно которой культурно-поддерживающая педагогика открывает большие возможности для преодоления описанных и проанализированных ею затруднений [Shepard-Carey, 2021].

Билингвизм в контексте межпредметной интеграции в образовании

В некоторых странах есть образовательные учреждения, которые одновременно используют более одного языка в качестве основного таким образом, что учащиеся получают часть своего обучения на иностранном языке. Так обстоит дело в Испании с учащимися так называемых школ ЕС: в основном там учатся дети чиновников структур Европейского Союза, которые частично обучаются на своем родном языке, а частично — на другом языке ЕС, имея возможность выбирать между английским, французским или немецким.

Исследуемый проект открытия билингвальных классов подразумевает двуязычную подачу школьных дисциплин в языковой паре русский/английский. В основе проекта лежит методика билингвального обучения как «взаимосвязанной деятельности преподавателя и студента в процессе

изучения учебных дисциплин средствами двух языков» [Клинг, Сурдина, 2019]. Целью проекта является формирование личности обучающихся, способных использовать английский язык в специальных предметных целях.

Инновационность исследуемого проекта заключается в том, что билингвальные классы открываются в начальных классах государственных общеобразовательных школ. Внедрение билингвального обучения на начальном этапе образования соответствует периоду наибольшей восприимчивости обучающихся к овладению иностранным языком, что позволяет им своевременно адаптироваться к условиям интернационализации образования и формирования единого образовательного пространства. Обучающихся младшего звена отличает высокий уровень мотивации и познавательного интереса, а специфика данного этапа (в частности, отсутствие многоступенчатой системы мониторинговых работ) позволяет проявлять большую гибкость в организации образовательного процесса и создавать благоприятную среду для освоения иностранного языка.

Педагогический потенциал билингвального образовательного пространства выражается в возможности параллельного достижения обучающимися предметных и метапредметных образовательных результатов. При этом иностранный язык выступает в роли инструмента междисциплинарной интеграции, служит ключевым средством образовательного процесса, а не его целью⁶.

По мере усовершенствования языковых компетенций, знания обучающихся в предметной области начинают расширяться за счёт приобщения к зарубежному опыту в сфере изучаемой дисциплины. Одним из наиболее ярких проявлений данного процесса на сегодняшний день является потребление образовательного контента на иностранных ресурсах (например, открытые

онлайн-курсы Coursera, образовательные каналы на YouTube), которые позволяют не только систематизировать имеющиеся знания, но и освоить новые подходы к изучению дисциплины. Примечательно, что такое проявление диалога культур возможно и на начальном этапе обучения ввиду большого количества образовательного контента, ориентированного на учащихся младшего звена.

Исследование Николаевой Е.А. и Панченко Е.Ю., посвящённое использованию билингвального подхода в преподавании иностранного языка в неязыковых вузах, к достоинствам билингвального формата образования относит:

- получение доступа к информации в различных предметных областях с возможностью индивидуализации;
- совершенствование уровня общей языковой подготовки и владения иностранным языком в особых предметных целях;
- совершенствование компетенции межкультурной коммуникации, необходимой для общения в современной социально-профессиональной среде;
- повышение мотивации в изучении иностранного языка;
- возможность осуществления стратегии непрерывного образования, что, в свою очередь, повышает конкурентоспособность на европейском и международном рынке труда [Николаева, Панченко, 2019: 139].

В то же время внедрение принципов билингвального обучения в начальных классах сопровождается рядом объективных трудностей:

- необходимость адаптации учебных материалов к текущему уровню владения иностранным языком, который ещё недостаточно высок для полноценного освоения нелингвистических дисциплин;
- необходимость применения технологий разноуровневого обучения как на языковых, так и на неязыковых занятиях,

⁶ Попова Н.В. Междисциплинарная парадигма как основа формирования интегративных компетенций студентов многопрофильного вуза: на примере дисциплины Иностранный язык: диссертация ... доктора педагогических наук: 13.00.08. — Санкт-Петербург, 2011. — 585 с.

при условии разного темпа освоения учебного материала;

- подавление иностранного языка родным и, как следствие, явление грамматической и лексической интерференции;
- высокий уровень нагрузки на центральную нервную систему обучающихся в виду поступления большого объёма информации и начального уровня сформированности универсальных учебных действий.

Наряду со сложностями, обусловленными спецификой школьников начального звена как субъектов образовательного процесса, внедрение исследуемого проекта сопряжено с рядом вызовов для преподавателей-предметников. Для реализации обучения в рамках билингвального класса преподавателю необходимы не только знания в своей предметной области, но и высокий уровень владения языком профессиональной коммуникации.

Отдельный вызов представляет сам процесс внедрения инноваций, требующий от преподавателей готовности к инновационной педагогической деятельности. Результаты ряда исследований свидетельствуют о преобладании консервативной ценностной ориентации среди российских учителей и сопротивлении новому [Griaznova, Magun, 2013]. Постулируется тезис о том, что инновации в образовательном процессе могут выступать в роли фактора, негативно влияющего на эмоциональное состояние педагогов [Морозова, Малышева, 2016]. Отношение к нововведениям на уровне отдельной личности определяется множеством носящих индивидуальный характер факторов (возраст, уровень образования, опыт педагогической деятельности, закреплённые педагогические установки и др.). В свою очередь, восприятие инноваций на национальном уровне обусловлено особенностями образовательной системы России, в частности, её выраженной консервативностью и преобладанием знаниевой

парадигмы, ориентированной на запоминание и воспроизводство информации. Можно говорить о существовании целого ряда точек роста в вопросе внедрения инноваций, — в частности, методики билингвального обучения, — в содержание российского образования. Одной из таких точек роста выступает система начального образования.

По данным опроса, проведённого в 2018 г. Институтом образования НИУ ВШЭ, учителя начальной школы продемонстрировали наибольшую ориентированность на внедрение инноваций и смещение акцента с предметных знаний на развитие личностных качеств, — например, развитие социальных навыков учащихся (умение общаться, разрешать конфликты).⁷ Готовность выйти за рамки своей предметной области является одним из ценнейших качеств современного педагога, которое может находить применение в реализации инновационных проектов.

Результаты исследования

Опрос 21 педагога, занятых в проекте открытия билингвальных классов в Москве и области, показал, что большинство информантов идентифицируют себя с группой активных сторонников инноваций, которые всегда следуют за нововведениями в педагогике и стремятся к внедрению данных нововведений, учитывая также изменения и в самом образовании в целом. Двое опрошенных причислили себя к пассивным сторонникам инноваций, которые менее в них заинтересованы, но не двигаются в сторону инноваций слепо, рассчитывая на целесообразность и рациональность новых введений. И по 1 информанту относят себя к консерваторам, которые не стремятся вперёд, но и не хотят быть в последнем ряду, и к противникам инноваций, которые предпочитают использовать в работе только старые проверенные методы.

⁷ Добрякова М.С., Новикова Е.Г. Юрченко О.В. Навыки XXI века в российской школе: взгляд педагогов и родителей. — Москва: НИУ ВШЭ, 2018. — 72 с. — URL: <https://ioe.hse.ru/pubs/share/direct/408113173.pdf>

Можно было бы сделать вывод, что опрошенные педагоги сторонники инноваций: 19 информантов чувствуют себя готовыми к освоению новшеств, 18 информантов считают, что в их школах существуют условия для развития инновационной деятельности. Но на вопрос, что в их понимании относится к инновациям в билингвальном образовании, 6 информантов назвали развитие модели билингвального образования или создание системы билингвального, то есть двуязычного образования; 4 — стратегии или процесс инновационного образования, а 1 информант затруднился ответить, а 1 информант под билингвальным образованием имел в виду образование на государственном и миноритарном языках. Ответы 9 информантов были более подробными, к инновациям в билингвальном образовании они относят: «возможность выбора языка обучения; использование второго языка как средства обучения в преподавании неязыковых предметов; взаимосвязанную деятельность учителя и учащихся в процессе изучения предметов средствами родного и иностранного языков; развитие умений пользоваться иностранным языком для получения дополнительной информации из различных источников; формирование двуязычного словарного запаса по предмету; воспитание потребности пользоваться иностранным языком как средством углубления предметного знания и культуры межнационального общения; развитие коммуникативных способностей, памяти, что делает учащегося или студента более мобильным, толерантным, гибким и раскрепощённым, а значит и более приспособленным к трудностям в многогранном и непростом мире».

Блок вопросов был посвящён вопросам самообразования педагогов и обращению к научным консультантам в рамках инновационной деятельности. 19 информантов заявили, что нуждаются в помощи и поддержке со стороны департамента образования или в научном консультировании в случаях профессиональных затруднений педагогов. К процессу самообразования 16 информантов относятся нейтрально, а 5 положительно, при этом 17 информан-

тов отметили, что за последний год читали специальную литературу, вышедшую за последние 5 лет, а 4 посещали курсы повышения квалификации.

Заключение

Итак, проведённое исследование релевантной научной литературы и соответствующих кейсов подтвердило, что культура инноваций имеет в образовательной сфере как приверженцев, так и противников. При этом литературный обзор показал, что изучение проблемы сочетания традиций и инноваций в сфере образования интересуют преимущественно русскоязычных и испаноязычных авторов.

Отдельный предмет интереса был связан с развитием такой образовательной инновации, как билингвальные классы. Анализ опыта других стран, прежде всего Испании, позволил выделить специфику культурно-поддерживающей педагогики и систематизировать данные о типах билингвального обучения, которое состоит в двуязычной подаче образовательного материала, при различии в типе и пропорции используемых в обучении языков: официальный и миноритарный языки, официальный и язык мигрантов, официальный и иностранный.

В контексте исследуемого проекта открытия билингвальных классов было установлено, что ввиду особенностей структурной организации процесса обучения преподаватели начального звена представляют собой наиболее перспективную группу. Система, в которой за преподавание большинства дисциплин отвечает один преподаватель, позволяет внедрять проект поэтапно без задействования большого количества педагогических кадров. Педагог, ведущий уроки в билингвальном классе, может самостоятельно выработать стратегию преподавания, демонстрируя высокую степень методической свободы. В целом результаты проведённого нами опроса показали, что со стороны педагогов есть запрос на обращение к консультантам и они в целом достаточно мотивированы осваивать новшества. Тем самым проект открытия билингвальных классов

в начальной школе Москвы и Московской области получил определённое научное сопровождение. Которое, прежде всего, позволило проанализировать практические трудности, с которыми встречается данная инновация. Главная из них на наш взгляд состоит в том, что отношение преподавателей к инновациям в значительной степени формируется в процессе подготовки и переподготовки педагогических кадров. Однако на сегодняшний день такие курсы ориентированы на достижение прежде всего теоретического понимания специфи-

ки инновационных процессов и содержат минимум практико-ориентированного материала, без овладения которым невозможно самостоятельное проектирование и внедрение инноваций. В связи с этим представляется целесообразным продолжить исследования в русле проблемы усовершенствования предметного содержания дисциплин, связанных с инновационной деятельностью педагога, — разумеется, с учётом того общекультурного значения, которое имеют инновации в сфере образования.

Список литературы:

- Богус М.Б., Джандар Б.М. Интеллектуальное развитие обучающихся-билингвов младшего школьного возраста // Инновационное развитие науки и образования. — Пенза: Наука и Просвещение, 2020. — С. 16–25.
- Ван-Чан-жоу А.А., Руженцева Н.Б. Методика преподавания рки в обучении школьному курсу русской грамматики для тюркоязычных учащихся // Педагогическое образование в России. — 2021. — № 6. — С. 91–100. https://doi.org/10.26170/2079-8717_2021_06_10
- Гранцева Е.О. Право на образование: от Кадисской конституции к Конституции 1931 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2016. — Т. 7, № 8. — URL: <https://history.jes.su/s207987840001631-3-1/>
- Гранцева Е.О. Франкистский режим и институт образования // Латиноамериканский исторический альманах. — 2020. — № 28. — С. 256–266.
- Егорычев А. М. Образование в информационную эпоху: традиции, инновации, приоритеты // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. — 2021. — Т. 15. — С. 120–130.
- Елизарова А.А. Анализ методов обучения языку в билингвальных классах разных стран // Обучение языкам в полиэтнической среде региона. — Москва: Русайнс, 2021. — С. 67–74.
- Железнякова Е.А. Содержание коррективовочного курса по русскому языку как неродному в начальной школе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. — 2021. — № 3. — С. 55–67. https://doi.org/10.52070/2500-3488_2021_3_840_55
- Зверев К.А. Политика Латвии в отношении образования на русском языке // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. — 2021. — № 3. — С. 134–146. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2021-3-134-146>
- Клинг В.И., Сурдина Е.В. Билингвальное обучение: проблемы и перспективы // Мир науки, культуры, образования. — 2019. — № 5. — С. 142–144. <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2019-00057>
- Кокин Д.И., Лозовская К.Б., Пургина Е.С. Ориентиры развития образовательных систем в странах БРИКС: самопонимание и самопрезентация китайских и российских университетов // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. — 2020. — Т. 4, № 4. — С. 375–384. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2020-4-4-375-384>
- Лушников Е.И., Нехаева А.В., Халяпина Л.П. Билингвальное обучение учащихся профильных классов с применением инструментов онлайн-урока // Политехническая весна. Гуманитарные науки. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2021. — С. 315–320.

Мкртчян А.К., Сергеева Б.В. Направление и содержание работы с билингвами в начальной школе // Модернизация современной начальной школы в аспекте национального проекта "Образование" — Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2021. — С. 44–50.

Морозова Л.Б., Малышева С.В. Нововведения как фактор, влияющий на эмоциональное состояние педагогов общеобразовательных школ // Вестник Мининского университета. — 2016. — №2. — С. 33–39.

Николаева Е.А., Панченко Е.Ю. Использование принципов билингвизма в изучении иностранных языков // Актуальные проблемы общей теории языка, перевода, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков. — Москва: ИП Афанасьев В.С., 2019. — С. 135–141.

Новикова Л.Д. Инновационные процессы в образовании и восприятие нового педагогами // Педагогика в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты. — Пенза: Наука и Просвещение, 2021. — С. 8–12.

Перевощикова Е.Н., Фадеева М.Н. Методические основы реализации билингвального обучения математике на внеучебных занятиях // Наука и школа. — 2020. — № 2. — С. 176–181. <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2020-2-176-181>

Поваляева Г.А. Формирование профессиональной готовности будущих учителей к работе с детьми-илингвами // Потенциал историко-образовательного знания в психолого-педагогической подготовке будущего учителя. — Москва: Московский педагогический государственный университет, 2021. — С. 310–315.

Созаев А.Б., Созаева А.А., Борияева М.К. Проблемы двуязычного (билингвального) обучения в школах Кабардино-Балкарии // Международный научный журнал. — 2021. — № 1. — С. 123–133. <https://doi.org/10.34286/1995-4638-2021-76-1-123-133>

Ханипова Р.Р. Поликультурное образование в США: теория и практика // Казанский лингвистический журнал. — 2020. — Т. 3. — № 4. — С. 433–444. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2020.3.4.433-444>

Amilburu M.G. Conexiones en red con otros tiempos, espacios y generaciones. roger scruton, tradiciones y educación // Teoria de la Educacion. 2021. Vol. 33, № 1. P. 35–49. <https://doi.org/10.14201/teri.23463>

Cummins J. Rethinking the Education of Multilingual Learners. — Bristol: Multilingual Matters, 2021. — 417 p. <https://doi.org/10.21832/CUMMIN3580>

Educational impact evaluation of professional development of in-service teachers: The case of the dialogic pedagogical gatherings at valencia "on giants' shoulders" / E. Roca-Campos, A.I.Renta-Davids, F. Marhuenda-Fluixá, R. Flecha // Sustainability (Switzerland). 2021. Vol. 13, № 8. 4275. <https://doi.org/10.3390/su13084275>

González-Monfort N. La educación patrimonial, una cuestión de futuro. Reflexiones sobre el valor del patrimonio para seguir avanzando hacia una ciudadanía crítica // El Futuro del Pasado. — 2019. — Vol. 10. — P. 123–144. <https://doi.org/10.14516/fdp.2019.010.001.004>

Griaznova O.S., Magun V.S. The basic values of Russian and European schoolteachers // Russian Education and Society. — 2013. — Vol. 55, № 2. — P. 40–66. <https://doi.org/10.2753/RES1060-9393550202>

Karem R.W., Washington K.N. The Cultural and Diagnostic Appropriateness of Standardized Assessments for Dual Language Learners: A Focus on Jamaican Preschoolers // Language, Speech, and Hearing Services in Schools. — 2021. — Vol. 52, № 3. — P. 807–826. https://doi.org/10.1044/2021_LSHSS-20-00106

Martín-Sánchez M. Two centuries of educational innovation in Spain. Alternative pedagogies: Are they neo or retro? // New Educational Review. 2021. Vol. 63. P. 49–58. <https://doi.org/10.15804/ner.21.63.1.04>

Mary L., Krüger A.-B., Young A.S. Migration, Multilingualism and Education. — Bristol: Multilingual Matters, 2021. — 300 p. <https://doi.org/10.21832/9781800412958>

Oh M.H., Mancilla-Martinez J. Elementary Schoolteachers' Bilingual Development Beliefs and English Learners' English Reading Comprehension Achievement // The Elementary School Journal. — 2021. — Vol. 122, № 2. — P. 165–190. <https://doi.org/10.1086/716899>

Pantea M.-C. A new elite? Higher education as seen through the lens of young people working in innovative technologies // Innovation: The European Journal of Social Science Research. 2021. Vol. 34, № 3. P. 340–355. <https://doi.org/10.1080/13511610.2021.1873749>

Peters R.S. Education as Initiation // Philosophical Analysis and Education. London: Routledge, 1965. P. 57–73. <https://doi.org/10.4324/9780203861530>

Scruton R. A political philosophy: arguments for conservatism. London: Continuum, 2006. X, 214 p.

Shepard-Carey L. The inference-making of elementary emergent multilinguals: Access and opportunities for learning // *Journal of Early Childhood Literacy*. 2021. Vol. 21, № 4. P. 499–537. <https://doi.org/10.1177/1468798419870597>

Woods P., Boyle M., Hubbard N. *Multicultural Children in the Early Years*. — London: Routledge, 2020. — 238 p. <https://doi.org/10.4324/9781003008095>

References:

Amilburu, M. G. (2020) 'Conexiones en red con otros tiempos, espacios y generaciones. Roger Scruton, tradición y educación', *Teoría de la Educación. Revista Interuniversitaria*, 33(1), pp. 35–49. <https://doi.org/10.14201/teri.23463>

Bogus, M. B. and Dzhandar, B. M. (2020) 'Intellectual Development of Studies Bilingual Primary School Age', in *Innovatsionnoye razvitiye nauki i obrazovaniya [Innovative development of science and education]*. Penza: Nauka i Prosveshcheniye Publ., pp. 16–25. (In Russian).

Cummins, J. (2021) *Rethinking the Education of Multilingual Learners*. Bristol: Multilingual Matters. <https://doi.org/10.21832/CUMMIN3580>

Egorychev, A. M. (2021) 'Education in the Information Age: Tradition, Innovation, Priorities', *Aktual'nye problemy filologii i metodiki prepodavaniâ inostrannykh âzykov*, 15, pp. 120–130. (In Russian).

Elizarova, A. A. (2021) 'Analysis of Language Teaching Methods in Bilingual Classes in Different Countries', in *Obucheniye yazykam v polietnicheskoy srede region [Teaching languages in the multi-ethnic environment of the region]*. Moscow: Rusayns Publ., pp. 67–74. (In Russian).

González-Monfort, N. (2019) 'La educación patrimonial, una cuestión de futuro. Reflexiones sobre el valor del patrimonio para seguir avanzando hacia una ciudadanía crítica', *El Futuro del Pasado*, 10, pp. 123–144. <https://doi.org/10.14516/fdp.2019.010.001.004>

Grantseva, E. (2016) 'The Right to Education: from the Cadiz Constitution to the Constitution of 1931', *Istoriya*, 7(8). (In Russian). <https://history.jes.su/s207987840001631-3-1/>

Grantseva, E. (2020) 'Francoist Regime and Institute of Education', *Latin American Historical Almanac*, (28), pp. 256–266. (In Russian).

Griaznova, O. S. and Magun, V. S. (2013) 'The Basic Values of Russian and European Schoolteachers', *Russian Education & Society*, 55(2), pp. 40–66. <https://doi.org/10.2753/RES1060-9393550202>

Karem, R. W. and Washington, K. N. (2021) 'The Cultural and Diagnostic Appropriateness of Standardized Assessments for Dual Language Learners: A Focus on Jamaican Preschoolers', *Language, Speech, and Hearing Services in Schools*, 52(3), pp. 807–826. https://doi.org/10.1044/2021_LSHSS-20-00106

Khanipova, R. R. (2020) 'Multicultural Education in the USA: Theory and Practice', *Kazan Linguistic Journal*, 3(4), pp. 433–444. (In Russian). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2020.3.4.433-444>

Kling, V. I. and Surdina, E. V. (2019) 'Bilingual Teaching: Problems and Prospects', *The World of science, culture and education*, (5), pp. 142–144. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2019-00057>

Kokin, D. I., Lozovskaya, K. B. and Purgina, E. S. (2020) 'Directions of Development of BRICS Higher Education Systems: Self-Understanding and Self-Representation of Chinese and Russian Universities', *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political science. International relations*, 4(4), pp. 375–384. (In Russian). <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2020-4-4-375-384>

Lushnikova, E. I., Nekhaeva, A. V. and Khalyapina, L. P. (2021) 'Bilingual Teaching Students of Field-Specific Classes with Online-Lesson Tools', in *Politeknicheskaya vesna. Gumanitarnyye nauki [Polytechnic Spring. Humanitarian sciences]*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy politeknicheskii universitet Petra Velikogo Publ., pp. 315–320. (In Russian).

Martín-Sánchez, M. (2021) 'Two centuries of educational innovation in Spain. Alternative pedagogies: Are they neo or retro?', *New Educational Review*, 63, pp. 49–58. <https://doi.org/10.15804/ner.21.63.1.04>

Mary, L., Krüger, A.-B. and Young, A. S. (2021) *Migration, Multilingualism and Education*. Bristol: Multilingual Matters. <https://doi.org/10.21832/9781800412958>

Mkrtchyan, A. K. and Sergeeva, B. V. (2021) 'Napravleniye i sodержaniye raboty s bilingvami v nachal'noy shkole [Direction and content of work with bilinguals in elementary school]', in *Modernizatsiya sovremennoy nachal'noy shkoly v aspekte natsional'nogo proyekta Obrazovaniye [Modernization of the modern elementary*

school in the aspect of the national project Education]. Kirov: Mezhtsentrnyi tsentr innovatsionnykh tekhnologiy v obrazovanii Publ., pp. 44–50. (In Russian).

Morozova, L. B. and Malysheva, S. V. (2016) 'Innovations as a Factor Influencing the Emotional State of the Teachers of Secondary Schools', *Vestnik Mininskogo universiteta*, (2), pp. 33–39. (In Russian).

Nikolaeva, E. A. and Panchenko, E. Y. (2019) 'Ispolzovaniye printsipov bilingvizma v izuchenii inostrannykh yazykov [Using the principles of bilingualism in the study of foreign languages]', in *Aktual'nyye problemy obshchey teorii yazyka, perevoda, mezhkul'turnoy kommunikatsii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov [Actual problems of the general theory of language, translation, intercultural communication and methods of teaching foreign languages]*. Moscow: IP Afanasiev V.S. Publ., pp. 135–141. (In Russian).

Novikova, L. D. (2021) 'Innovatsionnyye protsessy v obrazovanii i vospriyatiye novogo pedagogami [Innovative processes in education and the perception of the new by teachers]', in *Pedagogika v teorii i na praktike: aktual'nyye voprosy i sovremennyye aspekty [Pedagogy in theory and practice: topical issues and modern aspects]*. Penza: Nauka i Prosveshcheniye Publ., pp. 8–12. (In Russian).

Oh, M. H. and Mancilla-Martinez, J. (2021) 'Elementary Schoolteachers' Bilingual Development Beliefs and English Learners' English Reading Comprehension Achievement', *The Elementary School Journal*, 122(2), pp. 165–190. <https://doi.org/10.1086/716899>

Pantea, M.-C. (2021) 'A new elite? Higher education as seen through the lens of young people working in innovative technologies', *Innovation: The European Journal of Social Science Research*, 34(3), pp. 340–355. <https://doi.org/10.1080/13511610.2021.1873749>

Perevoshikova, E. N. and Fadeeva, M. N. (2020) 'Methodological basis for implementing bilingual teaching of mathematics in extracurricular activities', *Science and School*, (2), pp. 176–181. (In Russian). <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2020-2-176-181>

Peters, R. S. (1965) 'Education as Initiation', in *Philosophical Analysis and Education*. London: Routledge, pp. 57–73. <https://doi.org/10.4324/9780203861530>

Povalyaeva, G. A. (2021) 'Formation of Professional Readness of Future Teachers to Work with Bilingual Children', in *Potentsial istoriko-obrazovatel'nogo znaniya v psikhologo-pedagogicheskoy podgotovke budushchego uchitelya [The potential of historical and educational knowledge in the psychological and pedagogical training of the future teacher]*. Moscow: Moskovskiy pedagogicheskii gosudarstvennyy universitet Publ., pp. 310–315. (In Russian).

Roca-Campos, E. et al. (2021) 'Educational impact evaluation of professional development of in-service teachers: The case of the dialogic pedagogical gatherings at valencia "on giants' shoulders"', *Sustainability (Switzerland)*, 13(8). <https://doi.org/10.3390/su13084275>

Scruton, R. (2006) *A political philosophy: arguments for conservatism*. London: Continuum.

Shepard-Carey, L. (2021) 'The inference-making of elementary emergent multilinguals: Access and opportunities for learning', *Journal of Early Childhood Literacy*, 21(4), pp. 499–537. <https://doi.org/10.1177/1468798419870597>

Sozaev, A. B., Sozaeva, A. A. and Borieva, M. K. (2021) 'Problems of Bilingual (Bilingual) Education in Schools of Kabardino-Balkaria', *International Scientific Journal*, (1), pp. 123–133. (In Russian). <https://doi.org/10.34286/1995-4638-2021-76-1-123-133>

Wang-Chan-Zhou, A. A. and Ruzhentseva, N. B. (2021) 'Methods of teaching rfl in the school course of russian grammar teaching for turkic-speaking students', *Pedagogical Education in Russia*, (6), pp. 91–100. (In Russian). https://doi.org/10.26170/2079-8717_2021_06_10

Woods, P., Boyle, M. and Hubbard, N. (2020) *Multicultural Children in the Early Years*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003008095>

Zhelezniakova, E. A. (2021) 'Content of the Correction Course in Russian as a Non-Native Language in Primary School', *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching*, (3), pp. 55–67. (In Russian). https://doi.org/10.52070/2500-3488_2021_3_840_55

Zverev, K. A. (2021) 'Latvian Policy Regarding Russian-Language Education', *RSUH/RGGU Bulletin. Series Political Sciences. History. International Relations*, (3), pp. 134–146. (In Russian). <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2021-3-134-146>

Информация об авторах

Алина Алексеевна Королева — кандидат культурологии, доцент кафедры философии МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Анастасия Николаевна Никифорова — магистр педагогики, преподаватель кафедры испанского языка МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Лия Дмитриевна Новикова — магистрант лингвистического факультета Российского государственного социального университета, 129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4 стр. 1 (Россия)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Alina A. Koroleva — PhD in Cultural Studies, Associate Professor at the Department of Philosophy, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Anastasia N. Nikiforova — Master in Pedagogy, lecturer at the Spanish Language Department, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Liya D. Novikova — Master Student at the Faculty of Linguistics, Russian State Social University, building 1, 4, Vilgelm Pik street, Moscow, Russia, 129226 (Russia)

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 01.07.2022; одобрена после рецензирования 01.08.2022; принята к публикации 14.09.2022.

The article was submitted 01.07.2022; approved after reviewing 01.08.2022; accepted for publication 14.09.2022.

Исследовательская статья

УДК 008 76.03/09

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-141-155>

БЁРДСЛЕИЗМ В КУЛЬТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Валерия Дмитриевна Рябченко-Шац

МГИМО МИД России, Москва, Россия

ryabchenko.v@inno.mgimo.ru<https://orcid.org/0000-0003-4940-6207>

Аннотация. Статья посвящена феномену русского «бёрдслеизма», который сформировался в результате влияния творчества и личности английского художника-графика Обри Бёрдслея на русское интеллектуальное общество рубежа XIX–XX вв. Будучи ярчайшим представителем английского эстетизма и модерна, Обри Бёрдслей стал для России проводником идей «нового искусства». На своей родине Обри Бёрдслею удалось совершить настоящую революцию в области иллюстрации и книжной графики, выделив их в самостоятельные элементы творчества и подняв искусство графики на совершенно новый, беспрецедентно высокий уровень. Не

менее «революционным» было и поведение художника — Обри Бёрдслей превратил свою жизнь в искусство, самым своим обликом постулируя новаторские эстетические и философские устремления. Масштаб его личности был несомненно сопоставим с масштабом его творчества, и одно стало неотделимым от другого. Так сам образ Обри Бёрдслея стал символом эпохи модерна, неся в себе множество сложных концептов. Потому неудивительно, что сфера влияния этого мастера в России была чрезвычайно широка и всестороння — не ограничиваясь лишь областью графики, она простиралась от новых художественных методов вплоть до стиля жизни и манеры держаться. О значимости «бёрдслеизма» в русской художественной жизни рубежа эпох говорит также и его «охват» — в орбиту влияния Бёрдслея попали как самые видные деятели Серебряного века, такие как С. Дягилев, Л. Бакст, Н. Феофилактов, так и довольно забытые ныне А. Силин, А. Арапов и М. Дурнов.

Ключевые слова: серебряный век, декаданс, Обри Бёрдслей, Мир искусства, графика, иллюстрация, Весы, Аполлон, Золотое руно, символизм, англомания, дендизм

Для цитирования: Рябченко-Шац В.Д. Бёрдслеизм в культуре Серебряного века // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 3. — С. 141–155. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-141-155>

Research article

BEARDSLEY MOVEMENT IN THE RUSSIAN SILVER AGE CULTURE

Valeria D. Ryabchenko-Shats

MGIMO University, Moscow, Russia
ryabchenko.v@inno.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4940-6207>

Abstract. The article dwells on the phenomenon of Russian *Beardsleism*, which was formed by the influence of the works and personality of the English graphic artist Aubrey Beardsley on the Russian intellectual society at the turn of the 19th – 20th centuries. Being the brightest representative of English aestheticism and Art Nouveau, Aubrey Beardsley became a champion of the ideas of *new art* for Russia. In his homeland, Aubrey Beardsley managed to make a real revolution in the field of illustration and book graphics, separating them into independent elements of creativity and raising the art of graphics to a completely new, unprecedentedly high level. No less *revolutionary* was the behavior of the artist — Aubrey Beardsley turned his life into art, postulating innovative aesthetic and philosophical aspirations by his very appearance. The worth of his personality was undoubtedly comparable to the worth of his works, and one became inseparable from the other. Thus, the very image of Aubrey Beardsley became a symbol of the Art Nouveau era, containing a lot of complex concepts. Therefore, no wonder that the sphere of influence of this master in Russia was extremely wide — not limited only to the field of graphics, it extended from new artistic methods up to the lifestyle and demeanor. The significance of *Beardsleism* in the Russian artistic life of the turn of the centuries is also indicated by its *scope* — the most prominent figures of the Silver Age, such as S. Diaghilev, L. Bakst, N. Feofilaktov, and rather obscure A. Silin, A. Arapov and M. Durnov — both those and others experienced a significant influence of Aubrey Beardsley on their works and life.

Keywords: silver age, decadence, Aubrey Beardsley, Russian journals, graphics, illustration, symbolism, Anglomania, dandyism

For citation: Ryabchenko-Shats, V. D. (2022) 'Beardsley Movement in the Russian Silver Age Culture', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(3), pp. 141–155. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-141-155>

Феномен англomanии начал развиваться в России как альтернатива увлечению Францией ещё с конца XVIII в. После того, как Екатерина II, слышавшая «большим поклонником» британского садового искусства¹, доверила свои сады Джеймсу Мидеру, главному садовнику герцога Нортумберленского, а оформление своих царскосельской и павловской рези-

денций — архитектору Чарльзу Камерону, ставшему в последствии одним из любимых зодчих императрицы [Ботт 2004: 19], в Российской империи вспыхнула мода на английские парки, а позже и на мебель в стиле Томаса Чиппендейла и интерьеры в духе Уильяма Морриса (в 1894–1895 гг. «Morris & Co» даже стала поставщиком тканей для оформления личных апарта-

¹ Кросс Э. Британские садовники и мода на английские парки в России конца XVIII века // С берегов Темзы на берега Невы: Шедевры из собрания британского искусства в Эрмитаже. — Санкт-Петербург: Гос. Эрмитаж, 1997. — С. 80.

ментов Николая II и Александры Фёдоровны²). Кроме того, в Российской Империи получила развитие модель поведения господина «аглицкой складки» — особый *modus operandi* известный как «денди». Но по-настоящему русское общество «заболело» Великобританией на рубеже XIX–XX вв., когда на арену культурной жизни России вышел Обри Бёрдслей — английский график, поэт, один из самых ярких представителей английского эстетического движения, ознаменовавшего наступление эпохи модерна, который, по выражению К. Петрова-Водкина, моментально приобрёл в России «полные права гражданства» [Петров-Водкин, 1982: 428].

Provocationное творчество Обри Бёрдслея уже на раннем этапе вызывало огромный общественный резонанс. Поэтому неудивительно, что современники сразу проявили интерес к изучению графики Бёрдслея, по достоинству оценив новаторские художественные решения. К примеру, Дугалд Сазерленд МакКолл, шотландский живописец, художественный критик и друг Обри Бёрдслея стал автором одной из первых статей на русском языке, посвящённых английскому графику: материал был размещён в журнале «Мир искусства» от 1900 г.³ В 1905 г. Витторио Пика публикует небольшое эссе о творчестве Бёрдслея⁴, вслед за ним в том же году попытку исследования искусства этого мастера миниатюры предпринимает и Артур Симонс, английский поэт-символист, эссеист и литературный критик⁵. Подробным изучением наследия Бёрдслея занимался художественный критик, издатель и поэт С. Маковский, напи-

савший в 1906 г. работу об истоках творчества графика и его художественном мире⁶. Через три года Роберт Росс публикует свою знаменитую биографию «Обри Бердслей»⁷. В 1912 г. был опубликован очерк театрального и художественного критика и драматурга Н. Евреинова «Бердслей»⁸, в котором автор анализирует значение художественного вклада Обри Бёрдслея, а также подробно рассматривает его творческий путь. Художник и искусствовед Н. Радлов в 1913 г. публикует в журнале «Аполлон» свою статью «Современная русская графика и рисунок», в которой он так же уделяет особенное внимание значению искусства Обри Бёрдслея в развитии мировой графики и иллюстрации⁹. Наконец, в 1917 г. выпускается последнее дореволюционное исследование, посвящённое английскому мастеру, — монография А. Сидорова «Обри Бердслей: Жизнь и творчество», представляющая собой биографию Бёрдслея¹⁰.

Необходимо заметить, что творческое наследие скандального английского рисовальщика вызывает не меньший интерес и у современных исследователей. Художественный мир Обри Бёрдслея, а также история его влияния на искусство России рубежа XIX–XX вв. нашли отражение в трудах Г.Ю. Стернина [Стернин, 1984], Е.С. Вязовой [Вязова, 2004; 2009], Ю.Я. Герчука [Герчук, 2004], А.Е. Завьяловой [Завьялова, 2008], С. Чапкиной-Руги¹¹, Д.Л. Лебедева [Лебедев, 2021], А.К. Довжик [Dovzhuk, 2021], М. Стерджиса [Стерджис, 2014] и других. Стоит отметить, что все перечисленные выше работы, несмотря на свою несомненную научную ценность и содержательность,

² РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Ед. хр. 605. Л. 95.

³ Мэк Колль О. Обри Бердслей // Мир искусства. — 1900. — № 7/8. — С. 73–84; № 9/10. — С. 97–98, 100–101, 104, 106–110, 112–120.

⁴ Обри Бердслей: Рисунки. Проза, стихи, афоризмы, письма. Воспоминания и ст. о Бердслее / [Вступ. ст., проект альбома, сост., подгот. текстов и примеч. А. Басманова]. — Москва : ТПО «Игра-техника», 1992. — 240–241.

⁵ Там же, С. 242–248.

⁶ Там же, С. 248–256.

⁷ Там же, С. 227–238.

⁸ Евреинов Н. Бердслей: Очерк Н. Евреинова. — Санкт-Петербург: Н.И. Бутковская, 1912. — 48 с.

⁹ Радлов Н.Э. Современная русская графика и рисунок // Аполлон. — 1913. — № 6. — С. 5–23.

¹⁰ Сидоров А.А. Обри Бердслей : жизнь и творчество / исследование прив.-доц. Моск. ун-та А. А. Сидорова. — Москва: Венок, 1917. — VI, 83 с.

¹¹ Чапкина-Руга С.А. Русские бердслеисты // Оскар Уайльд. Обри Бердслей. Взгляд из России. — Москва: ABCdesign, 2014. — С. 142–198.

оставляют пространство для дальнейших исследований влияния творчества и в особенности личности Обри Бёрдслея на культуру Серебряного века.

Методология исследования базируется на комплексном и системном культурологическом подходе, сочетающем историко-культурный метод, текстологический анализ, метод научной классификации (анализ первоисточников, вторичных данных), философско-эстетический метод. В качестве источников были привлечены архивные материалы Российского государственного исторического архива, а также документы, состоящие на хранении секции рукописей Государственного Русского музея. Важное значение в работе имеют дореволюционные художественные журналы, такие как «Мир искусства», «Золотое руно», «Весы» и «Аполлон» — именно этим периодическим изданиям удалось наиболее ярко отразить динамику развития русской мысли и искусства рубежа столетий. Помимо этого, был использован корпус научных и художественно-критических работ, а также мемуары выдающихся деятелей Серебряного века, среди которых А. Бенуа, А. Белый, С. Виноградов, М. Добужинский, И. Грабарь, Н. Кузьмин, П. Перцов, Н. Петровская, К. Петров-Водкин, К. Сомов, В. Ходасевич, Г. Чулков и С. Щербатов.

«Бёрдслеизм» в культуре Серебряного века

Обри Бёрдслей сыграл в мировой культуре роль мессии новой эстетики и, бесспорно, стал эпохальной фигурой рубежа веков. В кажущемся на первый взгляд абсурдным творчестве Бёрдслея явно угадывается запредельная правда чарующего и пугающего *fin de siècle*. Болезненное предчувствие падения старого мира отразилось в работах многих творящих в этот период. «*Incipit vita nova*» — читает карлик на одном из рисунков художника — живым во-

площением этой новой жизни и стал Обри Бёрдслей.

Будучи последователем декаданса, английский график признавал лишь красоту в качестве единственно возможной религии и сумел совершить настоящую революцию в сфере графики и иллюстрации. Краски жизни, которыми так восхищались его современники импрессионисты, оставляли этого виртуоза графики равнодушным — только чёрное и белое, тушь, перо и бумага. Графика Бёрдслея проста и вычурна одновременно: это игра контрастов, минимализм, сочетающийся с необузданной фантазией. «Хрупкими завитками орнаментов, пылью мелких точек, узорным чередованием густых теней и белых пятен этот гениальный юноша создал графический стиль, превосходящий изысканной смелостью и остротой контрастов всё, что мы до сих пор знали», — писал С. Маковский, издатель и редактор журнала «Аполлон»¹².

Несмотря на то, что искусство Обри Бёрдслея представляет собой удивительнейший синтез эпох («Нет ничего очаровательнее бирдслеевских анахронизмов», — отметил С. Маковский¹³), а самому Бёрдслею всегда был присущ некий эскапизм, он, несомненно, был художником своего века, которому было чуждо всё чистое, простое и здоровое. «Графика есть искусство новое и наиболее современное; Обри Бёрдслей войдёт в историю искусства не только как совершенный график, но и как представитель своего времени, наиболее отчётливо почувствовавший и наиболее ярко выразивший стоящую перед искусством на очереди художественную проблему», — подчеркнул Алексей Сидоров, искусствовед и библиофил, издавший в 1917 г. большой альбом рисунков Бёрдслея с подробными комментариями и анализом произведений¹⁴. Бёрдслей и сам считал себя рисовальщиком современной жизни. Бёрдслей как истинное дитя свое-

¹² Бёрдслей О. Рисунки. Проза. Стихи, с. 249.

¹³ Маковский С. Об иллюстрациях Бёрдслея // Уайльд О. Саломея. Указ. Соч. — [СПб., 1908]. — С. 128.

¹⁴ Сидоров, с. 61.

го времени видел красоту лишь в неестественном: его восхищали только странные цветы, диспропорциональные фигуры, прихотливые силуэты. И, бесспорно, одним из ярчайших шедевров Обри Бёрдслея стал он сам — настоящий денди, элегантный и оригинальный во всём. Искусственность была для него естественной.

Удивительно, до какой степени совпали умонастроение и художественное видение Бёрдслея с духом рубежа веков. Он не только сумел выразить эстетические устремления своих современников, их склонность к декоративному и погоню за ним, но и задавал тон, культивируя изящную и одновременно изощрённую эстетику. «Сухопарый, щеголеватый, измождённый болезнью» [Стерджис, 2014: 11], — он отражал образы, воспроизводимые им в искусстве. Эта поразительная созвучность Бёрдслея со своим временем постоянно обсуждалась в прессе и восхищала публику [Стерджис, 2014: 11]. В конце 1890-х гг. могло показаться, что Бёрдслей есть само воплощение эстетики *fin de siècle* [Стерджис, 2014: 12]. Позже образ Бёрдслея на ряду со стилем Оскара Уайльда станут камертоном русского дендизма.

Карьера этого виртуоза миниатюры, одна из самых головокружительных в XIX в., была сделана благодаря иллюстрации. Не написав ни одной картины, не имея ни одной прижизненной выставки, Обри Бёрдслей завоевал славу благодаря книгам и журналам. Николай Радлов, художник и искусствовед, заметил, что именно благодаря творчеству Бёрдслея книжная иллюстрация стала самостоятельным направлением в живописи: «Центральная идея его искусства — выделение книжной графики из искусства рисунка — была нами осознана недавно»¹⁵. За краткий период своего творчества, целиком уложившийся в семь последних лет жизни Бёрдслея, графику действительно удалось создать поистине уникальный художественный язык. Работая над рисунком, художник

провоцировал, насмехался, всерьёз говорил о фривольном и фривольно о серьёзном. Обри Бёрдслей был необыкновенно продуктивен: он выступил в качестве иллюстратора и художника-оформителя к таким произведениям, как «Смерть Артура» Т. Мэлори, «Саломея» О. Уайльда, «Похищение локона» А. Поупа и других, занимался поэзией и прозой, результатом чего стал его неоконченный роман «Under the Hill» (авторская вариация на тему легенды о Венере и Тангейзере), создавал рисунки и карикатуры, а также активно сотрудничал с такими периодическими изданиями, как «The Savoy», «The Studio», «Pall Mall Budget», «Pall Mall Magazine» и «The Yellow Book». Так Обри Бёрдслей стал той яркой, но краткой искрой, озарившей эпоху *fin de siècle* и послужившей мощнейшим импульсом для новых эстетических и идейных поисков в искусстве.

Спустя год после того, как двадцатипятилетнего Бёрдслея задушил туберкулёз, в России началось его «воскрешение». Эстетический дух этого уникального мастера стал для русской культуры Серебряного века символом свободы и индивидуализма. Повальное увлечение русского общества идеями эстетизма и чистой формы, заданное Оскаром Уайльдом несколькими годами ранее, также во многом способствовало популяризации Бёрдслея. Переводчик и искусствовед А. Эфрос заметил: «Бердслею не пришлось узнать и того минутного сопротивления, которое мы оказали Уайльду. Бердслей пришел триумфатором в уже завоеванную и полюбившую свой плен страну»¹⁶.

Столь мощная волна модерна, захлестнувшая Российскую империю, породила культ творчества Бёрдслея среди так называемых мирискусников — участников ежемесячного литературно-художественного журнала «Мир искусства», издававшегося в Петербурге в период с 1898 по 1904 гг., а также членов одноименного объединения. Творческое ядро «Мира искусства»,

¹⁵ Радлов, с. 15.

¹⁶ Россций (А.М. Эфрос). Религиозный кризис в жизни Обри Бёрдслея // Русские ведомости. — 1912. — 5 окт. — С. 3

ставшего первым периодическим изданием, целиком посвящённым пропаганде «нового искусства», составляли А.Н. Бенуа, Л.С. Бакст, Е.Е. Лансере, В.Ф. Нувель, А.П. Нурок, К.А. Сомов, Д.В. Философов, С. Дягилев. Необходимо подчеркнуть, что «Мир искусства» стал совершенно новым явлением в истории русской культуры, навсегда изменив её образ. Объединение выступило в качестве оппозиции идеалам народничества, к тому времени исчерпавшим себя, и открыло путь к поискам новой эстетики и смыслов в русском искусстве, что, в свою очередь, существенно способствовало зарождению русского импрессионизма, модерна и символизма. Так это периодическое издание и объединение стало настоящим феноменом, выразившим тенденции русского общества конца XIX — начала XX вв., и наиболее полно отвечало потребностям и запросам нового поколения.

Любопытно, что сама идея создания журнала «Мир искусства» сформировалась под влиянием английского периодического издания «The Studio», с которым связано начало карьеры Обри Бёрдслея. По воспоминаниям А. Бенуа, «Мир искусства» воплотил стремления членов кружка к тому, чтобы «в России возникло нечто подобное английскому “Studio”» [Бенуа, 1980б: 194]. Поэтому совершенно неудивительно, что мирискусники первыми в России пленились творчеством Обри Бёрдслея, эстетически и мировоззренчески невероятно совпав с ним. Закономерно и то, что именно «Мир искусства» первым познакомил русского зрителя с творчеством Обри Бёрдслея, который затем стал культивироваться в московских журналах «Весы» и «Золотое руно».

Особенно важную роль в популяризации английского графика сыграл музыкальный и художественный критик А.П. Нурок, известный своей англоманией (художник провёл часть детства и отрочества в Великобритании [Бенуа, 1980б: 249]). А. Бенуа так писал о А.П. Нуроке в

своих воспоминаниях: «...именно ему мы обязаны знакомством с творчеством Обри Бердсли, который в течение пяти-шести лет был одним из наших властителей дум» [Бенуа, 1980а: 685]. А.П. Нурока, как «типичного декадента», по словам того же А. Бенуа, пленил в английском художнике «привкус тления», «одетая во всякие кружева порочная чувственность» [Бенуа, 1980а: 685]. Во многом благодаря страстной увлечённости А.П. Нурока английским эстетизмом состоялось личное знакомство С. Дягилева и Обри Бёрдслея — под влиянием критика С. Дягилев посчитал своим долгом во время поездок во Францию в 1897–1898 гг. посетить О. Уайльда в Дьеппе, где он и познакомился с Обри Бёрдслеем и Чарльзом Кондером [Бенуа, 1980а: 685]. Также именно А.П. Нурока принято считать первым автором русскоязычной статьи об Обри Бёрдслее, которая была размещена в «Мире искусства» от 1899 г.¹⁷ В 1900 г. были опубликованы и другие материалы, посвящённые английскому графику: в частности, переводная статья, заказанная С. Дягилевым у Дугалда С. МакКолла, сотрудника журнала «The Studio», художественного критика и друга Бёрдслея¹⁸.

Результат просветительской деятельности «Мира искусства» не заставил себя ждать — российская публика Серебряного века была моментально очарована новаторским творчеством Бёрдслея. Он открыл дверь в нарочитый, вычурный и невообразимо притягательный мир, где порок изящен, ирония убивает чувства, а красота дарит сладкое забвение. Бёрдслей оказался до невозможности созвучен идеям «Мира искусства» и всеобщему настроению Серебряного века с его эсхатологическими исканиями, налётом спиритизма и символизма, дурманом декаданса и эстетизмом. Этим во многом и обусловлена страстная приверженность мирискусников его стилю. Точность его техники, тонкие, чистые, совершенные линии, очерчивающие нечистое, мелкие нюансы и подробности иллю-

¹⁷ А.Н. (Нурок А.). Обри Бёрдслей (Aubrey Beardsley + 1898) // Мир искусства. — 1899. — № 3/4. — С. 16–17.

¹⁸ Мэж Колль.

страций оставили глубокое впечатление в мирозерцании участников объединения. Отсюда произрастают их желание сделать журнал утонченно-эстетичным, строгое внимание к художественным деталям, обилие всевозможных виньеток, бордюров, заставок, рамок на буквы и прочего. К слову, именно манера оформления «Мира искусства» послужит образчиком для будущих апологетов символистской журналистики: например, Н.П. Рябушинский, редактор-издатель художественного журнала «Золотое руно», хотел видеть своё детище именно в качестве продолжателя дела С. Дягилева [Бенуа, 1980б: 439].

Московские журналы «Весы» и «Аполлон» также явно наследуют стилистику «Мира искусства» и демонстрируют увлечённость гением английского графика: художник-график Н.П. Феофилакт даже создал проект обложки пятого номера журнала «Весы» от 1905 г., изображавшей Бёрдслея. Позже в одиннадцатом выпуске журнала проект превратился в полноценную обложку — весь номер был посвящён творчеству Обри Бёрдслея: помимо рисунков, «Весы» разместили прозу графика и переводную статью Витторио Пика о художнике. Так эстетика Бёрдслея стала камертоном для целого направления русской журналистики и издательского дела. Говоря о рубеже XIX–XX вв., трудно не согласиться с К.С. Петровым-Водкиным, писавшим, что это действительно было «время Бердслея, когда запунктирились и загорляндились кружочками все книги, журналы и альманахи передовых издательств» [Петров-Водкин, 1982: 428].

О стремительности укоренения новой английской эстетики на русской почве и степени её влияния на русскую культуру свидетельствуют воспоминания деятелей Серебряного века. Так господствующие настроения эпохи описывает поэтесса Нина Петровская, *femme fatale* мира богемы рубежа веков, героиня первого романа Валерия Брюсова «Огненный ангел»: «Дамы, ещё вчера тяжёлые, как куклы в насиженных гнёздах, загрезили о бальмонтовской “змеиности”, о “фейности” и “лунноструйности”; обрядились в хитоны прерафаэлитских дев и, как по команде, причесались

à la Monna Vanna. Кавалеры их и мужья приосанились, выутюжились à la Оскар Уайльд. Появились томно-напудренные юноши с тенями под глазами. Излюбленным цветком стала „тигровая орхидея“, впрочем, ещё до Бальмонта увековеченная пикантейшим Мопассаном как “грешный цветок”» [Гарэтто, 1989: 42].

«Вся» Москва, многопудовая Москва купчих, присяжных поверенных, купецких сынков, изощренно-протонченных, т.е. — та же “старая Москва”, в два-три года перекусавшая свои особняки под цвет “стильнуво”, перекроившая пиджаки в смокинги “а-ля Уайльд”, а платья — в шелковые хитоны “а-ля Боттичелли”, — с иронией писал А. Белый [Белый, 1990а: 125]. Действительно, философия и стиль английского эстетического движения, воплощённые в образе и искусстве Обри Бёрдслея, мгновенно захватили буквально все сферы жизни русского общества, особенно богемы.

Распространяя своё влияние как на духовные, так и на материальные стороны жизни людей рубежной эпохи, новые веяния получили своё отражение в моде того времени. Дендизм, столь присущий представителям английского модерна, становится чрезвычайно модным в петербургских и московских художественных кругах конца XIX — начала XX вв. Сформулированный Ш. Бодлером в качестве «новой аристократии», целью которой стали бунт и борьба против пошлости, а кодексом — «доктрина элегантности и оригинальности» и «культ собственной личности» [Бодлер, 1986: 283–315], дендизм как культурное амплу избрали многие, если не сказать все, наиболее яркие деятели Серебряного века. Секрет привлекательности этого образа кроется в том, что денди в некотором роде становится последним героем уходящей эпохи, единственным достойным и устойчивым ориентиром на фоне разрушающегося мира. Ш. Бодлер тонко заметил, что дендизм возникает именно в нестабильные периоды социальных перемен, когда «демократия ещё не достигла подлинного могущества, а аристократия лишь отчасти утратила достоинство и почву под ногами» и подобен «закату солнца: как и гаснущее светило, он великолепен, лишен

тепла и исполнен меланхолии» [Бодлер, 1986: 283–315]. Так образ денди становится омражением благородным привычкам исчезающей аристократии и создаёт новую «касту», объединяющую праздных, неприемлимых к пошлости, духовно одарённых оригиналов.

Именно таким оригиналом был Модест Дурнов, архитектор, художник, поэт и *arbitrum elegantium* московской богемы рубежа веков. Благодаря своим подчёркнуто безупречным манерам, остроумию и безукоризненному внешнему виду Модест Дурнов по праву снискал звание первого московского денди. Стоит подчеркнуть, что его нарочито элегантный образ имел своей целью не только эпатаж, но и некий вызов идеологии народников, выступавших среди прочего за неприхотливость в одежде. Модест Дурнов же был ярким апологетом «нового искусства», прославив распространителем новейших идей и веяний, и, как следствие, являлся страстным поклонником Оскара Уайльда. В 1903 г. он создал акварельный портрет своего кумира, а затем проиллюстрировал «Тюремную балладу» Уайльда. Художник также выступил в качестве иллюстратора к «Портрету Дориана Грея» и «Саломее». Индивидуальный стиль и тонкий вкус, проявлявшийся как в жизни, так и в искусстве, позволил Модесту Дурнову стать своеобразным центром притяжения для самых блестящих творцов своего времени. В. Серов, М. Врубель, В.В. Верещагин, А.Я. Головин, С. Ю. Судейкин, В. Брюсов, К. Бальмонт — все они попали в орбиту этого «угрюмца и “демона”» [Белый, 1990а: 188]. «Брюсов, Бальмонт считали его своим, ценили, а Бальмонт свою книгу “Будем как солнце” среди других посвящает и “твердому, как сталь, Модесту Дурнову”», — вспоминал художник С.А. Виноградов [Виноградов, 1993: 431]. В этом посвящении Бальмонт также напишет: «Модесту Дурнову, художнику, создавшему поэму из своей личности»¹⁹. Действительно, о судьбе Модеста Дурнова,

о его личности, по словам В. Ходасевича, буквально «слагались легенды»²⁰. Жизнь его, подобно жизни самого известного британского денди Джорджа Браммелла, «всецело была влиянием на других» [Барбед'Оревильи, 2000: 77]. В частности, Модест Дурнов внёс большой вклад в мирозерцание мастеров круга «Мира искусства». Вслед за Дурновым все члены объединения, помимо А. Бенуа, стремились не только придерживаться стиля денди в одежде, но и воспроизводить характернейшие черты этого *modus operandi*. Обри Бёрдслей и здесь служил безусловным ориентиром. К примеру, Н. Феофилактов, в равной степени подражавший Бёрдслею в его облике и художественной манере, и потому прозванный «московским Бердслеєм» [Белый, 1990б: 212], по воспоминаниям С. Виноградова, даже «причѐсан стал как Обри Бердслей» и «всѐ старался держаться к людям в профиль, так как в профиль был похож на Оскара Уайльда» [Виноградов, 1993: 431]; по свидетельству же А. Белого, Н. Феофилактов имел «профиль как у Бердслея» [Белый, 1990а: 422]. Л. Бакст также был известен своим дендизмом: художник любил оттенять строгий костюм эффектной и яркой деталью, а кроме того, имел «фирменную» манеру речи и жестикуляции. Так об этом вспоминал И. Грабарь: «... он был щѐголем, одет с иголочки, в лаковых ботинках, с великолепным галстуком и кокетливо засунутым в манжетку сорочки ярким лиловым платочком <...> Он был кокет: его движения были мягки, жесты элегантны, речь тихая, — во всей манере держать себя было подражание “светским” щѐголям, с их нарочитой свободой и деланной “английской” распушенностью» [Грабарь, 1937: 158]. М. Добужинский в многократно цитируемых воспоминаниях также подчёркивает, что Л. Бакст «чрезвычайно франтовато одевался» [Добужинский, 1987: 201]. В.Ф. Нувель, пианист и композитор-любитель, «признанный *Magister elegantiarum*» в среде «Мира искусства» [Добужинский,

¹⁹ Цит. по Ходасевич В. Конец Ренаты // Возрождение. — 1928. — апрель (№ 1045-1047). — С. 3.

²⁰ Там же.

1987: 203], был изыщен как в своём облике, так и в редкостном остроумии, равно как и его друг «меланхолический скептик» [Чулков, 1999: 210] и «петербургский парижанин» [Перцов, 2002: 206] А.П. Нурок, известный своим цинизмом, тонкой язвительностью и отменным щегольством.

Однако наиболее полно дендизм английских эстетов воплотился в жизни и творчестве С. Дягилева. «Дягилев был щёголем, — писал С. Маковский. — Его цилиндр, безукоризненные визитки и вестоны отмечались петербуржцами не без насмешливой зависти. Он держался с фатоватой развязностью, любил порисоваться своим дендизмом, носил в манжете рубашки шёлковый надушенный платок <...> При случае и дерзил напоказ, не считаясь à la Oscar Wilde с “предрасудками” добронравия и не скрывая необычности своих вкусов на зло ханжам добродетели» [Маковский, 1955: 201]. Парадоксально, но даже друзья-мирискусники, сами будучи приверженцами дендизма, нередко обвиняли С. Дягилева в излишнем апломбе. А. Бенуа вспоминал: «Обвинение Дягилева в “гарцевании”, в известном фатовстве было у нас обычным, и надо признаться, оно не лишено было оснований» [Вязова, 2004: 68]. Особенную непримиримость к жизнеповедению С. Дягилева выражал К. Сомов, который нередко жаловался в письмах на то, что Дягилев «нахален до отвратительности» или «такой гранд сеньор, что прямо тошно» [Сомов, 1979: 62]. Однако некоторые сумели разглядеть за образом блестящего фата человека больших идей и смелых стремлений. В своём оммаже С. Дягилеву Н. Рерих пишет: «Он не был условным “носителем зелёной гвоздики”, но был искренним рыцарем эволюции и красоты»²¹. Действительно, эффектный, вызывающе безукоризненный стиль С. Дягилева был не чем иным, как лишь внешней формой проводимых им в жизнь идей, а также проявлением некоего нон-

конформизма, в чём он и сам признавался в исповедальном письме А. Бенуа от апреля 1897 г.: «Всю мою жизнь... я делал всё наперекор всем — припомни, сколько времени я вам казался внутренним гусаром. Затем начались нападки общества на мою внешность, напыщенность, фатовство. <...> Я знаю это как пять пальцев и всё-таки с тем же бриллиантовым видом вхожу в Дворянское собрание»²².

Стоит отметить, что дендизм пленил не только мирискусников, но и сотрудников художественного журнала «Аполлон», камертоном которого выступал его редактор, художественный критик и «денди во плоти»²³ С.К. Маковский. По свидетельству иллюстратора Н.В. Кузьмина, «это была самая бонтонная редакция столицы» — С.К. Маковский даже предлагал обязать сотрудников носить смокинги в стенах редакции²⁴. Литератор и автор теории «мистического анархизма» Г. Чулков так вспоминал об атмосфере, царившей в редакции журнала: «В “Аполлоне” был культ дендизма. Ближайшие сотрудники щеголяли особого рода аристократизмом, что иногда становилось смешным и внушало подозрение в его подлинности. На вечерах журнала появлялись дамы в прекрасных туалетах, декольтированные, как на балах. Многие мужчины были во фраках» [Чулков, 1999: 201].

Один из сотрудников издания, поэт М. Кузмин заслужил особенно много сравнений с английскими эстетами и денди. «Подтянутый и элегантный» [Белый, 1990а: 356] М. Кузмин поочерёдно сравнивался то с Брамеллом, то с Дорианом Греем, то с самим Оскаром Уайльдом. «Это был портрет Дориана Грея», — так М. Добужинский описал своё впечатление от встречи с поэтом [Добужинский, 1987: 279]. Неслучайно именно М. Кузмин написал предисловие к небольшому трактату французского прозаика Жюль Барбе д’Ореви́ли, посвящённому дендизму и Джорджу Брамеллу, определив в нём дендизм в качестве

²¹ Рерих Н.К. Венок Дягилеву // Журнал Лиги Композиторов. — Нью-Йорк, 1930. — URL: <https://rerih.org/library/3008/50>

²² Секция рукописей ГРМ, ф. 137, ед. хр. 939, л. 20–25.

²³ Кузьмин Н.В. Давно и недавно. — Москва: Советский художник, 1982. — С. 245.

²⁴ Там же, с. 244.

«подлинного достояния искусства» [Барбе д'Оревильи, 2000: 46].

В том же предисловии М. Кузмин очень точно заметил, что книга д'Оревильи посвящена дендизму как, в первую очередь, «моде внутренней», а не внешней, как «психологической манере “завязывать галстуки”» [Барбе д'Оревильи, 2000: 46]. Эту мысль проводит и сам автор, отмечая, что дендизм необходимо понимать намного шире, чем лишь «искусство одеваться»: дендизм, по мнению Барбе д'Оревильи, — «это вся манера жить <...> состоящая из тонких оттенков» [Барбе д'Оревильи, 2000: 72]. Этот принципиальный для понимания дендизма аспект также подчёркивал Ш. Бодлер, писавший, что «неразумно также сводить дендизм к преувеличенному пристрастию к нарядам и внешней элгантности. Для истинного денди все эти материальные атрибуты — лишь символ аристократического превосходства его духа» [Бодлер, 1986: 283–315]. Потому самым важным моментом в укоренении дендизма на русской почве является тот факт, что помимо внешних составляющих этого феномена, русская богема переняла и внутреннее содержание дендизма, предполагающее особый поведенческий кодекс, культивирующий индивидуальность. Так, есть основания предположить, что стиль и манера поведения Обри Бёрдслея и Оскара Уайльда, превращенные в настоящее искусство и ставшие одной из граней выражения их эстетических и философских устремлений, оказали значительное влияние на формирование важнейшего для культуры Серебряного века концепта жизнотворчества, предполагавшего постулирование художественных идей посредством самой жизни. Именно в Серебряном веке жизнеповедение, слитое со стилем, выделяется в самостоятельную художественную задачу. Помимо этого, подчёркнутая отстранённость, как бы возвышающая денди над окружающими, его изнеженность, отвращающая от грубых материй жизни, а также продиктованная дендизмом замкнутость на круге эстетических и гедонических потребностей, вероятно, способствовала подчёркнутому дистанцированию апологетов «нового искусства»

от социальных и утилитарных функций творчества.

Помимо новой поведенческой стратегии, на рубеже веков в моду вошли намеренная стилизация интерьеров, обилие в них необычных, прихотливых декоративных элементов. Отныне интерьер должен был отвечать эстетическим принципам своего владельца, предельно отражая его личность. Князь Щербатов, идейный вдохновитель и меценат художественного салона «Современное искусство», писал: «...Жилище, комната — не может ли она стать “симфонией” в своих формах, красках, в общей гармонии» [Щербатов, 2016: 118]. Согласно замыслу С. Щербатова, «Современное искусство» должно было стать платформой, вокруг которой «сосредоточивалось бы творчество, то есть выявлялось бы в прикладном искусстве, кровно связанном и с чистым искусством <...>. Прикладное искусство не должно было быть представленным только, как обычно, рядом тех или других подобранных экспонатов, а должно было выявить собой некий цельный замысел художников, постепенно привлекаемых для устройства интерьеров комнат как некоего органического и гармонического целого, где, начиная с обработки стен, мебели, кончая всеми деталями, проведен был бы принцип единства, мной указанный, как незыблемый закон» [Щербатов, 2016: 179–180].

Так участники должны были представить собственные проекты интерьеров, которые экспоненты разрабатывали не менее трепетно и скрупулёзно, чем свои произведения: по словам М. Добужинского, оформление интерьеров сразу стало «параллельным ростком» творчества мирискусников [Добужинский, 1987: 192]. «Современное искусство» преследовало цель «создать ряд “показательных” интерьеров со всей обстановкой, куда наши художники круга “Мира искусства”, могли бы вложить свой вкус к изящному и чувство стиля» [Добужинский, 1987: 192]. В предприятие были вовлечены лучшие мастера эпохи — Е. Лансере, А. Бенуа, И. Грабарь, К. Корвин, Л. Бакст, А. Головин. Каждая комната, начиная с общей концепции и заканчивая эскизами деталей, была оформлена худож-

никами без привлечения архитекторов. Согласно задумке куратора проекта И. Грабаря «поистине необыкновенно красивое убранство комнат явится блестящим сюрпризом и ошеломит петербургскую публику, даст толчок вкусу, чуть ли не создаст новую эру...» [Добужинский, 1987: 193]. Нужно сказать, что интерьеры и впрямь были восхитительны и вызвали большой общественный резонанс: их непрактичность и нежизнеспособность, во многом благодаря которым эти колористические этюды имели такой эффект, одновременно восхищали и вызывали скепсис.

Стоит отметить, что и в этом предприятии члены «Мира искусства» продемонстрировали свою приверженность английскому эстетизму. Например, Л. Бакст создал будуар-ротонду в духе «сюиты в белом», воплощённой архитектором и декоратором Э.У. Годвином в доме Оскара Уайльда на Тайт-стрит в Челси. Интерьер должен был оставлять впечатление невероятной хрупкости и невесомости: стены слоновой кости, белое сукно с орнаментом на полу и тончайшая, нежная мебель, которая должна была источать «аромат духов и пудры», как об этом говорил сам Л. Бакст [Щербатов, 2016: 152]. Английский след заметен и в тёмно-синей столовой А. Бенуа и Е. Лансере: мебель, исполненная востребованным в то время Н.В. Свирским по эскизам А. Бенуа, была отчасти стилизована под мебель Чиппендейла, довольно типичную для дворцовой обстановки Петровской эпохи, которая и послужила вдохновением для мастеров, сумевших органично и удачно соединить её с модерном. Репродукции всех интерьеров были напечатаны в пятом номере «Мира искусства» от 1903 г., целиком посвящённом деятельности «Современного искусства».

Влияние Обри Бёрдслея проникло и в творчество мастеров круга «Мира искусства». Почти все участники объединения от А. Бенуа до Д. Митрохина испытали увлечение художественной манерой англий-

ского графика, освоив и творчески переработав его методы, технику и образы. В своих воспоминаниях А. Бенуа подчёркивал, что Обри Бёрдслей «в сильной степени повлиял на искусство (и на всё отношение к искусству) самого среди нас тонкого художника — Константина Сомова» [Бенуа, 1980а: 685]. Действительно, именно под впечатлениями от графических фантазий Бёрдслея К. Сомов обрёл свою собственную художественную манеру. «Совершенно особенное впечатление (впечатление, находящееся в какой-то духовной связи с нашим культом Гофмана и Достоевского), — писал А. Бенуа, — в это время производят на нас обоих, но в особенности на Сомова, Обри Бёрдслей и Т. Гейне. Увлечение первым (и отчасти его приятелем Кондером) помогает даже Сомову выработать свой “графический стиль”, свой “художественный почерк”» [Сомов, 1979: 482]. Вдохновившись эротизмом рисунков английского графика, К. Сомов создал новый для России жанр «ню», соединив его с капризным сладострастием и жеманностью столь любимого им «куртуазного века». Более того, К. Сомов стал составителем первого в России альбома Бёрдслея²⁵, выразив в нём всю свою любовь к украшательству — небольшой томик был выполнен на высочайшем художественном уровне. А. Бенуа, в свою очередь, выбрал в своё творчество изломанные, нарочитые силуэты, игру пунктиров и гротескные образы. Л. Бакст сумел перенять утонченность бёрдслеевской линии, но был весьма далёк от его лукавой непристойности. Е. Лансере воплотил манеру Бёрдслея в замысловатых и прихотливых орнаментах. Восточная стилистика и сказочная пышность органично вошли в графику Д. Митрохина, а мистические образы и изысканная декоративность — в рисунки С. Чехонина. Кроме того, в своём иллюстративном творчестве мирискусники, подобно Бёрдслею, практиковали метод «соавторства», предполагавший вольную интерпретацию художником идей писате-

²⁵ Бёрдслей, Обри. Бёрдслей: [альбом / рис. выбраны по указанию худож. К. Сомова; клише изготовлены заведением Фришмут и Маркс в СПб]. — Санкт-Петербург.: Шиповник: Тов. Вольная типогр., 1906. — 62 с.

ля. В этом случае иллюстрация не столько служила изобразительным повторением литературного произведения, но выступала в качестве самостоятельного элемента, способного в корне перевернуть смысл текста или значительно дополнить его. Кроме того, одно из удивительных свойств Бёрдслея — сочетать мотивы разных эпох, соединять мистику с реальностью также было усвоено мастерами «Мира искусства»: они черпали всё, что есть эстетически лучшего, не оглядываясь ни на хронологию, ни на правдоподобность, и создавали образы, поражающие своей современностью и правдивостью.

Помимо мирискусников, в орбиту гения Бёрдслея также попали графики московских журналов «Весы» и «Золотое руно». По мнению исследователей, влияние Обри Бёрдслея распространялось на творчество почти всех художников названных периодических изданий [Герчук, 2004:121]. Одним из ярчайших примеров в этом смысле является ранее упомянутый Н. Феофилактов, ведущий график-оформитель «Весов» и создатель обложки-оммажа Бёрдслею («Весы» № 11 за 1905 г.), чей стиль переимчивый мастер сумел приложить как к жизни, так и к искусству. Наряду с орнаментально-плоскостной графической техникой «московского Бёрдслея» также пленили многозначительная сюжетная недосказанность и откровенная эротика его английского коллеги. Вследствие этих увлечений, его рисунки часто приобретали характер «почти порнографический» [Перцов, 2002: 193]. Несмотря на это, идеолог и фактический руководитель «Весов» В. Брюсов весьма благоволил к Н. Феофилактову, украсив его работами свою квартиру на Цветном бульваре [Перцов, 2002: 193], а также отпавив альбом его рисунков, изданный в 1909 г. «Скорпионом», вместе с альбомом картин К. Сомова Эмилю Верхарну²⁶. Покровительствовал графику и редактор-издатель «Весов» С. Поляков. Предоставив В. Брюсову свободу в идейном и литера-

турном руководстве издания, он особенно педантично подходил к выбору графики. По свидетельству А. Белого, излюбленным занятием С. Полякова было «сидеть под страницей “Весов”, шебурша “загогулиной” Феофилактова, и утверждать: она — тоньше Бёрдслея: её очень тщательно гравировали: она — украшала «Весы» [Белый, 1990а: 415]. Помимо Н. Феофилактова, под властным влиянием художественного стиля Обри Бёрдслея находились такие мастера «Весов», как А. Арапов, чья нарядная и прихотливая графика весьма близка феофилактовской; А. Якимченко, эклектичные рисунки которого также были скорее связаны с творчеством Н. Феофилактова, нежели Бёрдслея; Н. Сапунов с его воздушной, хрупкой графикой и другие. В. Милиоти, оформитель «Весов» и «Золотого руна», сумел усложнить манеру своих сказочных, подвижных рисунков — художник работал на стыке художественных методов М. Врубеля и Бёрдслея. Искусствовед и художник Н. Радлов также выделяет А. Силина в качестве наиболее прямого и «тонкого» подражателя Обри Бёрдслея²⁷. Так «Весы», будучи, в отличие от художественного «Мира искусства», журналом литературным и критико-библиографическим, стали одним из центров русского «бёрдслеизма». Также говоря о московских художниках круга «Весов» и «Золотого руна», стоит заметить, что именно их вариации в духе Бёрдслея позволяют выделить русский «бёрдслеизм» в качестве наиболее яркого проявления кэмповой стилистики на русской почве.

Заключение

Несомненно, Обри Бёрдслей стал «боковой подсветкой» русского декаданса. Бёрдслею, столь чуткому ко всему тонкому, хрупкому, эфемерному, удалось создать неповторимый мир, сотканный из страшных реалий рубежной эпохи, подобных лучам, преломившихся в чёрном алмазе

²⁶ В. Брюсов — Э. Верхарну, 22 I (4 II) 1900 // Валерий Брюсов. Лит. Наследство. Т. 85. — Москва: Наука, 1976. — С. 583.

²⁷ Радлов, с. 15.

его творчества. Выстраивая затейливые замки из кружев, создавая пугающие своей изломанностью и демонизмом образы, он лишь переводил жизнь на язык орнамента. Этот призрачный метафизический пласт реальности, сплетённый из смутных переживаний, неизбежных и роковых, из образов чистоты и чертовщины, отражал антиномичность культуры Серебряного века и был всецело понят и принят русским

обществом рубежа столетий, испытывшим на себе всестороннее влияние не только творчества, но и личности скандального английского графика. Обри Бёрдслею как никакому другому художнику удалось выразить предчувствия и устремления русской творческой интеллигенции, внося значительный вклад в создание мифа о русском Серебряном веке.

Список литературы:

- Барбе д'Оревилю Ж. О дендизме и Джордже Браммелле. — Москва: Изд-во Независимая газ, 2000. — 205 с.
- Белый А. Начало века. — Москва: Художественная литература, 1990а. — 686 с.
- Белый А. Между двух революций. — Москва: Художественная литература, 1990б. — 669 с.
- Бенуа А. Мои воспоминания: в 5 кн. Кн. 1–3. — Москва: Наука, 1980а. — 711 с.
- Бенуа А. Мои воспоминания: в 5 кн. Кн. 4–5. — Москва: Наука, 1980б. — 743 с.
- Бодлер Ш. Об искусстве. — Москва: Искусство, 1986. — 421 с.
- Ботт И. Мебель Чарльза Камерона // Пинакотекa. — 2004. — № 18–19. — С.18–25.
- Виноградов С. О странном журнале, его талантливых сотрудниках и московских пирах // Воспоминания о Серебряном веке. — Москва: Республика, 1993. — С.430–440.
- Вязова Е.С. Богема и дендизм: «штаны с бахромой» или бутоньерка в петлице? // Пинакотекa. — 2004. — № 18–19. — С.63–69.
- Вязова Е.С. Гипноз англomании. Англия и «английское» в русской культуре рубежа XIX–XX веков. — Москва: Новое литературное обозрение, 2009. — 566 с.
- Гарэтто Э. Жизнь и смерть Нины Петровской // Минувшее: Исторический Альманах. — № 8. — Париж: Atheneum, 1989. — С. 7–139.
- Герчук Ю.Я. Под знаком Бердсли // Пинакотекa. — 2004. — № 18–19. — С.119–125.
- Грaбарь И.Э. Моя жизнь: автомонография. — Москва; Ленинград: Искусство, 1937. — 376 с.
- Добужинский М.В. Воспоминания. — Москва: Наука, 1987. — 477 с.
- Завьялова А. Е. Сомов и Бердсли. Любопытные совпадения. Новые факты // Русское искусство. — 2008. — № 4. — С. 94–98
- Лебедев Д.Л. О. Бердсли и А. Рэхем: тонкости влияния // Художественное образование и наука. — 2021. — № 1. — С. 97–107. <https://doi.org/10.36871/hon.202101011>
- Маковский С. Портреты современников. — Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955. — 413 с.
- Перцов П.П. Литературные воспоминания. 1890–1902 гг. — Москва: Новое литературное обозрение, 2002. — 489 с.
- Петров-Водкин К.С. Хлыновск: Пространство Эвклида: Самаркандия. — Ленинград: Искусство, 1982. — 655 с.
- Сомов К. А. Письма. Дневники. Суждения современников. — Москва: Искусство, 1979. — 624 с.
- Стернин Г. Ю. Русская художественная культура второй половины XIX – начала XX века. — Москва: Советский художник, 1984. — 296 с.
- Стерджис М. Обри Бердсли. — Москва: Колибри, 2014. — 426 с.
- Чулков Г.И. Годы странствий. — Москва: Эллис Лак, 1999. — 861 с.
- Щербатов С. Художник ушедшей России. — Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2016. — 393 с.

Dovzhyk S. Beardsley Men in Early Twentieth-Century Russia: Modernising Decadent Masculinity // *Modernist Cultures*. — 2021. — Vol. 16, № 2. — P. 191–215. <https://doi.org/10.3366/mod.2021.0328>

References:

- Barbey D'Aureville, J. (1879) *Du dandysme et de George Brummell*. Paris: Alphonse Lemerre. (Russ. ed.: (2000) *O dendizme i Dzhordzhe Brammelle*. Moscow: Izd-vo Nezavisimaya gaz. Publ.).
- Baudelaire, C. (1868) *L'Art Romantique*. Paris: Michel Levy Freres. (Russ. ed.: (1986) *Ob iskusstve*. Moscow: Iskusstvo Publ.).
- Bely, A. (1990a) *Mezhdv dvukh revolyutsii [Between two revolutions]*. Moscow: Khudozhestvennaia lit-ra Publ. (In Russian).
- Bely, A. (1990b) *Nachalo veka [The beginning of the century]*. Moscow: Khudozhestvennaia lit-ra Publ. (In Russian).
- Benua, A. (1980a) *Moi vospominaniya: v 5 kn. Kn. 1–3 [My memories: in 5 books. Books 1–3]*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Benua, A. (1980b) *Moi vospominaniya: v 5 kn. Kn. 4–5 [My memories: in 5 books. Books 4–5]*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Bott, I. (2004) 'Mebel' Charl'za Kamerona [Charles Cameron Furniture].', *Pinacoteca*, (18–19), pp. 18–25. (In Russian).
- Chulkov, G. I. (1999) *Gody stranstvii [Years of peregrination]*. Moscow: Ellis Lak Publ. (In Russian).
- Dobuzhinsky, M. V (1987) *Vospominaniya [Memories]*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Dovzhyk, S. (2021) 'Beardsley Men in Early Twentieth-Century Russia: Modernising Decadent Masculinity', *Modernist Cultures*, 16(2), pp. 191–215. (In Russian). <https://doi.org/10.3366/mod.2021.0328>
- Garetto, E. (1989) 'Zhizn' i smert' Niny Petrovskoy [Life and death of Nina Petrovskaya]', in *Minuvsheye: Istoricheskiy Al'manakh. [Past: Historical Almanac]*. (8). Paris: Atheneum, pp. 7–139. (In Russian).
- Gerchuk, Y. (2004) 'Pod znakom Berdsli [Under Beardsley's sign]', *Pinacoteca*, (18–19), pp. 119–125. (In Russian).
- Grabar, I. E. (1937) *Moya zhizn': avtomonografiya [My life]*. Moscow; Leningrad: Iskusstvo Publ. (In Russian).
- Lebedev, D. L. (2021) 'O. Birdsley and A. Rackham: the Fine of Influence', *Arts education and science*, 1(1), pp. 97–107. (In Russian). <https://doi.org/10.36871/hon.202101011>
- Makovsky, S. (1955) *Portrety sovremennikov [The portraits of the contemporaries]*. New York: Izd-vo im. Chekhova Publ. (In Russian).
- Pertsov, P. P. (2002) *Literaturnye vospominaniya 1890–1902 [Literary memoirs]*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. (In Russian).
- Petrov-Vodkin, K. S. (1982) *Khlynovsk: Prostranstvo Evklida: Samarkandiya [Khlynovsk: Euclid's space: Samarkand]*. Leningrad: Iskusstvo Publ. (In Russian).
- Shcherbatov, S. (2016) *Khudozhnik ushedshei Rossii [The Artist of bygone Russia]*. Moscow; Berlin: Direct-Media Publ. (In Russian).
- Sternin G. Iu. (1984) *Russkaia khudozhestvennaia kul'tura vtoroi poloviny XIX – nachala KhKh veka [Russian culture of the second half of the XIX – early XX century]*. Moscow: Sovetskii khudozhnik. (In Russian).
- Sturgis, M. (1998) *Aubrey Beardsley: a biography*. London: HarperCollins. (Russ. ed.: (2014) *Audrey Beardsley*. Moscow: KoLibri Publ.).
- Vinogradov, S. (1993) 'O strannom zhurnale, ego talantlivykh sotrudnikakh i moskovskikh pirakh [About a strange magazine, its talented employees and Moscow feasts]', in *Vospominaniya o Serebryanom veke [Memories of the Silver Age]*. Moscow: Respublika Publ., pp. 430–440. (In Russian).
- Vyazova, E. S. (2004) 'Bogema i dendizm: «shtany s bakhromoi» ili buton'erka v petlitse? [Bohemia and dandyism: "fringed trousers" or a boutonniere in a buttonhole?]', *Pinacoteca*, (18–19), pp. 63–69. (In Russian).
- Vyazova, E. S. (2009) *Gipnoz anglomanii. Angliya i «angliyskoye» v russkoy kul'ture rubezha XIX–XX vekov [Anglomania hypnosis. England and 'English' in Russian culture at the turn of the 19th–20th centuries]*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. (In Russian).

Zav'ialova A. E. (2008) Somov i Berdsli. Liubopytnye sovpadeniia. Novye fakty [Somov and Beardsley. Curious coincidences. New facts], *Russkoe iskusstvo*, (4), pp. 94–98. (In Russian).

Информация об авторе

Валерия Дмитриевна Рябченко-Шац — преподаватель кафедры международной журналистики, аспирант кафедры мировой литературы и культуры, МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Valeria D. Ryabchenko-Shats — Lecturer, Department of International Journalism, PhD student, Department of World Literature and Culture, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 11.07.2022; одобрена после рецензирования 18.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted 11.07.2022; approved after reviewing 18.08.2022; accepted for publication 05.09.2022.

Исследовательская статья

УДК 130.2

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-156-170>

ТРАДИЦИИ НЕМЕЦКОГО ЭКСПРЕССИОНИЗМА В КИНОИСКУССТВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

Элла Александровна Радаева

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия
ellrad@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0003-4209-1951>

Аннотация. Предмет настоящего исследования — влияние традиций немецкого экспрессионизма на современное кино, в первую очередь жанра хоррор. Актуальность данной работы обусловлена необходимостью изучения генезиса современных тенденций в одном из самых популярных видов искусства и его востребованных жанров в контексте истории культуры на предмет аллюзий и реминисценций, традиций и новаторства. С целью доказать, что традиции экспрессионизма явственно прослеживаются по сегодняшний день и впредь обещают быть достаточно продуктивными, а также проследить характер их присутствия в истории киноиндустрии,

в русле культурологического подхода был применён преимущественно метод сравнительно-исторического, историко-ситуационного анализа, а также контентный анализ киноискусства указанного периода. Научная новизна работы заключается в самой призме исследования и его объекте — рассмотрению подвергались и фильмы 2021–2022 гг. на предмет традиций экспрессионистской эстетики; кроме того, представлен несколько иной взгляд на шедевры, ставшие классикой кино XX в. В результате было выявлено, что в художественном мире киноискусства указанного периода сильна экспрессионистская концепция человека и мира, получили продолжение в несколько модифицированном виде приёмы немецких кинорежиссёров начала прошлого века на уровне игры света и тени, кадрирования, самой образной системы (вампиры, гомункулы, призраки), механистичной игры актёров, зловещей атрибутики и коварства деталей. Общим знаменателем зарубежных и отечественных фильмов всех рассмотренных в статье жанров и поджанров стало использование особого музыкального оформления — музыки, которая берёт своё начало из «новой венской школы» (иными словами, музыкального экспрессионизма), что также подтверждает выдвинутую теорию.

Ключевые слова: экспрессионизм, традиции экспрессионизма, современное киноискусство, хоррор, нуар, неонуар, история культуры

Для цитирования: Радаева Э.А. Традиции немецкого экспрессионизма в киноискусстве второй половины XX – начала XXI вв. // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 3. — С. 156–170. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-156-170>

Research article

TRADITIONS OF GERMAN EXPRESSIONISM IN THE CINEMATOGRAPHY OF THE SECOND HALF OF THE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES

Ella A. Radaeva

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia
ellrad@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0003-4209-1951>

Abstract. The subject of this study is the influence of the traditions of German expressionism on modern cinema, primarily the horror genre. The relevance of this work is due to the need to study the genesis of modern trends in one of the most popular types of art and its popular genres in the context of cultural history in terms of allusions and reminiscences, traditions and innovation. In order to prove that the traditions of expressionism are clearly traced to this day and promise to be quite productive in the long run, as well as to trace the nature of their presence in the history of the film industry, in line with the culturological approach, the method of comparative historical and historical situational analysis, as well as content analysis was mainly used regarding cinematography of the period under consideration. The scientific novelty of the work lies in the very prism of the study and its object — the films of 2021–2022 were considered in terms of traditions of expressionist aesthetics; in addition, the article presents a slightly different view on the masterpieces that have become classics of the cinema of the 20th century. As a result, it was revealed that the expressionist concept of man and the world is strong in the artistic world of cinema art of this period. The methods of German filmmakers of the beginning of the previous century were continued in a somewhat modified form at the level of the play of light and shadow, framing, the figurative system itself (vampires, homunculi, ghosts), mechanistic acting, sinister paraphernalia, and deceitful details. The common denominator of foreign and domestic films of all the genres and subgenres considered in the article was the use of a special musical setting — music that originates from the *new Viennese school* (in other words, musical expressionism), which also confirms the theory put forward.

Keywords: expressionism, expressionist traditions, contemporary cinematography, horror, noir, neo-noir, cultural history

For citation: Radaeva, E. A. (2022) 'Traditions of German Expressionism in the Cinematography of the Second Half of the 20th – Early 21st Centuries', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(3), pp. 156–170. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-156-170>

Любое искусство невозможно рассматривать вне традиций, которыми оно питалось. Обнаружив влияние экспрессионизма начала прошлого века на современную культуру, в частности, на киноискусство, и задавшись целью изучить особенности этого влияния, исследователь вынужден столкнуться с целым рядом дилемм. С одной стороны, мы имеем дело с бесчисленным количеством «-измов»¹, коими принято именовать те или иные течения, направления в культуре, тогда как все они, на наш взгляд, могут укладываться под «зонтичное» определение одного². С другой стороны, важно учитывать точку зрения, озвученную известным отечественным киноведам Д.Е. Коммом, о том, что неправомерно под одним направлением (стилем) объединять длинный ряд шедевров, как это делала (по его словам) Л. Айснер — историк кино, один из ведущих специалистов по немецкому экспрессионизму. Д.Е. Комм утверждает, что рассматриваемые ею продукты — это не экспрессионизм, а просто «немецкое кино», и ссылается на авторитетных на сегодняшний день специалистов — В. Зудендорфа и Т. Эльзессера [Комм, 2012: 7]. Третья сложность, и весьма парадоксальная: сама Л. Айснер, чьему перу принадлежит монументальный труд по немецкому кино-экспрессионизму («Демонический экран», 1955), говорит о той же тенденции: «Сегодня слишком часто на все творения великой классической эпохи немецкого кинематографа навешивают такой удобный общепринятый ярлык “экспрессионизм”, не различая, где имеет место влияние Макса Рейнгардта — этого “драматурга света”» [Айснер, 2010]. При этом кинокритик много и подробно рассуждает о мировидении

и миромоделировании экспрессионистов. И в этой связи возникает вопрос: что в данном случае понимать под влиянием экспрессионизма — непременно технику создания художественного образа с помощью светотени или сами образы и само умонастроение — как создателей фильмов, так и их реципиентов? Так, известно, что знаменитый фильм «Носферату, симфония ужаса» (1922) Ф. Мурнау — лишь самовольная интерпретация литературного произведения — романа «Дракула» (1897) Б. Стокера. Однако именно с Ф. Мурнау образ вампира вошёл в киноискусство. Это даёт нам право утверждать, что любой фильм о вампирах — рецепция экспрессионистского кино (а основой экспрессионистского кино, действительно, послужила литература, преимущественно романтическая, которая, в свою очередь, питалась и средневековой готикой).

Таким образом, обе вышеозначенные теории относительно экспрессионизма в кино достаточно противоречивы: тот же Д.Е. Комм соглашается с британскими авторами П. Томбсом и К. Тохилл, заявившими: «Американский фильм ужасов 30-х-40-х годов был на самом деле европейским фильмом ужасов!» [Комм, 2012: 9]. Советские исследователи в 1960-х гг.³, а позже — российские учёные⁴, единодушны, что именно европейский экспрессионизм подарил фильм ужасов кинематографу. В пользу этой точки зрения говорит и указанный во всех исследованиях факт, что уже в 1920-е гг. многие немецкие режиссёры (П. Лени, Э. Любич, Ф. Мурнау) стали снимать фильмы в США, плодотворно работали в Голливудских студиях, а приход к власти Гитлера лишь способствовал эмиграции, в результате которой немецкие,

¹ Понятие, которым оперирует Р. Ван ден Аккер: «...гордыня, подвигающая нас ...описать сложившееся в обществе положение в терминах ещё одного «-изма», в лучшем случае создаёт предпосылки для гомерического хохота...» [Метамодернизм..., 2020: 37].

² Так говорит современный философ А. Павлов о постмодернизме, который с начала 2000-х гг. пытались упразднить: «...постмодернизм — это не реальность и не некая объективно данная нам онтология, но огромное количество конфликтующих интерпретаций современной культуры и общества» (Павлов А. Я не устал от постмодернизма // Научно-образовательный портал IQ. — 2020. — 19 марта. — URL: <https://iq.hse.ru/news/350402179.html>)

³ Абрамов Н. Экспрессионизм в киноискусстве // Экспрессионизм. — Москва: Наука, 1966. — С. 130–154.

⁴ Туровская М. Кино и экспрессионизм // Энциклопедический словарь экспрессионизма. — Москва: ИМЛИ РАН, 2008. — С. 267–271.

венские режиссёры в сотрудничестве с американскими коллегами подарили миру целую индустрию фантастики и хоррора. Кроме того, доказано влияние немецких экспрессионистов, особенно Ф. Мурнау, на мастера нуарного (в том числе) кино А. Хичкока [Акройд, 2016: 29].

Если нас интересует культурологический контекст влияния экспрессионизма на киноискусство, нельзя не учесть и монументальную работу 2009 г. Д.Дж. Скала «Книга ужаса: история хоррора в кино» [Скала, 2009]. Именно в культурно-историческом контексте данный автор рассматривает предпосылки возникновения и развития ключевых образов хоррора, подтверждая аксиому «спрос рождает предложение». Это в свою очередь доказывает неизбывную актуальность жанра — его фигуры, преломляясь в общественном сознании, будут ложиться на любую историческую действительность (у Д. Скала, фактически дополнившего и расширившего теорию З. Кракауэра [Кракауэр, 1977], неизвестный убийца Р. Вине конгениален образу послевоенной Германии; монотонно шагающий мертвец в «Белом зомби» (США) — очереди за бесплатным питанием, и далее каждая знаковая фигура хоррора связана либо с послевоенной разрухой, либо с проблемой СПИДа, либо с историческими личностями (волк-оборотень — параллель с Гитлером).

Мы не будем вступать в полемику с Д. Скалом в вопросах генезиса того или иного киноперсонажа, кого из монстров что породило, потому что в этом ключе достаточно субъективным покажется и Д. Скал, и любой другой исследователь, и даже кинолюбитель. Важным представляется иное — то, что экспрессионизм, породивший эти образы на экране, отвечает «духовным» запросам общества на протяжении всего XX в. и по сей день. Мы лишь добавим в копилку исследований фильмы, которые вышли позже изданий упомянутых киноведов, тем самым продолжив

начатый ими разговор, но, в отличие от Д. Комма и Д. Скала, рассмотрим их (и более ранние киноленты) сквозь призму экспрессионистской эстетики.

Основополагающей для данного исследования будет концепция экспрессионизма, обозначенная Ю.Б. Боровым как «отчуждённый человек во враждебном мире»⁵. Дополняя созданную киноведами галерею портретов и их толкований, необходимо использовать метод компаративного анализа. С этой же целью прибегнем к системному, типологическому и диалектическому методу на основе сравнительно-исторического, историко-теоретического и культурологического подходов с элементами тезаурусного. Культурологический подход позволяет соотносить шедевр того или иного режиссёра с контекстом эпохи, понять социально-философские идеи автора. Также нельзя обойтись без контентного анализа столь популярного вида искусства. Методология изучения кино предполагает и историко-ситуационный подход, чтобы выявить общее и специфическое в развитии кино на разных этапах общественной жизни.

Примечательно, что каждый из вышеуказанных теоретиков кино XX–XXI вв., на словах категорически отказываясь от той или иной схемы и схематизма как такового, тем не менее создаёт новую схему, в которую пытается «расфасовать» все явления киноиндустрии.

С помощью метода компаративного анализа мы создадим некую знаковую систему, представляющую традиции экспрессионизма и собственно экспрессионистского кино. Здесь резонно вновь обратиться к монографии Л. Айснер. Не согласимся с ней лишь в одном — в том, что экспрессионизм родился из литературных манифестов [Айснер, 2010]. Представляется более убедительной точка зрения П. Топера, утверждавшего, что, в отличие от других направлений в искусстве XX в., экспрессионизм «начинался не с манифестов и декла-

⁵ Боров Ю. Экспрессионизм // Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. — Москва: АСТ; Астрель, 2003. — С. 341.

раций, не из одного центра, в спонтанно и в разных местах, словно сам собой, с яркой и дерзкой художественной практики»⁶.

И, коль скоро речь идёт прежде всего о мировоззренческой установке, мы не должны забывать, что она имеет место и сейчас в мировосприятии современного человека. Другой вопрос — что влияет на её формирование из реалий сегодняшнего дня.

Л. Айснер считает, что слова одного из критиков касательно драмы Р. Зорге «Ничий» могут относиться ко всем произведениям экспрессионизма: «...мир стал настолько проницаемым, что каждую минуту из него выпархивают видения и фантомы; внешние факты беспрерывно превращаются во внутреннее переживания, а душевные процессы беспрерывно воплощаются во внешнем мире» [Айснер, 2010]. У нас есть основания продолжить её мысль в отношении почти всех видов (фильмы о монстрах; об оборотнях; о привидениях; о вампирах; о зомби; готический фильм — все, за исключением фильмов о каннибалах, и то — условно) и поджанров хоррора на сегодняшний день: боевик ужасов; драма ужасов; праздничный фильм ужасов; психологические ужасы; научно-фантастические ужасы; слэшер; сверхъестественный фильм ужасов; триллер ужасов; найденная плёнка; подростковые ужасы; кибер-ужасы (на сегодняшний день сюда можно добавить десктоп-хоррор, скринлайф (computer screen), кибербуллинг и иные вариации «ужаса в сети»). Здесь исключением послужат сплэттер, естественные ужасы, приключенческий, природный, комедийный, биологический фильмы ужасов, природа и её кровожадная фауна (анаконды, акулы, крокодилы) мало интересовали экспрессионистов, равно как и смеховому началу в экспрессионизме места нет. То же касается героев — сильных личностей, мужественно преодолевающих всевозможные препятствия в приключенческих кинолентах.

Какие же темы экспрессионистского кино и приёмы его создания получили продолжение в вышеуказанных жанрах и поджанрах? В монографии Л. Айснер, посвящённой «демоническому экрану», вычленим следующие моменты, которым кинокритик уделяет особое внимание.

1. Световые эффекты — когда «каскиды света разрывают зловещую темноту» [Айснер, 2010] (финал любого фильма ужасов), а также приём светотени — неизменный спутник саспенса. Пусть работа с тенью со временем стала не столько заслугой режиссёра, сколько оператора и качества технического оснащения, но эффект использования данного приёма по-прежнему действен.

2. «Коварство предмета» (этот элемент встречается даже в кино о каннибалах. Так, в фильме «Поворот не туда» (2003) Р. Шмидта предательски скрипнувшая пружина двери стала причиной гибели большей части героев). В «Оно» (1990) Т.Л. Уоллеса и (2017) А. Мускетти — по роману С. Кинга — бумажный кораблик, унесённый в сточную канаву, обернулся изуверским убийством ребенка).

3. «Прямая траектория» — когда субъект страха или некая субстанция движется прямо на камеру (в своё время экспрессионисты лишь усугубили этот момент, позаимствовав его у братьев Люмьер с их паровозом).

4. «Зловещие атрибуты»: как у Ф. Ланга в «М» (1931) одинокий стульчик и пустая тарелка убитого ребёнка, так, например, в драме ужасов «Оно» (1990) — кадр с перевёрнутым трёхколесным велосипедом и жалобно поскрипывающее колесо на нём (предмет, по инерции продолжающий движение, тогда как маленькая девочка уже растерзана клоуном). В «Зловещих мертвецах» (1981) С. Рейми те же «изогнутые деревья с узловатыми, наполовину вылезшими из земли корнями, подобно призракам, появляются из темноты» [Айснер, 2010] уже не только способ

⁶ Топер П. Понятие и термин экспрессионизма // Энциклопедический словарь экспрессионизма. — Москва: ИМЛИ РАН, 2008. — С. 5.

нагнетания соответствующего настроения, но и непосредственный участник действия — проникают в студентку, превращая её в зомби.

5. Действие как «последовательность кадров или даже ракурсов»⁷, или «кадрирование» (по Ж. Делёзу [Делез, 2013]) — особенно распространённый приём в псевдо-документалистике («найденная плёнка»): «Ведьма из Блэр: Курсовая с того света» (1999) Д. Мирека и Э. Санчеса, «Последний радиовывоз» (2022) А. Родригеса (фильмы нулевых уже редко нуждаются в плёнках — герои чаще пользуются камерой айфона или смартфона); «Звонок» (1998) Х. Накаты (фильм о духах и привидениях); изредка — в кибер-ужасах, когда нечто, пугающее неизвестностью, мелькает на мониторе компьютера.

6. Колористика — коричневый цвет, «коричневый тон рембрандтовского ателье» [Айснер, 2010] — часто присутствует в фильмах о вампирах, в ужасах-боевиках К. Тарантино и Р. Родригеса, а также во всех фильмах, где нужно показать экскурс в отдалённое прошлое героев. Парадоксально, но этот цвет используется вовсе не с той же целью, что у экспрессионистов — как самый нереальный, ибо отсутствует в палитре радуги.

7. Лестница — частый элемент в фильмах вне зависимости от их вида и поджанра, но образ несколько «притупился» — это уже не символическое обозначение спуска или восхождения, а также узлового момента сюжета (киновед приводит в пример такие фильмы, как «Девушки в униформе» Л. Саган и «М» Ф. Ланга), но чаще — место смертельной схватки, погоны, выступает и как «зловещий атрибут» («Майки» (1992) Д. Димстера, «Я знаю, что вы сделали прошлым летом» (1997) Д. Гиллеспи, «Кровавая жатва» (2003) А. Ажа (триллеры).

8. Монтаж картин — уличного праздника и оцепеневшего в отчаянии (в оди-

ночестве, в горе, в ловушке) героя (психологические, праздничные фильмы ужасов, слэшеры, подростковые фильмы ужасов).

9. Игра актёра — механистичность жестов, мимики, патетические, немотивированные действия, математически абстрактные движения (фильмы о психопатах; в иных жанрах — с целью саспенса).

В знаменитом фильме «Звонок» (2002) Х. Накаты используется ещё и столь излюбленная экспрессионистами декорация — непонятные объекты, запечатлённые на видеокассете, когда контуры и линии ползут вверх и сходятся в одну точку над пленником (жертвой), трюмо, колодец. Примечательно, что и название в переводе с японского на английский переводится и как «звонок», и как «круг». Телефонный звонок — элемент фабулы, круг — образ колодца, который выступает, благодаря ракурсу съёмки, сначала абстрактно, затем — материально.

Ещё больше точек соприкосновения у немецких режиссёров-экспрессионистов и современных деятелей киноискусства — в темах и образах.

Именно экспрессионизм (в первую очередь своим доктором Калигари) вывел на экран внутренний мир личности, причём как в первоначальном, так и в итоговом, разрешённом цензурой варианте. В современном кино этот момент выступает более сгущённо. Часто зритель изначально думает, что смотрит фильм о духах и привидениях или жёсткий триллер, затем выясняется, что все эти привидения — плод воображения больного человека, или сам человек страдает раздвоением личности и из забитого существа превращается в маньяка-убийцу. К первой из указанных групп можно отнести (из более или менее поздних) «Злой дух» (2017) А. МакДональда, «Страна призраков» (2018) П. Ложье, «Близнец» (2022) Т. Мустонена, «Скрежет» (2022) Х. Бергхольм, ко второй — «Сумасшедший дом» (1981) О.Г. Ассонитиса, «Май-

⁷ Л. Айснер о Р. Вине, который «обладал выдающейся, ориентированной исключительно на визуальные образы изобразительной способностью. Действие он воспринимал как последовательность кадров или даже ракурсов» [Айснер, 2010].

ки» (1992) Д. Димстера, «Кровавую жатву» (2003) А. Ажа, «Пикок» (2009) М. Ландера, и др. Эта тема проистекает от понимания зыбкости и амбивалентности вещей, мира и, как следствие, человеческой природы. Отсюда, кроме мотива раздвоения личности, и смежные темы:

1) Мотив зеркала (как часть сюжета или как автономная тема едва ли не полусотни фильмов хоррора под одноимённым названием);

2) Мистицизм и магия («Пристальный взгляд» (2016) К. Мики, «Дом» (2016) Ф. Лина, «Злой дух» (2017), «Пост Мортем» (2022) П. Бергенди, «Ты мне не мать» (2021) К. Долан, «Деревня Усикуби» (2022) Т. Симидзу, «Сеульские городские легенды» (2022) Х. Вон-ги;

3) Мотив ночного города, улицы-балагана с её неоновыми огнями, витринами, толчеей — картины, подчёркивающие «миражность урбанистического пейзажа», делая его «ненадежным и угрожающим»⁸ («От заката до рассвета 3: Дочь палача» (1999) П.Дж. Пеше, «Шоссе в ад» (2003) С. Тейлора, «Тэлон Фолз» (2017) Д. Шрива.

С последним мотивом часто связан образ уличного зазывалы или клоуна. Образ клоуна не входит в список порождённых экспрессионизмом персонажей, которым оперирует большинство искусствоведов, и не пересекается ни с Големом, ни с Калигари, ни с сомнамбулой, ни с Дракулой. Но этот образ отвечает экспрессионистским антиномиям: своё-чужое, живое-мертвое, вписывается в концепцию карнавала. Наиболее экспрессионистичным можно назвать клоуна Пенивайза в «Оно» (в этом случае мы имеем в виду только фильм 1990 г., т.к. версия 2017 г. представляется менее удачной — акцент делается, на наш взгляд, исключительно на спецэффектах, гриме и зрелищности). Карнавалистичность этих персонажей в хорроре уже в том, что клоун, функция которого развлекать детей, убивает их. Атмосферу ужаса (саспенс) создают детали: надувной шарик, как в «М», бурлеск в поведении, жестах. Примечательны

и вставки — элементы чёрно-белого кино, а также работа света, контрастность: во тьме сточной канавы появляется мертвенно-белое от пудры лицо клоуна.

Что же касается остальных экспрессионистских кинообразов, то они по-прежнему прослеживаются в современном кино, хотя и несколько модифицировались. Так, сомнамбулы претворились в нынешнем хорроре в оживающих мертвецов. Часто их «источник» — опыты учёных в военных лабораториях при разработке оружия массового поражения. Реже — мистическая подоплёка (фолк-хоррор), и в этом случае они, пожалуй, пересекаются с образом Голема, вызванного к жизни с помощью ритуала. Сюжет «Пражского студента» (1913) С. Рюэ и П. Вегенера (сиречь фаустиана) сегодня — «Исполнитель желаний» (1997) Р. Куртцмана с рядом сиквелов («Исполнитель желаний 2: Зло бессмертно» (1999) Д. Шолдера, «Исполнитель желаний 3: Камень Дьявола» (2001) и «Исполнитель желаний 4: Пророчество сбылось» (2002) К. Энджела — о злобном джинне, охотящемся за душой нечаянно освободившей его «повелительницы».

Сравнительно яркой вариацией «Гомункулуса» (1916) О. Рипперта через 100 лет стал американский научно-фантастический фильм «Морган» (2016) режиссёра Л. Скотта. С культурологической точки зрения примечательно, что современность «измельчала»: образец человеческого гибрида по имени Морган — женского пола (дань феминизму XXI в.), и в обиду на человечество, в отличие от своего предшественника начала прошлого века, дальше мести группе учёных в центре биоинженерии не идёт. Сначала Морган мстит госте лаборатории (Ли Уэзерс), которая испытывает к «девушке» безотчетную неприязнь. Но мировой войны этот гомункулус, страдая от своей инаковости среди людей, не вызвал: войны в относительно благополучные «нулевые» происходят на уровне технологий. И побеждена была Морган не молнией от неумолимой Природы, а таким же гомун-

⁸ Туровская, 269.

кулусом, коим оказалась Ли Уэзерс (т.е. более ранней версией биоробота). В финале фильма биоробот Ли Уэзерс была с приветствием встречена инженерами вместо убиенной ею менее удачной версии — Морган. Однако авторы фильма не захотели остаться в рамках научной фантастики с элементами экшна — последние кадры свидетельствуют о явном мистическом начале: Ли разминает руки точно так же, как когда-то это делала Морган перед ликвидацией враждебного объекта. Даже в этом можно обнаружить отсылку к романтизму XIX в., которым вдохновлялись экспрессионисты, с его идеей непознаваемости мира.

Образ Дракулы (и тема вампиров) остаётся одним из самых сложных, хотя и достаточно изученных в силу его беспрецедентной популярности (киноверсий на сегодняшний день более сотни). Причина неугасаемого интереса — в амбивалентности заключённых в этом персонаже добра и зла — человеческого и демонического начала. Носферату Ф.В. Мурнау (Б. Стокера) способен на высокие чувства (любовь), а значит, не может быть злодеем в чистом виде. Другой вопрос — в психологизме этого образа. Психологию, как и саму природу (иными словами, натуральность), экспрессионисты не приветствовали. Поэтому способности к любви в обычном понимании — т.е. как способности к самопожертвованию — Дракула у подавляющего большинства авторов посвящённых ему кинолент лишён, равно как и его «проекции» — вампиры. Мягкий и толерантный XXI в. восполняет этот пробел — на экранах появляются вампиры-«вегетарианцы» (питающиеся только кровью животных), мученики любви, ценящие в своей возлюбленной её человеческое смертное начало («Сумерки» (2008) К. Хардвик), отпускающие своих потенциальных жертв во имя дружбы и благодарности за доброту и понимание («Красный снег» (2021) Ш.Н. Линча). Хотя ещё Ф.Ф. Коппола наполнил фигуру своего героя (в исполнении Г. Олдмена) «Дракула Брэма Стокера» (1992) глубоким трагизмом, однако его персонаж всё ещё остается в большей мере злодеем. К этой дилемме (добра и зла) режиссёры и сце-

наристы периодически возвращаются, и создаваемые ими киноверсии, вопреки позиции Д. Комма, не всегда укладываются в примитивный экшн («Я дерусь с монстром, кто победит?») [Комм, 2012:10]].

Так, в американском «Дракуле 2000» (2000) П. Люсье, кроме образа главного героя, присутствуют и приёмы экспрессионистского кино — карнавализация, поданные яркими кадрами картины улиц современного города с его чрезмерно раскованной молодёжью и её забавами — проститутки, неформалы, представители ЛГБТ — со сценами половых актов и их имитации — всё, что радует глаз появившегося сквозь толщу веков и победоносно шествующего князя тьмы. Основа фабулы — переложенный на современные реалии роман Б. Стокера, но более существенный элемент — сам образ главного героя, заимствованный из «Скорби Сатаны» (1895) англичанки М. Корелли, с которым не мог поначалу сравниться вышедший двумя годами позже «Дракула» ирландского писателя. Режиссёр настойчиво фокусирует внимание зрителя на деталях — распятие, порвавшаяся верёвка. Мэри, дочь антагониста Дракулы — Ван Хельсинга — делает открытие для себя: «Иуда Искариот!.. Крест... серебро... Вот откуда твоё отвращение!...». Таким образом, прообраз Дракулы — вовсе не валашский господарь Влад III Басараб (при жизни — Дракула, после смерти — Цепеш), а библейский герой. И трагизм — в любви и ненависти Дракулы к Христу, обиде на него, выливающейся в богоборчество: «Ты знал, что я должен буду предать Тебя, именно поэтому я был Тебе нужен! Теперь я пью кровь Твоих детей, но я даю им больше, чем вечная жизнь — я даю им то, что они хотят: удовольствия, в которых Ты им отказывал! Ты создал мир по своему подобию — я его переделываю!» (цитата из фильма — речь героя, обращённая к огромному, в неоновых огнях, распятию). При этом в музыкальном оформлении фильма присутствует характерный диссонанс — шум толпы, рок и металл сменяется песнопениями григорианского хора. В финале, когда Мэри, больше надевавшаяся на случай, удаётся убить Дракулу (он запутался в брошенной ею

верёвке и упал с крыши высотного здания, повесившись под накренившимся над ним распятием) за кадром звучит сакраментальная фраза «На этот раз верёвка не оборвалась...». Последними же словами князя тьмы, обращёнными к девушке, было: «Я отпускаю тебя» (т.е. едва ли не впервые Дракуле (олицетворению зла!) становится свойственно поистине христианское прощение. Видимо, на пороге миллениума в обществе вновь назрела острая потребность вспомнить об исконных новозаветных нравственных ценностях, результатом чего и стала эта работа американского режиссёра.

«Промежуточным» вариантом здесь можно отметить «Интервью с вампиром» (1994) режиссёра Н. Джордана, где главную роль исполнил Брэд Питт. Герой Б. Питта по-отечески привязывается к найденной им девочке, подобно тому, как у П. Хандке (современный австрийский писатель, в творчестве которого также отмечается экспрессионистская рецепция) Дон Жуан, утверждающий (исторически неожиданно для такого образа), что единственное существо, которое было ему близко — его скончавшийся в 10-летнем возрасте сын. В каждом фильме вампиры в какой-то мере философы. Герои Н. Джордана не стали исключением, более того, не обошлось и без «припечатывания» их к определённой ступени истории духовной культуры: «Я вовсе не дух этой эпохи — я веду борьбу с самим собой. — В этом и есть дух эпохи» (цитата из фильма, диалог персонажей).

В дальнейшем относительно Дракулы и вампиров усиливается постмодернистская ирония создателей, экспрессионистское начало значительно ослабляется. Возникает и больше самоиронии, комедийного элемента (ещё в «Интервью с вампиром» знаменателен эпизод, где вампир приходит в кинозал и с любопытством смотрит фильм «Носферату, симфония ужаса»).

В «Красном снеге» (2021) С. Линча вампир становится комическим персонажем, шутником и балагуром, нивелируя всю атрибутику, созданную в истории культуры ранее: на вопрос собеседницы, убил ли бы его осиновый кол в сердце, отвечает: «Думаю, осиновый кол в сердце убьёт лю-

бого» — «Святая вода?» — «Смотря от какого пастора. Если он лапал детишек, мне бояться нечего», а о Носферату говорит: «Большинство вампиров считает эту книгу оскорбительной для себя. Это как «Рождение нации». Я пошутил».

В 2000-х гг. усилилась тенденция накладывать на древний сюжет (о том же Владе Цепеше) как можно больше не просто артефактов современности, но «трендов» дня сегодняшнего. Так, в том же «Красном снеге», объясняя разницу между человеческой и свиной кровью, вампир Люк проводит параллель между крафтовым пивом и мочой, а его собеседница в поддержание разговора рассуждает о пользе уринотерапии (известно повальное увлечение этой модой в какой-то период). В фильме «Дракула: Первый живой вампир» (2022) М. Эльфельдта героем-вампиrom уже высказывается скепсис по поводу предпочтений романистов Румынии как места действия в произведениях определённой тематики: «Вампиры не киснут в старых пыльных замках Восточной Европы. Они путешествуют... Туда, где клёво: Токио, Лондон, Тахо...», а также по поводу трагизма, флёром которого принято окутывать кровопийц, тоскующих о своей утраченной человеческой природе: «Жизнь вампира не грустна — она офигенна: ты живёшь вечно, каждый день — праздник, не нужно платить налоги, стоять в очереди в магазине и переживать за холестерин» (цитаты из фильма).

Несмотря на свою чисто визуальную стилистику викторианской эпохи, «Дракула: Первый живой вампир» представляет собой дань толерантности новым европейским ценностям — лояльность к ЛБГТ и триумф феминизма: вместо Хуттера и верной Элен здесь с Дракулой борется за жизнь своей возлюбленной Миной девушка Амелия, в финале Мина с пафосом бросает в лицо одержимому ею графу: «Я — её жена!» (цитата из фильма).

Популярность бывшего некогда сугубо экспрессионистским образа Дракулы и вампира в истории культуры и впредь обещает быть вечной, а вариации его — неистощимыми. Причина — в тенденции, которую весьма образно указал переводчик Ш. Бодлера О. Дорофеев, говоря об об-

разе сатаны в истории культуры⁹. Начиная со средневековья и дантовского ада, образ сатаны менялся, очеловечиваясь — от вросшего в лёд чудовища с разверстой кровотокающей пастью до душевного мужичка, который садился у постели Ивана Карамазова Ф.М. Достоевского и больше всего мечтал сходить в церковь и Богу свечку поставить. Зло всегда обладало неким демоническим обаянием в глазах людей, ибо следовать греховным устремлениям проще, нежели воздерживаться от них. Кинокритик С. Бережной, говоря об истории киноампиризма, развивает эту мысль: «Может быть, отделяя вампиров от людей, волков от агнцев, мы символически отделяем от себя свою “тёмную половину”, создаем иллюзию своей непричастности к ней и ввергаем её в “несуществование”? Или, напротив, измышляем себе достойных “хозяев” — бессмертных, могущественных, почти всесильных, — которым можем вручить себя, словно стадо? А может, в мечтах мы и себя видим такими, как они, — вечно прекрасными ночными хищниками, освобождёнными от мыслей о грехе?...»¹⁰.

Далее, говоря о влиянии экспрессионизма на современное киноискусство, нельзя не вернуться к упомянутому выше нуарному кино — голливудским криминальным драмам 1940-х гг., в которых «в отношении кинематографии многие приёмы были позаимствованы из арсенала немецкого экспрессионизма («М», а особенно «Ярость» и «Жизнь даётся один раз» Фрица Ланга). Помимо самого Ланга, многие мастера нуара (Премингер, Сьодмак, Уайлдер) прошли закалку в немецком кинематографе довоенного времени»¹¹. В 1970-х гг. появляется понятие «неонуар», с 1990-х гг. — постнуар. Основа нуара во все времена — пессимизм,

хотя факторы, вызывающие его, разные, в зависимости от социально-исторической ситуации — от войны во Вьетнаме до семейного насилия и коррупции. Логично предположить, что мы никогда не будем жить в абсолютно безоблачном мире, соответственно этот жанр будет постоянно иметь подпитку. Из нуарных фильмов последних лет высокую оценку и массу премий получил американский психологический триллер «Под покровом ночи» (2016). Здесь экспрессионистская линия усиливается ещё и благодаря смешению «реальностей»: преломление мира через сознание героя и возникновение новых сюжетов в голове, их художественное воплощение в литературном творчестве.

Дань нуару отдаёт и Дэвид Линч («Синий бархат» (1986), «Малхолланд Драйв» (2001), однако на примере творчества этого режиссёра мы затронем несколько иную проблему. Дело в том, что влияние экспрессионизма гораздо глубже и шире, чем утверждают упомянутые нами исследователи. Так, фильмы Д. Линча нередко именуются сюрреалистическими [Lynch, Rodley, 2005; Ciment, 2003]). Однако есть основания усомниться в таком клише. По А. Базилевскому, сюрреализм — лишь наследник экспрессионизма, кроме того «типологически сюрреализм — это ассоциативный, смеховой, пародирующий экспрессионизм»¹²). Так, самым сюрреалистическим в творческом багаже режиссёра считают фильм «Голова-ластик» (1977). Однако слишком много деталей указывает на иное. Во-первых, сюжет навеян автору «Превращением» Ф. Кафки, а Ф. Кафку академик Ю.Б. Боров называет «крупнейшим представителем экспрессионизма в литературе»¹³. Во-вторых, этот чёрно-белый

⁹ Дорофеев О. Постоялец отеля Большого зеркала: Вступит. Статья // Шарль Бодлер. — Москва: Терра-Книжный клуб, 2002. — С. 5–58.

¹⁰ Бережной С. Те, которые всегда возвращаются (Краткий очерк истории киноампиризма) // Обозрение фантастики: Сайт Сергея Бережного на Русской Фантастике. — 2002. — URL: <http://barros.rusf.ru/article159.html>

¹¹ Morris G. Noir Country. Alien Nation. // Bright Lights Film Journal. — 2006. — 1 Nov. — URL: <https://brightlightsfilm.com/noir-country-alien-nation/#.YvzeEnZByUk>

¹² Базилевский А. Сюрреализм и экспрессионизм // Энциклопедический словарь экспрессионизма. — Москва: ИМЛИ РАН, 2008. — С. 539.

¹³ Боров, 300.

фильм целиком построен на световых эффектах, что роднит его именно с наследием немецких кинорежиссёров начала прошлого века (своего рода апофеозом этой стилистики здесь становится замыкание электричества в финале). В финале же голова младенца превращается в планету (Земля). Вспомним начало фильма: звёздное небо, крупным планом — некое космическое тело (планета), по которому будто чья-то невидимая рука, как ластиком, водит головой перевернутого главного героя (Генри), постепенно планета превращается в подземное пространство — возможно, символически это тёмная нора нашего подсознания. Затем идут кадры надвигающегося пространства (круглая дыра в крыше дома, по размеру напоминающая только что показанную планету в звёздном небе); это пространство разорвано — снова отсылка к тёмным дырам человеческого подсознания. Отныне мир существует будто только в нашей голове, в нашем восприятии — это и есть экспрессионистское мировидение и миропонимание. Далее видим разверстый, как на известной картине Э. Мунка, рот главного героя, откуда появляется напоминающее головастика существо, которое станет причиной всех несчастий — иными словами, порождённое им же нечто есть он сам, сам он и есть причина болезненности своего существования в этом мире.

Не менее примечательна и игра актёров. Походка Генри механистична, его ноги — будто на шарнирах, он по дороге домой забирается на насыпанные холмы глины (или чернозёма) и делает несколько шагов по ним, вместо того чтобы перейти их сразу, далее будто нечаянно наступает в лужу на обочине, хотя идёт привычной дорогой и дорога эта по прямой траектории сухая. Т.е. даже в мелочах поступки его подчас немотивированы. Камера задерживается на тени деревьев, отражающейся в лужах. В аннотациях к фильму героя часто называют угрюмым, тогда как на самом деле он скорее напуган и затравлен, что подчёркнуто постоянно стоящими дыбом

волосами на голове. Затравленным поднимается он в лифте, затравленно смотрит на красивую соседку, которая сообщает ему о приглашении на ужин семьи Мэри (девушки, с которой Генри когда-то встречался). У самой же Мэри ведущая эмоция на лице на протяжении всего фильма — тревожность и подавленность. Герои полностью отвечают обозначенной Ю.Б. Боровым экспрессионистской концепции: «отчуждённый человек во враждебном мире»¹⁴. Иные герои в фильме представляют собой ходячих персонажей с нарочито патетическими жестами: отец Мэри (Мистер X) оттопыривает брюки перед едва знакомым молодым человеком, в какой-то момент застывает с сардонической улыбкой в затаившемся молчании. Механистичность усугубляется припадком матери Мэри (Миссис X) за столом во время ужина, а до этого мы видим сидящую в кресле парализованную бабушку, руками которой Миссис X размешивает салат в большой миске. Всё проникнуто искусственностью и мертвечиной. Уродливый младенец, которого оставили затем Генри на попечение, не отпускает его, своего отца, как не отпускают Генри собственные фобии и болезненные фантазии — существо каждый раз начинает кричать при каждой попытке Генри выйти за дверь. Далее внезапно заболевший младенец начинает задыхаться, как задыхается (ментально) в этом безвоздушном пространстве сам герой — в своей квартире, за единственным окном которой — кирпичная стена.

Любое замкнутое пространство в фильме (квартира Генри, квартира родителей Мэри) погружено во мрак. Свет лишь выхватывает из этого мрака тот или иной объект, на который автор хочет обратить внимание зрителя: человека, стол, окно, батарею, лежащую на полу собаку со щенками, дверцы шкафа, шевелящегося червячка (эмбриона) и т.д. Таким образом, «драматургия света» в этом фильме Д. Линча играет едва ли менее важную роль, чем у немецких экспрессионистов. Единственная отдушина (просвет) в жизни

¹⁴ Боров Ю.Б. Эстетика: Учебник. — Москва: Высшая школа, 2002. — С. 342.

героя — его уход в мир фантазии: появляющаяся в этом просвете (чугунной батарее!) картина круглой сцены с шансоньеткой, представляющей собой уродливую пародию на Мэрилин Монро (столь излюбленные экспрессионистами ломанные линии, искажение пространства здесь отразились в накладных деформированных щеках певицы). Этот образ одновременно символизирует архетип красивой женщины (Мэрилин Монро) и яйцеклетку, вкупе это своего рода бурлеск женского начала во вселенной. Уродлив и страшен мир — уродливо представлено и это женское начало, которое вроде бы предназначено природой дарить жизнь, но вместо этого топчет каблуками извивающихся на полу сперматозоидов. О зыбкости граней между миром вымышленным и реально существующим, материальным и нематериальным свидетельствует и изготовление ластиков из головы Генри — тоже, как оказалось, лишь в его бредовых снах.

Всё это в целом представляет тупик, мало апеллирующий к «инстинкту игры и чувству юмора» сюрреализма — скорее к «метафизическому ужасу и предчувствию вселенской катастрофы» экспрессионизма. (Кстати сказать, фильм «Голова-ластик», по иронии судьбы, тоже малобюджетный, как и многие киношедевры немецких экспрессионистов).

В целом, не только у Д. Линча, но и практически во всех фильмах жанра хоррор до настоящего времени сохраняется принцип использования света, обозначенный З. Кракауэром: «Они (*немецкие кинематографисты — Э.Р.*) пытались преобразить его (*свет — Э.Р.*) в декорацию человеческой души... <...> душа в этих фильмах стала действительным источником света» [Кракауэр, 1977]. Действительно, мы видим объект ужаса глазами героя, и часто это происходит в темноте: взгляд персонажа в окружающем его мраке высвечивает то, что вселяет мрак уже в его собственную душу.

В контексте экспрессионистской традиции особо следует сказать о советской и российской киноиндустрии. Известны работы о влиянии немецких кинорежиссёров на советское документальное и художе-

ственное кино («Обводный канал» А. Учителя [Омельяненко, 2015a], «Исповедь. Хроника отчуждения» Г. Гаврилова [Омельяненко, 2015b]), и связано это с проблемой одиночества и нарушения душевного равновесия человека в переломное время.

Энциклопедические ресурсы указывают (с известной долей условности) на многочисленные криминальные драмы и сериалы «перестроечного» периода в России как наследников нуарного кино («русская-зычный постнуар» — фильмы В. Абдрашитова, А. Балабанова, В. Бортко и др.).

Что же касается хоррора, то по едва ли не единодушному мнению критиков, этот жанр далеко не самый развитый в отечественном кинематографе. В публицистике известна расхожая ирония: российская действительность содержит больше кошмаров, нежели художественный вымысел. Принято считать, что в основном отечественные фильмы ужасов — кальки с зарубежного кино и рассчитаны на зарубежный прокат, а самыми яркими шедеврами по-прежнему остаются «Вий» (1967) К. Ершова и Г. Кропачёва и «Прикосновение» (1992) А. Мкртчяна. Поскольку «Вий» — лишь экранизация одноименной повести Н.В. Гоголя, разговор об этой ленте рискует возыметь уклон больше в литературу, нежели в киноискусство, поэтому остановимся на втором из упомянутых фильмов. Автор (А. Мкртчян) практически лишил свою ленту голливудских спецэффектов, а формой саспенса, кроме прочего, служит зловещее фото с памятника погибшего во время аварии на химкомбинате Николая Мальцева, а также и речь последнего из потустороннего мира, материализовавшаяся в доносящихся издали командах железнодорожного диспетчера. Однако концептуально фильм, как и всё экспрессионистское искусство, — протест «мелкобуржуазному» самодовольству, сытости, зашоренности, толстокожести, а идея смерти в нём звучит как единственное спасение тонких натур от этого грубого мира. Тем не менее финал лишен экспрессионистского пессимизма: главный герой, покончив с собой, чтобы продолжить борьбу с союзом мертвецов уже в ином измерении, оставляет записку с сакраментальной в рамках художествен-

ного мира этого произведения фразой: «Жизнь прекрасна и удивительна».

Особняком в истории отечественного кино стоят фильмы республики Саха (Якутия). Они сохраняют самобытность, хотя нередко пересекаются с японским хоррором. Практически все эти фильмы («Проклятая земля» / «Сэтээх сир» (1996) Э. Иванова, «Тропа смерти» (2006) А. Сергеева, «Наахара» (2007) М. Калининой и др. относятся к поджанру тубэлтэ (фольклорная мистика, насыщенная местным фольклором — духами, призраками, поверьями, шаманизмом, проклятием предков). Преломленная реальность таких фильмов — незаживающие раны истории, в основе которой иногда навязанный когда-то советской властью атеизм, потревоженная память предков, — и так называемый «нижний мир» вешним потоком смывает все правила и законы цивилизации, становясь единственной и неумолимой реальностью. Иногда это месть за поругание девственной природы, иногда — народных верований, иногда — нечто, не поддающееся рациональному объяснению, как в «Иччи» (2021) К. Морсаана, и требующее признать, что это просто существует (потусторонняя сущность). Что касается используемых приёмов, то режиссёр «Иччи» в интервью говорит, что «специально даже изучал методики введения в транс, шаманские технологии, когда всё начинается сначала очень монотонно, тихо <...> постепенно ритм нарастает и в конце концов переходит в чуть ли не в экстатический крик»¹⁵. Автор также намеренно отказывается от голливудских спецэффектов, а своим фильмом являет новое слово в создании саспенса, уверенный, что истинный страх невозможно создать акустическими и визуальными средствами: «Каким-то образом подобные сущности находят выход в наш мир только через страдание, несправедливость — в общем, через тяжелые эмо-

ции»¹⁶. Автор не даёт разгадок в финале своего фильма — добрый или злой этот дух Иччи, почему погибла вся семья. Объяснения и не предусмотрены. Как ни парадоксально, теоретическое обоснование такой стилистики находим именно у теоретика экспрессионизма В. Воррингера: «Человек нордического типа <...> ощущает некую завесу между собой и природой; поэтому он стремится к абстрактному искусству. Стремясь к самовыражению, дисгармоничные народы вынуждены прибегать к тому невероятному пафосу, который проявляется, в частности, в одушевлении неорганической природы. Человек средиземноморского типа в своей совершенной гармонии никогда не сможет понять “экстаз экспрессивной абстракции”» [Айснер, 2010].

Стоит отметить, что якутское и японское кино роднит использование (в целях создания саспенса) вышеупомянутого приёма кадрирования, когда «экран становится абсолютно чёрным или абсолютно белым» [Делез, 2013] (Ж. Делёз приводит в пример фильм «Завороженный» А. Хичкока: «стакан молока показывается во весь экран, оставляя на нём образ белый и пустой»). По аналогии можно вспомнить кадры обволакивающего сначала взор, а затем сознание героя ритуального огня под бубен шамана в фильмах якутских режиссёров, у японцев — расплзающиеся по потолку или в воде чёрные волосы, медленно превращающие экран в квадрат Малевича.

Несколько экспрессионистской, механистичной, хотя и не нарочито, и достаточно натянутой в этих фильмах выглядит и игра актёров, которая строится не по ставшей привычной нам системе Станиславского, а их речь — сбивчивой (возможно, это связано с особой ментальностью якутских актёров, но тем самым создаётся эффект квазидокументализма — «герои выглядят обычными людьми, которые просто смущаются перед объективом»¹⁷).

¹⁵ Серебрякова Н. Костас Марсаан о хорроре «Иччи»: «Мы могли придумать что-то с рожками, копытами и хвостом» // Афиша daily. — 2021. — 30 мая. — URL: <https://daily.afisha.ru/cinema/19815-kostas-marsaan-o-horrorre-ichchi-mogli-pridumat-chtoto-s-rozhkami-kopytami-i-hvostom/>

¹⁶ Там же.

¹⁷ Иванилова Е. Алмазы без огранки: Топ-9 якутских фильмов ужасов // Russo Rosso. — 2019. — 17 авг. — URL: <https://russorosso.ru/features/lists/top-yakutskix-filmov-uzhasov-spisok/>

Наконец общим экспрессионистским знаменателем всех рассмотренных выше жанров и продуктов киноиндустрии, как зарубежной, так и отечественной, является музыкальное оформление, которое, в свою очередь, основано на атональности (или «новой тональности») — отголосками «новой венской школы» А. Шёнберга. Именно об этом, правда, применительно лишь к парадигме Дракулы, говорит искусствовед Н.Ф. Бабич, перечисляя, по сути, специфические признаки экспрессионизма в музыке, которые находим в хорроре и к которым прибегают авторы для создания саспенса: потребность в специальных выразительных средствах преобразования звуковой волны, электронный музыкальный инструмент, нестандартное использование акустических инструментов, «отсутствие яркой мелодики, диссонирующие созвучия и кластеры, сложные внеладовые гармонические сочетания, пугающие акценты в сочетании с внезапными моментами тишины, использование крайних звуковых регистров [Бабич, 2019: 13].

Таким образом, есть все основания полагать, что экспрессионистская традиция в киноискусстве сохраняется по сей день, порождённые ею образы достаточно продуктивны, хоть и по-разному модифицируются, многообразно используется техника света и тени, пусть уже и не являющаяся самодовлеющей (однако и оптический язык Ф. Мурнау существовал не как самоцель, а лишь для создания атмосферы смутной угрозы). В современном кино ключевые фигуры экспрессионизма угадываются как «бродячие сюжеты», как архетипы. В российском кино на сегодняшний день особую художественную ценность, ввиду самобытности, представляет фолк-хоррор. В итоге реалии кинематографа второй половины XX – первых десятилетий XXI вв. позволяют утверждать, что сохраняется главным образом экспрессионистское мировидение режиссёра и сценариста (соответственно и зрителя). Т.е. коды экспрессионизма обнаруживают себя прежде всего на уровне «идеологии» двоемирия, смятенного сознания индивида, а также на уровне технических приёмов работы оператора и светопостановщика.

Список литературы:

- Айснер Л. Демонический экран. — Москва: Rosebud Publishing, 2010. — 240 с.
- Акройд П. Альфред Хичкок. — Москва: КоЛибри, 2016. — 254 с.
- Бабич Н.Ф. Музыкальные формулы страха: эволюция звукового портрета Дракулы в мировом кинематографе // Культура и искусство. — 2019. — № 9. — С. 11–21. <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2019.9.30840>
- Делез Ж. Кино: Кино 1. Образ-движение. Кино 2. Образ-время. — Москва: Ад Маргинем Пресс, 2013. — 559 с.
- Комм Д.Е. Формулы страха: Введение в историю и теорию фильма ужасов. — Санкт-Петербург: БХВ–Петербург, 2012. — 222 с.
- Кракауэр З. От Калигари до Гитлера. Психологическая история немецкого кино. — Москва: Искусство, 1977 — 321 с.
- Метамодернизм. Историчность, аффект и глубина после постмодернизма / под ред. Р. ван ден Аккер. — Москва: РИПОЛ классик, 2020. — 340 с.
- Омельяненко О.В. Влияние немецкого экспрессионизма на советское документальное кино второй половины 1980-х годов: на примере фильма "Обводный канал" режиссера А. Учителя // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. — 2015а. — № 3. — С. 83-85.
- Омельяненко О.В. Феномен одиночества на примере фильма режиссера Г. Гаврилова "Исповедь. Хроника отчуждения" в контексте развития приемов немецкого экспрессионизма // Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2015б. — № 1. — С. 138-140.
- Скал Д.Д. Книга ужаса: История хоррора в кино. — Санкт-Петербург: Амфора, 2009. — 318 с.
- Ciment M. Kubrick: The Definitive Edition. — New York: Faber and Faber, 2003. — VII, 329 p.

Lynch D., Rodley C. Lynch on lynch (Revised). — New York & Farrar Straus and Giroux. — XIII, 322 p.

References:

- Ackroyd, P. (2015) *Alfred Hitchcock*. London: Chatto & Windus. (Russ. ed.: (2016) *Alfred Hitchcock*. Moscow: Kolibri Publ.).
- Akker, R. van den., Gibbons, A. and Vermeulen, T. (2017) *Metamodernism historicity, affect and depth after postmodernism*. London; New York: Rowman & Littlefield. (Russ. ed.: (2020) *Metamodernizm: Istorichnost', Affect i Glubina posle modernizma*. Moscow: RIPOI Classic Publ.).
- Babich, N. F. (2019) 'Musical Fear Formulas: Evolution of the Sound Portrait of Dracula in the World Cinematography', *Culture and Art*, (9), pp. 11-21. (In Russian). <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2019.9.30840>
- Ciment, M. (2003) *Kubrick: The Definitive Edition*. New York: Faber and Faber.
- Comm, D. E. (2012) *Formuly strakha: vvedeniye v istoriyu i teoriyu fil'ma uzhasov [Formulas of fear: An introduction to horror film history and theory]*. Saint Petersburg: BHV-Petersburg Publ. (In Russian).
- Deleuze, G. (1985) *Cinéma*. Paris: Éditions de Minuit. (Russ. ed.: (2013) *Kino 1. Obraz-dvizheniye. Kino 2. Obraz-vremya*. Moscow: Ad Marginem Press).
- Eisner, L. H. (1955) *Dämonische leinwand die blütezeit des deutschen films*. Wiesbaden-Biebrich: Feldt. (Russ. ed.: (2010) *Demonicheskii ekran*. Moscow: Rosebud Publishing).
- Kracauer, S. (1947) *From Caligari to Hitler: a psychological history of the German film*. Princeton: Princeton University Press. (Russ. ed.: (1977) *Ot Kaligari do Gitlera. Psikhologicheskaya istoriya nemetskogo kino*. Moscow: Iskustvo Publ.).
- Lynch, D., Rodley, C. (2005) *Lynch on lynch (Revised)*. New York: Farrar Straus and Giroux.
- Omelyanenko, O. V. (2015a) 'The influence of German expressionism on Soviet documentary cinema of the second half of the 1980's on example Obvodny Kanal, director Alexey Uchitel', *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta kul'tury i iskusstv*, (3), pp. 83-85. (In Russian).
- Omelyanenko, O. V. (2015b) 'The phenomenon of loneliness on the sample film G. Gavrilov Confession. Chronicle of alienation in the context of the development of the techniques of the German expressionism', *Molodezhnyy vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, (1), pp. 138-140. (In Russian).
- Skal, D. J. (1993) *The monster show: a cultural history of horror*. New York: Norton. (Russ. ed.: (2009) *Kniga uzhasa: Istoriya khorrora v kino*. Saint Petersburg: Amfora Publ.).

Информация об авторе

Элла Александровна Радаева — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы Самарского государственного социально-педагогического университета, 443090, Самара, ул. Максима Горького, 65/67 (Россия), член Российского союза учёных-германистов.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Ella A. Radaeva — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Methods of Teaching Literature, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67, Maxim Gorky st., Samara, Russia, 443090 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest

Статья поступила в редакцию 20.08.2022; одобрена после рецензирования 07.09.2022; принята к публикации 14.09.2022.

The article was submitted 20.08.2022; approved after reviewing 07.09.2022; accepted for publication 14.09.2022.

ЕВРЕЙСКАЯ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Валерия Валерьевна Слепцова

Институт философии РАН, Москва, Россия

valeriya.v.sleptsova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4490-4066>

Jewish Philosophy in an Analytic Age / ed. Lebens S., Rabinowitz D., Segal A. — Oxford: Oxford University Press, 2019. — 342 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198811374.001.0001>

Аннотация. Рецензируемый сборник эссе представляет собой в значительной степени уникальный пример: приложение аналитической философии к иудаизму. Применительно к христианству аналитический подход успешно используется с 1980-х гг. и «легитимизация» аналитической философии религии связывается в первую очередь с именами Алвина Плантинги, Ричарда Суинберна и др. Между тем, тексты еврейских мыслителей крайне редко вводятся в поле аналитической философии религии или аналитической философской теологии. Помимо уникальности рецензируемый сборник ценен тем, что в нём затрагивается сразу несколько тем, значимых в философии религии. Это проблема соотношения свободы выбора и божественного знания будущих событий, эпистемологическое различие веры как *faith* и веры как *belief*, моральная оправданность лжи, проблема зла и др. Значимой частью сборника является раздел «Дискуссия», автор которой, Цви Новик, формулирует своё отношение к подходу, предложенному в сборнике. На мой взгляд, авторы сборника приглашают читателя ещё раз осмыслить вопрос о том, что такое «еврейская философия», а предложенный ими подход, хотя и не всегда укладывается в рамки аналитической философии религии, способствует «осовремениванию» еврейских религиозно-философских текстов и введению их в область современной философии религии. В немалой степени этому способствует свойственная аналитической философии универсализация текста. Все указанные моменты позволяют рекомендовать сборник не только исследователям, специализирующимся на изучении иудаики или философам, но и широкому кругу читателей, интересующихся современными тенденциями в философии.

Ключевые слова: аналитическая философия религии, иудаизм, Маймонид, средневековая философия, философская теология

Book review

JEWISH RELIGIOUS AND PHILOSOPHIC THOUGHT THROUGH THE LENS OF ANALYTICAL PHILOSOPHY

Valeriya V. Sleptsova

Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
valeriya.v.sleptsova@gmail.com <https://orcid.org/0000-0002-4490-4066>

Lebens, S., Rabinowitz, D. and Segal, A. (eds) (2019) *Jewish Philosophy in an Analytic Age*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198811374.001.0001>

Abstract. The reviewed *Jewish Philosophy in an Analytic Age* is a unique collection of essays that combine analytical philosophy to the Jewish religion. Analytical approach has been widely applied to Christianity since the 1980s and marked the legitimization of analytical philosophy of religion. This turn is primarily associated with the names of Alvin Plantinga, Richard Swinburne and others. At the same time the texts by Jewish religious philosophers are rarely, if ever, considered through the prism of analytical philosophy of religion and analytical theology. This collection of essays is not only valuable because of its exceptional nature: the authors of the essays touch upon important topics of religious philosophy, such as the correlation of the freedom of choice and a divine knowledge of the future, the epistemological distinction of *faith* and *belief*, moral justification for lying, the problem of evil, etc. The extensive Discussion part, written by Tzvi Novick from the Theology Department of the University of Notre Dame, presents the author's attitude towards the approach taken in the book. Readers are encouraged to think of the very essence of Jewish philosophy and possibly review its understanding. The analytical approach found in the essays sometimes transcends the boundaries of the analytical philosophy of religion, contributes to the modernization of Jewish religious and philosophical works, and introduces these texts to the domain of modern analytical philosophy. The latter is achieved through analytical generalization of Jewish texts, making them universal. The above-mentioned features make the book worth reading by scholars, researches, and all those interested in the modern philosophy and the study of Jewish religion.

Keywords: analytical philosophy, Judaism, Maimonides, medieval philosophy, philosophical theology

Книга посвящена интересному и новому подходу в исследовании еврейской философско-религиозной системы: осмыслению иудаизма в поле аналитической философии. Она является одним из результатов проекта по исследованию философии иудаизма, поддержанного фондом Темплтона. Руководителями проекта и редакторами рецензируемой книги являются Сэмюэл Лебенс (Samuel Lebens)

из Университета Хайфы, Дэни Рабинович (Dani Rabinowitz)¹ и Аарон Сегал (Aaron Segal) из Еврейского университета в Иерусалиме.

Книга состоит из введения и пяти частей. Во введении, написанном Лебенсом, Рабиновичем и Сегалом, дан краткий очерк истории аналитической философии, её основных черт, а также истории развития еврейской философско-религиозной мысли с

¹ Рабинович на настоящий момент не имеет университетской афiliation, работает в юридической фирме Clifford Chance. Подробнее о редакторах книги можно узнать на сайте созданной ими Ассоциации по философии иудаизма (Association for the Philosophy of Judaism). — URL: <http://www.theapj.com/about-us/>

двумя крупными «стадиями» — «арабской» и «немецкой». Авторы введения постулируют необходимость третьей стадии — аналитической. По их мнению, использование аналитической философии для изучения философии иудаизма «может помочь религиозным евреям, нерелигиозным евреям, а также не-евреям понять развитие интеллектуальной традиции, которая определяет иудаизм» [Jewish Philosophy in..., 2019: 3]. Авторы подчёркивают, что аналитическая традиция не является чем-то чуждым и неподходящим для осмысления традиции иудейской: Талмуд и его комментарии, наполненные тонкими различиями и концептуальным анализом, средневековая философия с её вниманием к логике и языку, делают аналитический поворот в философии иудаизма естественным и продуктивным. Во введении содержится также краткое изложение содержания книги.

Первая часть книги посвящена исследованию талмудической и раввинистической философии и состоит из пяти глав-статей. Э. Хирш (Университет Брандейса, США) в статье «Судьба в Талмуде» (Talmudic Destiny) подробно разбирает взгляды великого средневекового комментатора Талмуда — Раши — на проблему выбора и будущего. Хирш разворачивает перед нами две точки зрения на существование ретроспективного выбора. Применительно к Галахе эти точки зрения означают признание законности той или иной сделки, совершенной в прошлом с учётом будущего выбора. Одна точка зрения, по сути своей оккаместская, состоит в том, что ретроспективный выбор есть (*yesh bererah*). Другая, представленная комментаторами, составившими Тосафот, представляет собой фактически аристотелевскую позицию, согласно которой, поскольку будущие события не обладают статусом истинности или ложности, то ретроспективного выбора нет (*en bererah*). Хирш подробно анализирует талмудические понятия *bererah* (ретроспективный выбор) и *tenai* (условие). Он доказывает, что позиция Раши отличается как от аристотелевской, так и от оккаместской, представляя собой особую разновидность *en bererah*. Статья Хирша являет читателю виртуозное совмещение терминологий,

когда схоластические и современные философские термины применяются к концепциям комментаторов Талмуда, а талмудические термины помогают прояснению схоластических и современных концепций. Такое наложение терминов вкупе с мысленными экспериментами и анализом авторских примеров является характерной чертой всех текстов сборника, и несомненно, сильной его стороной.

Во втором эссе (А. Сегал, Еврейский университет в Иерусалиме, Израиль) представлены рассуждения о мета-метафизике и философии языка на материале талмудических споров о законах. В третьем эссе (Дж. Хелмрайх, Калифорнийский университет в Ирвайне, США) аргументируется идея о том, что основными принципами талмудической и раввинистической юриспруденции являются плюрализм и верность (*faithfulness*) [Jewish Philosophy in..., 2019: 61], а также демонстрируется, что, хотя эти принципы не являются прямо противоречащими друг другу, взятые вместе они создают некую напряжённость: для учителя-раввина практически невозможно сознательно руководствоваться ими обоими. Хелмрайх предлагает варианты решения этой проблемы, в частности, с помощью модификации этих ключевых понятий. Четвертое эссе (С. Лебенс, Университет Хайфы, Израиль) представляет собой философский комментарий на мидраш к Песни Песней; методологическим основанием этого комментария является корпус текстов аналитических философов о природе и смысле метафоры. В последнем эссе «талмудической» главы (Д. Рабиновиц, Клиффорд Чанс) намечаются контуры эпистемологии покаяния с привлечением к анализу отрывков из талмудических трактатов и «Мишне Тора» Маймонида. Таким образом, пятая глава первой части задает тему следующей части — исследований философии Маймонида.

Вторая часть содержит три главы-статьи. Все они объединены стремлением ввести идеи Маймонида в дискурс современной философии. Две из этих статей носят компаративистский характер. Отдельные концепции, разрабатывавшиеся Маймидом, сопоставляются с идеями Юма (М.

Штайнер, Еврейский университет в Иерусалиме, Израиль) и Спинозы (Д. Франк, Университет Пердью, США). Штайнер демонстрирует, что аргументы Маймонида в его полемике с каламической философией могут быть применены к идее Юма о том, что «положение дел возможно, если и только если его можно вообразить» [Jewish Philosophy in..., 2019: 120]. Франк показывает, что, хотя Спиноза является критиком Маймонида, существуют неожиданные параллели между размышлениями этих философов: «Согласно обоим, как Маймониду, так и Спинозе, *summum bonum* для человеческих существ представляет собой функцию знания и понимания, а божественная провиденциальная забота, неуязвимость (*invulnerability*), исходящая от Бога или Природы, сопутствует ему» [Jewish Philosophy in..., 2019: 146]. Третья статья (Дж. Штерн, Университет Чикаго, США) анализирует ответы Маймонида и его предшественников на становящуюся всё более актуальной в настоящее время тему мученичества — смерти во имя Бога.

Главы третьей части объединены общей темой философской теологии. В первой главе (Х. Ветштайн, Калифорнийский Университет в Риверсайде, США) анализируется понятие *emunah*, вера как *faith*, которое фактически противопоставляется автором эссе вере как *belief*. Основными аспектами *emunah* Ветштайн считает динамику (движение к Богу), готовность принимать любые повороты судьбы (и в связи с этим подчёркивает ненужность теодицеи для верующего человека), а также чувство связи с Богом. Это эссе выделяется из всех остальных работ, собранных в рецензируемой книге, по нескольким параметрам. Во-первых, в нём отсутствуют чёткие формулировки терминологии, нет строго выделенного тезиса с последующей аргументацией, а также строгих выводов. Основным философским источником, на который опирается Ветштайн, является работа Мартина Бубера «Два типа веры». Статья Ветштайна представляет собой, скорее, пример рассуждения в рамках континентальной, нежели аналитической, философской традиции. Вторая глава посвящена ответу на вопрос о правомерности построения теодицеи теи-

стом. Используя обширный корпус первоисточников, от Нахманида до Хайдеггера, Д. Шатц (Ешива-Университет, США) показывает несостоятельность позиции анти-теодицеи, согласно которой «иррационально и/или неэтично и/или, иначе, вредно, не надлежит или неправильно для теистов даже искать теодицеи, интересоваться, какой может быть хорошая теодицея» [Jewish Philosophy in..., 2019: 199]. В третьей главе Т. Гольдшмидтом (Рочестерский университет, США) создаётся переосмысленная версия классического иудейского аргумента в пользу истинности Исхода. Автор четвёртого эссе (Дж. Голдинг, Университет Беллармин, США) вводит нас в область исследования каббалы, анализируя центральные её понятия *Atzmut* и *Sefirot*.

Четвёртая часть книги объединена общей темой — мораль и этика в иудаизме. В первой главе-эссе Шира Вайс (Университет имени Бен-Гуриона, Израиль) задаётся вопросом о том, морален ли сознательный обман. Для ответа на этот вопрос она привлекает истории из Библии и классические комментарии к ним, вводя иудейский нарратив в широкое поле исследований моральности правды и лжи в аналитической традиции. Вайс сопоставляет концепции «misleading truth», полуправды, и *genevat da'am*, галахическое понятие, отсылающее к введению в заблуждение или обману. Второе эссе (Йонатан Брэфман, Еврейская богословская семинария, США) посвящено исследованию авторитета раввинов в контексте современного обсуждения источников нормативности. В третьем эссе Мелис Эрдур (Открытый Университет Израиля) предлагает свой ответ на «нормативный вопрос»: зачем быть моральным, если моральное поведение сопряжено с трудностями и жертвами. Эрдур интерпретирует классические тексты — Библию, Талмуд, мидраши, чтобы продемонстрировать, что их можно продуктивно использовать для создания метаэтики. Наконец, в четвёртом эссе Сол Смилански (Университет Хайфы, Израиль) разворачивает свои идеи в отношении проблемы неидентичности (*Nonidentity problem*) и её связи с историей евреев. Любой человек может встать перед дилеммой: либо он должен сожалеть о том,

что он и те, кого он любит, существуют, либо не сожалеть обо всех ужасных исторических событиях, таких как Холокост или рабство, поскольку они привели к такому положению дел, при котором данный человек существует. Смилански демонстрирует, что для описания того, как эта дилемма присутствует в человеческом и национальном сознании, хорошо подходит идея «увлечённой этики» (Crazy Ethics). Термин этот не имеет чёткого определения, в целом он характеризует ситуацию, когда «общие, важные и, казалось бы, разумные ожидания от морали в значительной степени не оправдывают надежд, что приводит к неожиданной, противоречивой и в некоторой степени даже иррациональной ситуации» [Jewish Philosophy in..., 2019: 319].

Книга «Еврейская философия в аналитическую эпоху» завершается дискуссией. Цви Новик (Tzvi Novick) с критических позиций рассуждает о возможности принятия проекта, заявленного в рецензируемой книге, и о соотношении этого проекта с современной иудаикой (Jewish Studies). Основными недостатками книги, по мнению Новика, является, во-первых, стремление авторов представить иудейскую мысль как набор статичных утверждений, извлекаемых из текстов, и подвергаемых философскому анализу, что обедняет её [Jewish Philosophy in..., 2019: 327]. Во-вторых, Новик, не претендуя на строгость терминологии, подчёркивает тем не менее разницу между «еврейской аналитической философией» и аналитической философией, «вдохновленной еврейскими текстами» [Jewish Philosophy in..., 2019: 327]. Первая представляет собой «анализ концепций, глубоко внедрённых в еврейские тексты», а вторая — анализ, который «привносит сложный набор споров из аналитической философии ради комментирования единственного талмудического пассажа» [Jewish Philosophy in..., 2019: 327]. И различаются они по значимости: первая значит для евреев и иудаизма больше, чем вторая.

Редакторы книги (Лебенс, Рабиновиц и Сегал) отвечают на эту критику, демонстрируя, что проблема, затронутая Цви Новиком, глубже, чем можно подумать. В ответе редакторы проясняют некоторые методологические основания своей работы, отличающие их подход от методологического подхода классической иудаики. Главным таким расхождением они считают принятый в иудаике методологический натурализм. Их же подход (и здесь редакторы ссылаются на идеи Плантинги, выраженные в статье «Совет христианским философам» 1984 года) предполагает возможность «привнесения» Бога в выстраиваемые теории [Jewish Philosophy in..., 2019: 331].

Книга, без сомнения, представляет собой если и не уникальный, то достаточно редкий для современных исследований иудаизма и еврейской философии феномен. Как справедливо отметил Цви Новик, в рамках данного подхода существует некоторое количество исследований. Он упоминает, например, работу Зоммера² [Jewish Philosophy in..., 2019: 326], которая посвящена исследованию проблемы Откровения на Синае в исторической перспективе и в современной еврейской философии³. Я же упомяну текст А. Бриля, в котором анализируются четыре подхода отношений иудейских философов и теологов к другим религиям [Brill, 2010]. От этих трудов рецензируемый сборник выгодно отличается тем, что объединяет статьи целой группы исследователей, работающих в рамках одного подхода. Этот подход можно охарактеризовать не только как аналитическую философию (выше было упомянуто, что не все эссе сборника строго укладываются в рамки аналитической философии), но и как историю философии: обращение к значимым текстам иудейской религиозно-философской мысли различных исторических эпох для ответов на актуальные вопросы. Это попытка — и, безусловно, выполненная на очень высоком теоретическом уровне — внести новые тексты в поле современной

² [Sommer, 2015]

³ Подробнее о книге Зоммера см.: [Слепцова, 2018].

философской дискуссии. Вторым несомненным достоинством «Еврейской философии в аналитическую эпоху» является разноплановость представленных в ней статей. Сразу несколько тем, значимых для современной аналитической философии, находят свое развитие на страницах этой книги. Представляется более продуктивным, как минимум, в рамках подхода, очерченного в рецензируемой книге, говорить не о «еврейской аналитической философии», а, скорее, об «аналитической философии иудаизма». Авторы каждой из статей, представленных в рецензируемой книге, обращаются — прямо или опосредованно — к ТаНаХу, Талмуду или более поздней раввинистической литературе. Одни, как Сегал или Вайс — напрямую, другие, те, кто анализируют идеи средневековых философов: Штайнер, Франк, Штерн — опосредованно, через труды Маймонида или Нахманида.

Вместе с тем, рецензируемая книга должна, на мой взгляд, послужить поводом для размышлений о том, что такое «еврейская философия» в целом, и что такое «еврейская аналитическая философия» в частности: каковы её особенности, характерные черты, границы. Какие выводы относительно еврейской философии можно сделать, применяя подход, предложенный в рецензируемой книге? И что подразумевает Цви Новик, говоря о дихотомии «еврейская философия» / «философия, вдохновленная еврейскими текстами»? Рассуждения о том, что представляет собой еврейская философия, возникают не одновременно с её появлением и даже не сразу после этого. Саморефлексия еврейской философии начинается ближе к концу XIX в., уже после того, как в Новое время постепенно размывается еврейская идентичность⁴. Обобщённо можно выделить несколько подходов к определению того, что считать еврейской философией⁵. Во-первых, существует подход, который Рафаэль Йош-

пе обозначил как «сущностный подход», представителями его являются, в первую очередь, Юлиус Гутман и Александр Альтман. Согласно этому подходу, еврейская философия — это философия иудаизма, то есть «философия, чьим объектом является иудаизм» [Йошпе, 2018: 593]. Внутри этого подхода различаются несколько позиций большей или меньшей степени гибкости. Во-вторых, подход, обозначенный Йошпе как «формальный» или «формалистский», когда еврейская философия определяется, например, по языку, на котором она написана. Иначе говоря, еврейская философия — это философия, написанная на иврите. В целом каждый из подходов порождает свои сложности, однако формалистский не разделяется большинством исследователей на том основании, что многие труды еврейских философов были написаны не на иврите, как в Средние века, так и позднее. Проблема, возникающая, по мнению Йошпе, с сущностным подходом, состоит в том, что исследователи не определяют сущность иудаизма, в согласии с которой должна находиться еврейская философия. Здесь можно сделать существенную оговорку относительно сущностного подхода: речь не обязательно должна идти об утверждении истинности иудаизма. Наиболее удачная формулировка, свободная от недостатков, за которые Йошпе подверг сущностный подход критике, обнаруживается в кратком введении к словарю «Еврейская философия от А до Z» Аарона Хьюза (Hughes). Согласно Хьюзу, «еврейская философия — это чтение авторитетных источников иудаизма (особенно Библии) в свете терминологии и категорий, взятых из философии»⁶.

Теперь становится яснее, что дихотомия, представленная Цви Новиком, это, по сути, дихотомия взглядов «изнутри» и «снаружи». И «еврейская философия», «взгляд изнутри», представляется ему более значимой, чем «философия, вдохновленная ев-

⁴ Процесс размытия еврейской идентичности описывается и осмысливается в работах М.М. Каплана, создателя реконструктивизма. Например, [Kaplan, 2001: 3] и далее.

⁵ Есть также точка зрения, состоящая в том, что «еврейская философия» не существует или является внутренне противоречивым понятием. Подробнее об этом см.: [Йошпе, 2018: 568-569].

⁶ Hughes A.W. Jewish Philosophy A-Z. — Edinburg: Edinburg University Press, 2005. — P. X.

рейскими текстами», «взгляд снаружи». Однако с этим трудно согласиться, поскольку предпочтение «взгляда изнутри» способствует изоляционизму еврейской философии, тогда как «взгляд снаружи» помогает её интеграции в сферу современной философской мысли. И хотя на первый взгляд может показаться, что благодаря универсализации, свойственной аналитической фи-

лософии, философия иудаизма теряет свою уникальность, однако именно эта универсализация делает книгу «Еврейская философия в аналитическую эпоху» интересной не только для специалистов в области иудаики, историков философии или философов религии, но и для широкого круга читателей, интересующихся современными тенденциями философской мысли.

Список литературы:

Йошпе Р. Что такое еврейская философия? // Антология средневековой еврейской философии: Изыскания в еврейской мистике и философии. — Москва: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2018. — С. 553-612.

Слепцова В.В. Между авторитетом и Откровением // Философия религии: аналитические исследования. — 2018. — Т. 2. № 2. — С. 146–154. <https://doi.org/10.21146/2587-683X-2018-2-2-146-154>

Brill A. *Judaism and Other Religions : Models of Understanding*. — New York: Palgrave Macmillan, 2010. — XIV, 275 p.

Jewish Philosophy in an Analytic Age / ed. Lebens S., Rabinowitz D., Segal A. — Oxford: Oxford University Press, 2019. — 342 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198811374.001.0001>

Kaplan M.M. *Judaism as a Civilization: Toward a Reconstruction of American-Jewish Life*. — Skokie: Varda Books, 2001. — 601 p.

Sommer B.D. *Revelation and Authority: Sinai in Jewish Scripture and Tradition*. — New Haven: Yale University Press, 2015. — XVIII, 419 p.

References:

Brill, A. (2010) *Judaism and Other Religions : Models of Understanding*. New York: Palgrave Macmillan.

Jospe, R. (1988) *What is Jewish philosophy?* Tel-Aviv: Open University of Israel. (Russ.ed.: (2018) 'Что такое еврейская философия?', in *Antologiya evrejskoj srednevekovoj filosofii [Anthology of Jewish Medieval Philosophy]*. Moscow: Mosty kultury Publ.; Jerusalem: Gesharim Publ., pp. 553–612.).

Kaplan, M. M. (2001) *Judaism as a Civilization: Toward a Reconstruction of American-Jewish Life*. Skokie: Varda Books.

Lebens, S., Rabinowitz, D. and Segal, A. (eds) (2019) *Jewish Philosophy in an Analytic Age*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198811374.001.0001>

Sleptsova, V. V. (2018) 'Between Revelation and Authority', *Philosophy of Religion: Analytic Researches*, 2(2), pp. 146–154. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/2587-683X-2018-2-2-146-154>

Sommer, B. D. (2015) *Revelation and Authority: Sinai in Jewish Scripture and Tradition*. New Haven: Yale University Press.

Информация об авторе

Валерия Валерьевна Слепцова — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора философии религии, Институт философии РАН, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1 (Россия)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Valeriya V. Sleptsova — Ph.D. in Philosophy, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Книжная рецензия

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-179-181>

THE REVIEW OF *BETWEEN MYTH AND SCIENCE. A TREATISE ON PLATO'S COSMOLOGY*

Irina Deretić

University of Belgrade, Faculty of Philosophy, Belgrade, Serbia
ideretic1@gmail.com

Kandić, A. (2021) *Između mita i nauke. Rasprava o Platonovoj kosmologiji* [*Between Myth and Science: A Treatise On Plato's Cosmology*]. Belgrade: University of Belgrade, Faculty of Philosophy. (In Serbian).

Книжная рецензия

РЕЦЕНЗИЯ «МЕЖДУ МИФОМ И НАУКОЙ. СОКРОВИЩА КОСМОЛОГИИ ПЛАТОНА»

Ирина Деретич

Белградский университет, Белград, Сербия
ideretic1@gmail.com

Kandić, A. *Između mita i nauke. Rasprava o Platonovoj kosmologiji*. — Belgrade: University of Belgrade, Faculty of Philosophy, 2021. — 181 s.

© Deretić I., 2022

Аннотация. Монография Александра Кандича — первое в истории сербского научного сообщества исследование одного из наиболее значимых диалогов Платона. Даже спустя два с половиной тысячелетия с момента своего написания «Тимей» продолжает привлекать внимание учёных, от философов до физиков. Действительно, идеи Платона в несколько изменённом виде окружают нас по сей день: это и принцип симметрии, и идея о начале времён, и стремление познать природу в её математической простоте и красоте. В своей работе А. Кандич не только идёт по стопам признанных знатоков древнегреческой философии, таких как С. Броуди, Ф.М. Корнфорд, Г. Властос и др.; но вступает с ними в полемику. Из двух основных подходов к диалогу, предлагающих отбросить мифические элементы как несущественные или, напротив, рассматривать их как необходимую часть космологии Платона, автор придерживается второй точки зрения, которую отстаивает последовательно и убедительно. В первой части монографии исследуются мифические аспекты «Тимея». А. Кандич подробно обсуждает базовые понятия, такие как «демиург» и «мировая душа», необходимые для дальнейшего анализа космологии Платона и приходит к выводу, что мифическое у Платона служит доказательством существования «латентной» части человеческой психики и когнитивных способностей. В отличие от большинства досократиков, Платон показывает, что люди наравне с богами способны постичь фундаментальные принципы природы. Далее следует глубокий анализ математической и натуралистической сторон диалога. Автор видит в сочинении Платона указание на существование тесной связи между структурой психики (и опытом тождества) и идеальными математическими структурами, так как сама по себе математика не сообщается физическими объектами, а является подлинно философской. Отдельно рассматривается сходство эпистемологии и философии науки Платона и их современного понимания. Оригинальные и аргументированные интерпретации А. Кандича демонстрируют психологизм идей древнегреческого философа и раскрывают другие важнейшие философские вопросы, затронутые в тексте «Тимея».

Aleksandar Kandić's monograph entitled *Between Myth and Science: A Treatise on Plato's Cosmology* is the first study of Plato's *Timaeus* published in Serbian scientific community. Interpreting one of the most influential Plato's writings, the author, among other things, deals with the beginnings of science in ancient Greece. Even after almost two and a half millennia, the *Timaeus* continues to attract the attention of researchers from various fields, and, in addition to many philosophers, such as K. Popper, it was also studied by the famous physicist W. Heisenberg. It is important to note that some of Plato's concepts are present in contemporary natural sciences, though in a different, modernized form: first, the principle of symmetry (within the theory of supersymmetry, or SUSY), then, the idea that the world has a beginning in time (Big Bang theory), as well as the tendency to understand the fundamental principles of nature as mathematically simple, and even beautiful.

In his reading of the *Timaeus*, Kandić not only follows the most influential researchers of ancient philosophy such as S. Broadie,

F. M. Cornford, G. Vlastos, L. Brisson, J. Dillon, T. Kj. Johansen, T. Robinson and others, but also openly enters into polemics with them whenever necessary, in the spirit of his argument. Noting that there are two basic ways to interpret the *Timaeus* — the first according to which the mythical elements of this dialogue are superfluous and can be eliminated, and the second according to which the mythical elements are, in fact, essential for Plato's cosmological position — the author clearly opts for the second interpretation. He defends his position in a consistent and persuasive manner throughout all the chapters of his study. Although Plato's cosmology is set in a distinctly mythical framework, since a certain *architect* is considered to be the cause of the existence of the universe (instead of purely mechanical natural forces), Plato uses mathematical terms in the central, cosmological parts of his writing to explain the structure of the physical world. This approach has already seemed problematic to Aristotle, and in particular, it may seem inconsistent and confusing from the standpoint of the methodology of modern natural sciences.

The first part of the book deals mostly with the mythical aspects of the *Timeaus*. Kandić provides an extensive discussion of the notions of the demiurge and world soul, which is supposed to set the stage for the analysis of natural philosophical parts of Plato's cosmological treatise. His main thesis, clearly inspired by the readings of Broadie, Robinson, Brisson and Meyerstein, as well as other contemporary philosophers, is that the main purpose of mythical notions in the *Timaeus* is to establish the existence of a *latent*, inherent structure of human psyche and its cognitive capabilities. Unlike most of the Presocratic philosophers, or Greek poets, Plato is keen to show that humans are just as capable of understanding the fundamental principles of nature as the Gods. Hence the radical revision of traditional Greek mythology, which gains pace in the *Republic* already.

After the brief, intermediary chapter which explores the relationship between *muthos*, *logos*, and *episteme*, the author proceeds to the most important sections of his treatise — the analysis of mathematical, natural philosophical aspects of the dialogue. Instead of only comparing Plato's mathematical astronomy and microphysics to the observational data available at the time, which is, for example, what Vlastos does in his reading, Kandić follows, criticizes and complements Johansen in his endeavor to explain the very origin of our knowledge of mathematical notions. It seems that, according to Plato, an intimate relationship exists between the structure of psyche (or the experience of self-identity) and ideal, mathematical structures. Although sensory experience, such as observation of

regular motions of heavenly bodies, represents the first step in acquiring mathematical knowledge, the mathematical information itself is not present within physical objects. Mathematical entities are psychophysical in nature, as they provide *shape* to the supposed latent, or inherent structure of psyche, which is hinted at by the aforementioned mythical notions. The intense discussion is followed by the chapters which examine the similarities between Plato's conception of science and the methodology of modern natural sciences, as well as provide thoughtful insights into Plato's epistemology and philosophy of science.

The interpretive solution that Kandić elaborates in detail is original and very well founded. Plato's basic intention is to introduce us to natural philosophical issues through psychology. If the mythical terms in the *Timaeus* refer to a certain inherent structure of the human psyche from which every cosmological or scientific explanation begins, then it is impossible to remove them from Plato's work. Moreover, it is precisely in this way that a significant distinction between model and reality is established — a distinction widely recognized by modern science. Before embarking on cosmological research, it is necessary to thoroughly examine the abilities and limitations of our cognitive apparatus. Are there, for example, dominant structures in the human psyche, do they and to what extent influence the shape of our scientific theories, can they be described mathematically, and most importantly, do they have a biological or biophysical basis? These are just some of the fundamental issues that Kandić deals with in his work, interpreting Plato's original text.

Information about the author

Irina Deretić — Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy, University of Belgrade 18-20 Čika Ljubina Street, Belgrade, Serbia, 11000 (Serbia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Информация об авторе

Ирина Деретич — доктор философских наук, профессор кафедры философии Белградского университета, Филозофски факултет Чика Љубина 18-20, 11000 Београд, Сербия (Сербия)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-182-183>

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЦИФРОВЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ 2022»

Александра Евгеньевна Уланова

МГИМО МИД России, Москва, Россия
aleksa.ulanova@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5317-7991>

14–15 апреля в МГИМО МИД России состоялась международная научно-практическая конференция «Цифровые международные отношения 2022». Мероприятие было организовано МГИМО совмест-

но с Институтом системного программирования им. В.П. Иванникова (ИСП) РАН под эгидой Министерства иностранных дел Российской Федерации. Пленарная сессия «Международные отношения в условиях цифровизации общественной жизни» началась с приветственных слов ректора МГИМО, академика РАН А.В. Торкунова, министра иностранных дел С.В. Лаврова, министра науки и высшего образования В.Н. Фалькова, президента РАН, академика А.М. Сергеева, заместителя министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций А.М. Шойтова, директора ИСП РАН, академика А.И. Аветисяна, президента Российской ассоциации по связям с общественностью Е.Н. Минченко. Высокие гости отметили возрастающую роль цифровых

технологий в мировой политике, государственном управлении, экономике, образовании, науке.

На конференции работало множество секций, панельных дискуссий и круговых столов, в частности, «Противостояние в цифровой среде: новые правила международной политики», «Цифровая трансформация стран АСЕАН и России: точки соприкосновения», «Правовое обеспечение развития цифровой экономики в России и за рубежом», «Дипломатическая и консульская служба в эпоху цифровизации международных отношений», «Цифровые технологии и новые медиа», «Цифровая молодежь: что ждет работодателя в XXI веке», «Анализ данных и динамика международных процессов», «Цифровая трансформация бизнес-моделей и бизнес-процессов», «Региональный опыт цифровизации экономики и социальной сферы: лучшие практики». Участие в конференции более 750 профессионалов из разных стран и регионов, ученых, исследователей и предпринимателей как из отрасли информационно-коммуникационных технологий, так и из

социально-гуманитарной области позволило провести по-настоящему живые и открытые обсуждения на самые актуальные общественно значимые темы, а также наладить взаимодействие между высококвал-

лифицированными специалистами, которые совершенно по-разному, но одинаково глубоко увлечены изучением, анализом и развитием цифровых технологий.

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE *DIGITAL INTERNATIONAL RELATIONS 2022*

Aleksandra E. Ulanova

MGIMO University, Moscow, Russia
aleksa.ulanova@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5317-7991>

Abstract. On April 14-15 the International scientific and practical conference *Digital international relations 2022* took place at MGIMO University. The event was organized by MGIMO University in cooperation with Ivannikov Institute for System Programming of the RAS under the aegis of the Ministry of Foreign Affairs. The Plenary session *International Relations in the Context of Digitalization of Public Life* was opened with the speeches of the Rector of MGIMO University A. Torkunov, the Minister of Foreign Affairs S. Lavrov, the Minister of Science and Higher Education V. Falkov, the President of the Russian Academy of Sciences A. Sergeyev, the Deputy Minister of Digital Development, Communications and Mass Media A. Shoytov, the Director of the Institute for System Programming A. Avetisyan and the President of the Russian association for public relations Ye. Minchenko. Distinguished guests noted the growing role of digital technologies in world politics, public administration, economics, education, and science. There were lots of sessions, panel discussions and round tables, such as *Digital public diplomacy: new rules of international politics*; *Digital transformation of ASEAN and Russia: points of convergence*; *Legal support for the development of the digital economy in Russia and abroad*; *Diplomatic and consular service in the era of digitalization of international relations*; *Digital technologies and new media*; *Digital youth: what awaits the employer in the 21st century*; *Data analysis and international processes dynamics*; *Business models and business processes' digital transformation*; *Regional experience of the economy and social sphere digitalization: best practices*. The conference was attended by more than 750 professionals from different countries and regions – scientists, researchers and entrepreneurs working in IT, social science, and humanities. This variety helped to hold lively and open discussions on the most relevant and significant topics and to establish interaction between highly qualified specialists who have absolutely different but equally deep understanding of digital technologies.

Информация об авторе

Александра Евгеньевна Уланова — кандидат философских наук, кафедры преподаватель философии им. А.Ф. Шишкина МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Information about the author

Aleksandra E. Ulanova — PhD in Philosophy, Lecturer at the A. F. Shishkin Department of Philosophy, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)